

ПОСЛЕДНИЙ ПЕШНОШСКИЙ СТАРЕЦ

Т. Е. Ананьева

Предисловие.....	3
ВТОРАЯ ЛАВРА.....	13
Николо-Пешношский монастырь в начале 2000-х.....	13
Немного истории.....	16
Время упадка.....	32
«Макариевский» период	44
Пешноша после «Макариевского» периода.....	57
Пешноша – продолжатель и насадитель традиции старчества.....	64
Пешношские святые.....	66
О синодике и синодичном.....	80
Пешношские святыни	86
Свято-Николо-Пешношский монастырь в XX веке.....	91
Воспоминания Пелагеи Платоновны Волковой.....	106
Воспоминания Бориса Букина	131
Встреча с паломницей.....	137
Встреча с Ириной, родственницей Пелагеи Платоновны Калининой.....	139
Воспоминания Таисии Степановны Бугаевой.....	141
Воспоминания Валентины Алексеевны Букиной.....	146
Воспоминания Зои Сидоровой.....	164
«БабВаля» – монахиня Валентина (В.А. Кириллина)	167
Схиеродиакон Александр и храм мученика Трифона.....	169
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СХИЕРОДИАКОНА АЛЕКСАНДРА (ЖЕМКОВА).....	171
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ТАТЬЯНЫ КАЛИНИНОЙ, ТАЙНОЙ МОНАХИНИ СЕРАФИМЫ В СХИМЕ ИОАННЫ	203
Вспоминает Пелагея Платоновна Волкова.....	205
Вспоминает Валентина Алексеевна Букина.....	212
ВОЗРОЖДЕНИЕ НИКОЛО_ПЕШНОШСКОГО МОНАСТЫРЯ.....	215
Послесловие.....	225

Предисловие

История создания этой книги началась летом 2002 года.

С двенадцатилетним племянником Владиславом я отдыхала в селе Орудьево по Савёловской дороге в доме доброй старушки Клавдии. Хотя ей было за восемьдесят, она давала фору во всех хозяйственных делах мне, пятидесятилетней. Благодородное лицо, деликатные манеры Клавдии наводили на мысль о дворянском происхождении. Но оказалось, она из крестьян, сирота. Думаю, облик этой женщины одухотворила православная вера.

Каждый день Клавдия молилась за своих благодетелей, прочитывая целую тетрадку имён – население целой деревни, где она родилась. По русскому обычаю, жители этой деревни всем миром вырастили сирот, старшей из которых была Клавдия.

Лето выдалось замечательное. Владик рыбачил на прудах, принося маленькую вкусную рыбёшку, а я в дачной местности не лишена была самого главного – Литургии: неподалёку находились два действующих храма!

Храм Покрова Божией Матери в селе Орудьево был украшен иконами XIX века в богатых ризах, а стены расписаны, как я потом узнала, при участии великого русского художника В. М. Васнецова.

Подсвечники в храме были необычные, с деталями из фарфора, причём рисунок каждого подсвечника соответствовал иконе, перед которой он стоял. Эти прекрасные изделия были изготовлены в Вербилках, на фарфоровом заводе, по заказу купца-храмоздателя. Любили наши предки свою православную веру!

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Очево располагалась дальше на три автобусные остановки. Невдалеке от церкви находился Черногрязский погост – небольшое сельское кладбище, но села поблизости не было видно.

В храме «на погосте» к тому времени тоже сохранились иконы, большинство уже осталось без риз, и роспись стен была проще.

Распятие, одинаковое в двух храмах, было каким-то необыкновенным, трагичным. Как выяснилось, оно повторяло облик Животворящего Креста – знаменитой святыни Дмитровского района, когда-то приплывшей «в селения грешники» против течения реки Яхромы.

Обе церкви известны с XVII века и имеют интересную историю.

Эти храмы, стоящие на оживлённом шоссе, – остались целы и не разграблены в эпоху гонений на веру.

Храм Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Очево (Дмитровский район М.О.).

По данным журнала «Московские епархиальные ведомости» в 1904 году в Дмитровском уезде было 109 храмов; к 1944 году осталось всего 6, в них служили 8 священников и один диакон.

При этом в 13 районах Московской области не было ни одного действующего храма. Удивительно, что два из шести не закрытых храмов Дмитровского района находились в селе Орудьево и его окрестностях! В чём причина?

Я поделилась своим наблюдением с моим духовником. Его ответ был такой: «Значит, был молитвенник».

От моей доброй хозяйки Клавдии я слышала, что в этих местах жил то ли старец, то ли юродивый, и умер в 70-е годы XX столетия.

Когда мы с Владиком ходили в лес, то посещали кладбище – погост у храма Введения, и мой шустрый племянник вёл там себя на удивление смирно.

Однажды, на автобусной остановке, рядом с кладбищем, женщина рассказала нам, что в деревне Княжево, расположенной недалеко от храма Введения, более 40 лет скрывался старец - отец Александр, и показала, где он похоронен. Подойдя к скромной могилке «на погосте» возле куста туи, мы увидели на кресте фотопортрет благообразного старца.

Надпись гласила: «Александр Ильич Жемков. 1877–1967». Рядом стоял такой же простой железный крест, тоже с фотографией и надписью: «Татьяна Платоновна Калинина. 1.12.1898–17.11.1975».

Мы с племянником стали молиться. Возле нас вилась чёрная бархатная бабочка, она касалась моего лица, садилась Владику на голову.

На обратном пути к остановке автобуса я стала кашлять и чихать. Да простит меня читатель за подробности, я в то время страдала от гайморита.

И вдруг мой нос задышал свободно, и стали ощутимы неповторимые запахи лета! С той поры и доныне меня гайморит не беспокоит.

Своё чудесное выздоровление я не сразу связала с посещением могилы старца.

При случае, я спросила о покойном Александре Ильиче Жемкове у настоятеля храма Введения во Храм Пресвятой Богородицы в селе Очево архимандрита Паисия (Столярова).

Могила схииеродиакона Александра (Жемкова)

Он сказал, что Александр Ильич на самом деле – схиеродиакон Александр (Жемков) из Николо-Пешношского монастыря, и что он «многим помогает».

Затем архимандрит Паисий вынес мне 5 листов текста о схиеродиаконе Александре с подписью: «р. Б. София».

Могила Татьяны Платоновны Калининой (схимонахини Иоанны (Калининой))

Так я впервые узнала о необыкновенной жизни схииеродиакона Александра и его духовной дочери и сподвижницы Татьяны Платоновны Калининой (тайной монахини Серафимы, в схиме Иоанны).

И сподобилась благословения на составление жизнеописания схииеродиакона Александра (Жемкова) от архимандрита Паисия (Столярова).

Надо обязательно сказать хоть два слова об архимандрите Паисии.

Архимандрит Паисий (Столяров)

Еще на первой встрече с ним, служившим Литургию, он меня удивил ответами на мои мысли. Но тогда я не поняла, что встретила с необычным, духоносным человеком.

Позже я была им публично побита палкой по спине, при стечении народа, после чего у меня прошла острая боль в спине.

Архимандрит Паисий удостоился почитания верующего народа, к нему ездили автобусами.

Его удивительная простота не давала сразу понять масштабность этого священнослужителя. Я благодарю Бога, что удостоилась принять от него благословение на эту книгу, а позже – и вообще на литературную работу.

Архимандрит Паисий (Столяров) скончался 28.09.2023 г. на 98-м году жизни.

Впоследствии меня ещё благословил заниматься книгой о схиеродиаконе Александре блаженный Ливерий Семенович Дубровский.

На мой вопрос – зачем мне заниматься этим делом, он кратко сказал: «Чтобы память была».

В записях Р.Б. Софии (Софьи Ивановны), которые мне передал о. Паисий, фамилия о. Александра написана неправильно – Желехов; видимо, отсюда это написание попало в журнал «Московские епархиальные ведомости» 2003 года, где печатался материал о церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы, что на погосте Чёрная Грязь (в Очево).

Однако из виденных мною документов следует, что фамилия Александра Ильича была именно Жемков, как указано на могильном кресте.

Об этом свидетельствуют следующие документы: первый документ – «Послужной список монахов Николо-Пешношского монастыря за 1916 год». Второй – «Свидетельство о смерти» Александра Ильича Жемкова, а третий – метрика Александра Ильича Жемкова (подробнее в главе «Жизнеописание схиеродиакона Александра (Жемкова), [стр.175](#)).

Дата смерти в «Свидетельстве о смерти» – 7 июня 1968 года, тогда как на кресте указан 1967 год. Существует фотография похорон схиеродиакона Александра, датированная 7 июня 1968 г. Таким образом, 1968 год – это точно год смерти схиеродиакона Александра (Жемкова).

Отец Александр был в сане иеродиакона (позже его постригли в схиму), но все знавшие лично и заочно, называли его батюшкой.

Софья Ивановна так описывает помощь о. Александра: «Я, раба Божия София, тоже получила исцеление. Обожгла палец, ожог 2-й степени. Приложила руку ко кресту на могиле батюшки, помолилась ему и поспешила на автобус. Дорогой я забыла о больном пальце. Это была моя первая просьба к о. Александру. Я ещё и не особенно верила. В другой раз болела рука. Я приехала на могилку уже с верой. Приложила руку к кресту, тут же боль ушла».

Теперь и я, Татьяна Ефимовна Ананьева, свидетельствую о мгновенной помощи мне схииеродиакона Александра – и в излечении от гайморита, и во время сердечного приступа. Святая вода с песочком из его могилы прекратила затянувшийся сердечный приступ.

Чудесных случаев помощи по молитвам к нему было даже в моей жизни много. Так, молясь однажды у могилы о. Александра, я просила его помочь причастить внука (жена моего сына не разрешала это делать).

Каково же было моё удивление, когда невестка позвонила минут через 20 после моего ухода с кладбища и сказала, что ребенка можно причастить!

Алтарник храма Покрова в селе Орудьево поведал, что после молитвы на могиле о. Александра у него родился долгожданный ребёнок.

По свидетельству директора воскресной школы храма преп. Сергия Радонежского (Москва, Бибирево), во время экскурсии по святым местам Дмитровского района, дети - учащиеся рассказывали, как после молитвы на могиле отца Александра у кого-то зажила ранка на пальце, кто-то перестал хромать из-за натёртости.

Московский предприниматель А.В.Кабанов свидетельствует о помощи схииеродиакона Александра в делах.

После посещения им могилы старца предприятие стало получать заказы.

Другой предприниматель из Москвы, Д.В.Семченко, рассказал следующее: по молитвам о. Александра, с Божией помощью у него появилась хорошая работа; воодушевившись, он дал обет покрасить оградку могилы, но, как водится, всё руки не доходили. В один из последних тёплых дней сентября 2014 года предприниматель, наконец, исполнил обещание, и на следующий же день опять получил выгодный заказ.

Даже зимой, среди пышных сугробов, бывает протоптана тропинка к могиле подвижника благочестия.

Однажды у могилы мне встретила женщина, у которой по вере в молитвенное предстательство покойного старца прекратилось онкологическое заболевание.

В 2012 году после Литургии в храме Введения во Храм Ресвятой Богородицы в Очево в праздник Покрова Божией Матери я пришла к могилам схииеродиакона Александра, схимонахини Иоанны и её сестры Пелагеи Платоновны Волковой, могила которой появилась на участке в 2009 году.

Мне хотелось помолиться одной, помолчать, но это не удавалось: к могиле подходили посетители, в основном простые женщины, ставили цветы и вели себя так, как у могил близких родных.

Я стала расспрашивать, помогает ли им молитва к похороненным здесь праведникам. Одна женщина рассказала, что всегда молится о сыне, служащем, как она сказала, в полицейских сферах.

Она уверена, что о. Александр и святая Матронушка, к которой она часто обращается, берегут её сына от опасностей.

Ещё случай помощи схииеродиакона Александра: тяжело заболела моя давняя знакомая из Орудьева - престарелая Валентина, у неё случился инсульт.

У больной было сумеречное сознание, которое редко возвращалось к реальности, Валентина не всегда узнавала меня. После молитвы на могиле о. Александра я позвонила её сиделке и попросила передать трубку Валентине.

Почти не надеясь на разумный ответ, я спросила, могу ли съездить в отпуск – было совестно оставлять её без дружеского участия. И (вот чудо!) неожиданно услышала: «Да езжай куда хочешь!» – это был прежний голос моей умненькой старенькой Валентины.

Свидетельства о зримой помощи описать нетрудно, но невозможно передать словами тот мир и покой, который воцаряется в душе рядом с могилами схиеродиакона Александра и его сподвижницы.

Посетительницы места упокоения схиеродиакона Александра и его келейницы - схимонахини Иоанны отвечали мне, что после богослужения навещают «святых Александра Ильича и Татьяну» (женщины не знали их монашеских имён). И всегда чувствуют поддержку в непростых обстоятельствах жизни и облегчение душевное. «А иначе бы не ходили», – говорили они.

Я записала рассказы духовных чад и просто знавших о. Александра, дополнив их сведениями из записей Софьи Ивановны.

С помощью И. Г. Меньковой, сотрудницы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ) нашёлся «Послужной список монахов за 1916 год Николо-Пешношского монастыря», в котором есть сведения, в том числе и об о. Александре (Жемкове). С помощью дальнего родственника схиеродиакона Александра – Андрея Жемкова была найдена метрика о.Александра и «Свидетельство о смерти».

Записанные свидетельства о его жизни рисуют нам жизнь праведника. Хочу поделиться с читателями тем, что удалось узнать и почувствовать.

За годы сбора сведений об о.Александре в моей жизни произошло немало случаев помощи Божией в житейских делах по его молитвенному предстательству.

Вот один из них: ноябрь, вечер, дождь, после посещения одной свідательницы его жития в отдаленном селе, я стою на автобусной остановке на шоссе, вдалеке от населённых пунктов, жду последнего автобуса и понимаю, что он не придёт. Голосую, но напрасно, редкие машины едут мимо, время к ночи. Я взмолилась схииеродиакону Александру, и вскоре машина со старинным крестом на лобовом стекле подвезла меня к дому моей хорошей знакомой в соседнем селе, причём водитель даже не взял предложенных денег, а затем развернулся и поехал обратно – ему, оказывается, было не по пути!

Схииеродиакон Александр (Жемков) – монах из закрытого в 30-е годы Николо-Пешношского монастыря. Мне захотелось узнать об этой обители, и я поехала в Николо-Пешношский монастырь.

ВТОРАЯ ЛАВРА

Николо-Пешношский монастырь в начале 2000-х.

Из г. Дмитрова я села на автобус, который ехал по направлению к Николо-Пешношскому монастырю (я так предполагала). Шел 2004 год, мобильника с интернетом у меня тогда не было, и я добиралась до монастыря с помощью «сарафанного радио».

Ехавшие со мной в автобусе люди не слышали названия «Николо-Пешношский монастырь» и направили меня в Никольский собор села Рогачёво.

Собор потряс меня огромными размерами и малолюдством на службе.

При этом тогдашний настоятель протоиерей Михаил Захаров служил так, будто в храме было полно благоговейных прихожан.

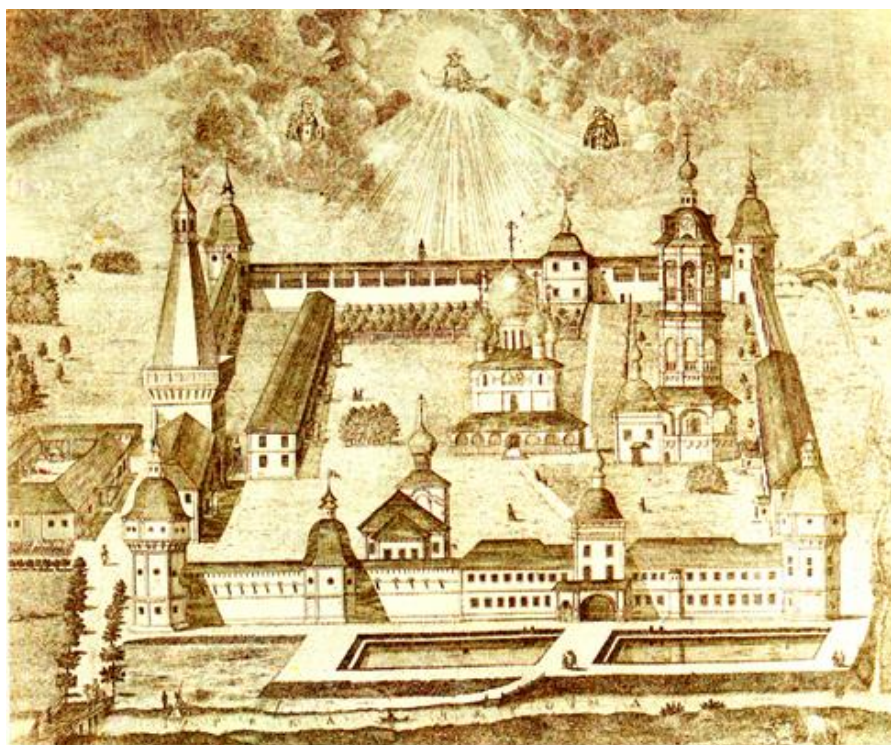
Там я купила книгу «Дороги к храму. Никольский храм и село Рогачево», написанную А.Ф.Захаровой – женой о.Михаила и под его редакцией.

Протоиерей Михаил Захаров разрешил мне пользоваться сведениями из этой книги, которыегодились для описания жизни монастыря в период после революции, о котором осталось очень мало информации.

Население г. Рогачево не знало такого названия - «Николо-Пешношский монастырь», а знало только «Дом инвалидов». Так называли они монастырь, потому что в нём располагался Психоневрологический интернат (ПНИ).

Интернет был населён неизлечимо больными людьми, за которыми некому ухаживать в семье. Интересно, что с момента создания Литографии монастыря 1804 г. (на следующей странице) и снимка состояния монастыря в 2004 г. (там же) с тогдашними насельниками ПНИ - прошло ровно 200 лет.

(К вопросу о прогрессе и советской действительности).

Николо-Пешношский монастырь. Литография 1804 г.

**Никольский храм монастыря, в котором размещалась столовая ПНИ.
Фото 2004 г.**

С приключениями я тогда добралась до цели паломничества.

Снаружи стояли могучие, но облезлые стены, а внутри царил разруха.

По пути мне удалось выяснить, что паломников пускают на территорию только «на праздник Мефодия». «Праздников Мефодия» оказалось два: 17 и 27 июня. В эти числа празднуется день преставления основателя монастыря, преподобного Мефодия Пешношского и день его тезоименитства.

Миновав внушительные стены, я прошла в ворота, где меня окружили любопытные, как дети, инвалиды. Они сопровождали меня, пытавшуюся осмотреть бывший монастырь.

Тронутая их голодным видом, я сделала остановку и достала пачку печенья. Народ оживился, и толпа выдвинула из своих недр маленького старичка,

одетого в куртку и шаровары. «К нему никто не ходит», – загалдели «справедливые» инвалиды.

Старичок поспешно вытащил из карманов шаровар куски хлеба и бросил на асфальт. Освободив хранилище, он быстро набил его тем, что я достала из сумки, но тут появился мрачный охранник и удалил меня за ворота.

В стенах монастыря, в храме прп. Сергия Радонежского, где под спудом лежат мощи прп. Мефодия, один раз в год служилась Литургия настоятелем близлежащего Покровского храма прот. Александром Юзапольским и духовенством при стечении верующего народа.

Заинтересовавшись монастырем, я стала читать все, что о нем было написано.

Написано было о нем немного, но в процессе работы я сподобилась найти рукописный Синодик, который синодичный вел как летопись монастыря. Позже я смогла познакомиться с рукописными «Летописью» и «Описанием монастыря» того же автора. Но об этом позже.

Немножко истории

История Николо-Пешношского монастыря на всем протяжении была сложной.

Обитель, основанная в 1361 году духовным сыном преподобного Сергия Радонежского – преподобным Мефодием Пешношским, процветала долгое время.

Игумен Земли Русской, прп Сергей Радонежский неоднократно навещал ученика. Место их встречи называлось «беседным». Позже на этом месте установили часовню, к которой столетиями ходил Крестный ход из монастыря.

Николо-Пешношский монастырь 2000-е гг.

В «Летописи монастыря» отмечено, что часовня «называлась Нефедьевой (от имени Мефодий), Беседною и Красною».

Часовня «Беседная». Рис. из «Летописи монастыря» иеромонаха Иеронима

Часовня «Беседная». Фото XIX века

Путь от Сергиева Посада до Пешношского монастыря составлял около 70 км и пролегал по лесам. Когда преподобный Сергей чувствовал, что его присутствие и совет необходимы, он пешком шёл к любимому ученику.

Первоначально прп Мефодий удалился пустынножить по благословению «своего спостника» – прп Сергия, из Троице - Сергиевой Лавры в Яхромские леса. Где к нему в пустынную келью стали стекаться ученики и так образовался монастырь.

По совету прп Сергия Радонежского прп Мефодий Пешношский перенес монастырь на то место, в котором он находится и сейчас.

Преподобный Сергей Радонежский недаром именуется Игуменом Земли Русской. Всем известна его роль в освобождении нашей страны от татаро-монгольского ига и возродителя русского монашества.

Но не всем известно, что прп Сергей был «старцем» для своих учеников и для мирян. Об этом мы можем понять из событий, описанных в его «Житии». К нему шли и ехали и простые люди, и князья - за советом и утешением.

Зачем нужен «старец» мирянам – понятно, спросить совета в сложных жизненных обстоятельствах, молитв о выздоровлении. А вот монахам – зачем он?

Молитве и трезвению (наблюдению за своими помыслами), а это – основное «делание» монаха, должен кто-то учить, этот «кто-то» и называется старцем. Разумеется, что старцев не назначают, ими становятся по воле Божией.

Впоследствии Пешношский монастырь стал продолжателем «сергиевского» направления – общежительным монастырем с традицией «умного делания», невозможного без старческого окормления.

На заре зарождения обитель была богата любовью о Христе и проста в обиходе, о чём свидетельствует потир преподобного Мефодия Пешношского – священный сосуд (Чаша) для Причастия. Потир прп Мефодия Пешношского хранится ныне в Дмитровском краеведческом музее.

Потир прп Мефодия Пешношского из краеведческого музея г. Дмитрова

Потир прп Сергия Радонежского

Эта простая, выточенная из дерева Чаша, напоминает потир преподобного Сергия (Радонежского), из которого святой причащался иногда..... огнём, по свидетельству его ученика Исаакия.

Современная фреска на стене храма прп Сергия Радонежского

Традиция умного делания, внедрённая в русское монашество преподобными Антонием и Феодосием Печерскими, была прервана монгольским нашествием. Продолжателем и насадителем традиции «умного делания», воспитывающей истинных монахов, являлся в XIV веке преподобный Сергей Радонежский.

Об этой стороне жизни прп Сергия пишет прп Елифаний Премудрый, ученик преподобного. Он описывает подвиг старца – прп Сергия и одного из братьев, который даже ночью приходил к своему наставнику исповедовать помыслы.

Согласно святоотеческому учению подобное внимание к внутренней жизни является одним из основных признаков живой традиции старчества, рождающей настоящих монахов.

Эта традиция родилась и утвердилась в Троице-Сергиевой Лавре при жизни преподобного Сергия.

Ученики преподобного Сергия Радонежского, напоённые духоносной силой, становились в свою очередь основателями множества общежительных монастырей и старцами для нового поколения иноков. Известный историк Голубинский называет русские общежительные монастыри того времени «сергиевскими».

Таким по духу был и Николо-Пешношский монастырь, не даром вторым там был построен храм в честь прп. Сергия Радонежского.

Первый построенный в обители храм назван в честь свт Николая Чудотворца – любимого святого прп Сергия.

Таким образом, за обителью утвердилось название сначала – «Николы на Песнуше», а потом Николо-Пешношской (Пешноша – речка близ монастыря).

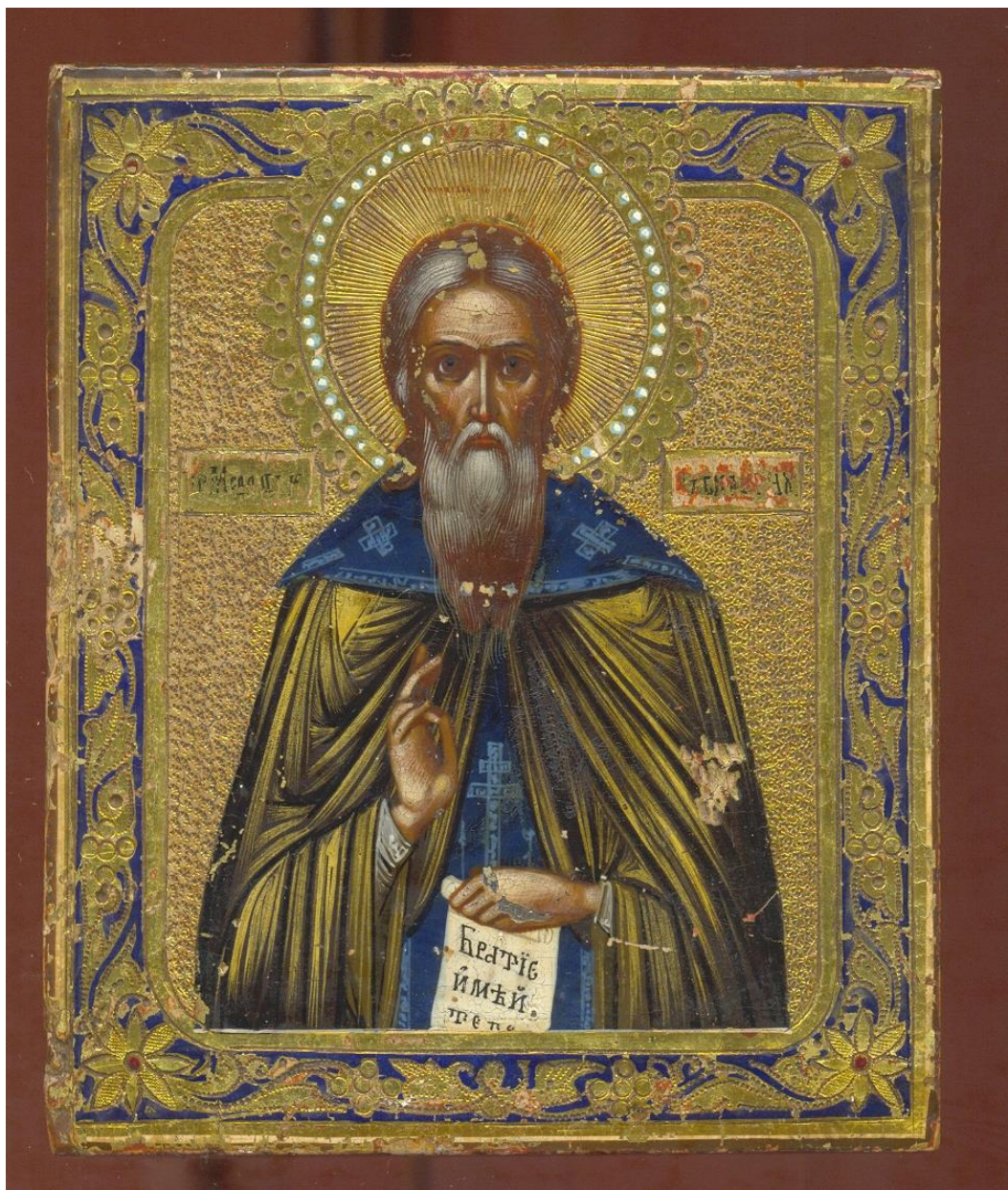
Прп. Мефодий, основатель обители, был игуменом монастыря, сочетавшего все формы монашеского жития – общежитие, скитское монашество и отшельничество.

Он основал ещё и Богородице-Рождественскую Медведеву пустынь, вначале бывшую скитом монастыря и упразднённую в XVIII веке.

Прп. Мефодий Пешношский отошёл ко Господу 14/27 июня 1392 г.

К сожалению, в разных источниках называются разные даты отшествия ко Господу преподобного Мефодия. Скорее всего он скончался или в год смерти прп Сергия Радонежского, своего духовного отца (1392 год), или позже на год.

Ему было около 60-ти лет.

Прп Мефодий Пешношский. Бумажная икона XIX века.

После прп Мефодия первый игумен, о котором известно хотя бы имя — игумен Иоаким, правил монастырем примерно с 1468 г.

Игумен Иоаким. Рис. из «Летописи монастыря» иером. Иеронима

Следующим упоминается игумен Вассиан в 1515 году, как племянник прп Иосифа Волоцкого, присутствовавший при его погребении.

Игумены Николо-Пешношского монастыря: Марк, Иосиф и Вассиан.

Рис. из «Описания монастыря» иером. Иеронима.

Ничего не известно о изображенных на рисунке игуменах Пешноши - Иосифе и Марке.

Епископ Смоленский и Брянский Гурий (Заболотский). Рис. из «Летописи монастыря» .

Благодаря удивительному случаю: девятилетний «отрок-самодержец» - царь Иоанн Васильевич «определил Пешношской обители ежегодное денежное жалование 25 рублей», мы узнаем о настоятеле (строителе) Пешноши – игумене Гурии (Заболотском), позже ставшим епископом Смоленским и Брянским. Этот случай произошел в 1539 году. «Отрок-самодержец» повелел «распределить оное на утешение братии в праздничные и храмовые дни».

(Для сравнения: В эти годы лошадь можно было купить за 5 рублей, а ремесленник в месяц приносил в дом 40 копеек).

Еще о игумене Гурии, сем «рачительном настоятеле» известно, что при нём дары от «усердных читателей» прп Мефодия возрастали.

«Славный и впоследствии Грозный» (так о самодержце написано в «Летописи») царь позже сам посетил Николо-Пешношский монастырь на «Кирилловом езде».

Это выдающееся событие – посещение царём монастыря было уже в годы правления игумена Варсонофия, прославленного позже в лике святых как святитель Тверской и чудотворец Казанский.

«Кириллов езд» - царское богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь после победоносного взятия Казани в 1552 г. и в благодарность за избавления от смертельной болезни. Тогда царь был весьма доволен Пешношской обителью.

Первоначальный облик Никольского храма (1548 г). Рисунок из «Описания монастыря» иеромонаха Иеронима (Суханова).

Вот таким, как на картинке в «Описании монастыря», скорее всего, увидел царь Иоанн Грозный Никольский храм Пешношской обители.

Но в последние дни своего существования самодержец высказывал настоятелю Кирилло-Белозерского монастыря, что его обитель «за грех наших хужа и Песнуши». Комментируя мнение Грозного царя, иеромонах Иероним пишет, что «когда человек отступит с пути Добродетелей

тогда, казалось так и Грозному, что кругом одни Пороки и недостатки» (орфография автора «Летописи» иеромонаха Иеронима).

Согласно свидетельству князя Андрея Курбского, в стенах Николо-Пешношского монастыря состоялся разговор царя Иоанна Грозного с епископом Вассианом (Топорковым), который проживал «на покое» в Пешношском монастыре.

Беседа царя Иоанна Грозного с епископом Вассианом (Топорковым). Рис. из рукописи «Летопись монастыря» иеромонаха Иеронима.

От него царь слышал (по определению летописца иеромонаха Иеронима) «ядовитые слова», мрачно прославившиеся в истории России:

«Если хочешь самодержцем быть, не держи возле себя ни единого советника, более мудрого, чем ты... Ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не слушаться».

Вот слова, понравившиеся царю-самодержцу, и открывшие страшную эпоху опричнины.

На иллюстрации, взятой из «Описания Пешношского монастыря», иеромонахом Иеронимом (Сухановым), автором «Описания», изображен царь Иоанн Грозный, беседующий с епископом Вассианом, находившимся «на покое» в Пешношском монастыре.

Позади сидящего епископа Вассиана (Топоркова), стоит настоятель монастыря - игумен Варсонофий (с нимбом), впоследствии прославленный в лике святых как святитель Варсонофий Тверской.

Зная, что игумен Варсонофий был в юношеском возрасте захвачен татарами в плен и хорошо знает татарский язык, Грозный царь направил будущего епископа Тверского в Казань, возвещать «путь спасительный» новым подданным русского самодержца.

И эта ситуация – отправка из «училища благочестия» нескольких «продвинутых» учеников в другие «школы» будет повторяться и повторяться в истории Пешношского монастыря.

В 1427 году в России и, в частности, в окрестностях монастыря свирепствовала «Язва под именем «Черной Смерти».

От которой и «чин иноческий не защищал от гнева Божия за грехи» (цитата из «Летописи монастыря»).

Интересно, что в 1890 году, в правление игумена Макария, «чёрная смерть», опять пришедшая в Россию, не затронула Пешношский монастырь.

В 1584 году, при игумене Германе, монастырь сильно пострадал при пожаре, но был вновь отстроен.

Пожар в монастыре в 1584 году. Рисунок из «Летописи монастыря» иеромонаха Иеронима.

Во время пожара сгорели царские грамоты, исторические документы, первоначальный Синодик и житие прп Мефодия Пешношского, которое так и не удалось восстановить.

«Убиение от литвы пешношских старец». Рис. из «Летописи монастыря» иеромонаха Иеронима.

В начале XVII столетия, в Смутное время, в 1608 году монастырь был разорён отрядом польских интервентов, именуемых в «Летописи» то «литвой», то «безбожными ляхами».

В «Летописи монастыря» и Синодике поминается братия, убиенная «литвой»: два иеромонаха, два священника, один иеродиакон, шесть схимников и семь монахов. Было убито ещё 37 «трудников».

«Земля сохранила позднему потомству имена их, изсеченные на камнях, и все они вписаны в братском синодике для вечного поминовения», – сообщает К.Ф.Калайдович.

А.Ф. Калайдович - историк и архивист XIX века, прошедший в монастыре два года и потом всю жизнь занимавшийся Пешношей.

Каменные плиты с именами павших от рук «литвы» насельников монастыря были найдены при перестройке Никольского собора на месте прежней паперти.

«Из сего заключается, что монастырь Песнуский, подобно Лавре Сергиевой, принимал участие в общем бедствии нашего Отечества», - пишет в «Летописи» иеромонах Иероним.

Примечательный факт: главные монастырские ценности и реликвии удалось тогда сберечь от огня и разграбления.

Вместе с Россией, после изгнания «безбожных ляхов», восстановился монастырь в прежнем великолепии, и уже в 1653 году 20 января «кроткий и боголюбивый Царь Алексей Михайлович пожаловал в «свое Царское богомолье». «Царское богомолье» - так именовалась Пешношская обитель во дни царя Алексея Михайловича.

В эти годы настоятельствовал игумен Тихон. Кроме постоянной молитвы за царский род, в Пешношской обители был обычай – за трапезой братия монастыря в воскресный день выпивали чашу вина за здоровье царского рода.

Пешношский монастырь в XVII в. Рис. из «Летописи монастыря» иеромонаха Иеронима.

М

Перестроенный Никольский собор. XIX век.

Время упадка

Со временем монашеская жизнь в России становилась всё более скудной на молитву и трезвение, всё меньше оставалось носителей благодати – духоносных старцев, а следствием явилось угасание монастырей.

Общая тенденция постепенного упадка монашеской жизни в России не обошла и Пешношскую обитель. Этот период в Пешноше длился почти весь XVIII век, с 1700 по 1781 гг.

Об этом владыка Трифон (Туркестанов), бывший епископом Дмитровским почти пятнадцать лет (1901-1914 гг.), пишет так:

«Одной из главных причин упадка монашеской жизни были весьма стеснительные для иноков меры правительства, особенно императора Петра I, который, желая обратить монастыри в больницы и богадельни для престарелых и увечных солдат, наполнил обители людьми, ничего общего с монашеством не имеющими, и тем внёс в них дух мирской со всеми светскими пороками и недостатками.

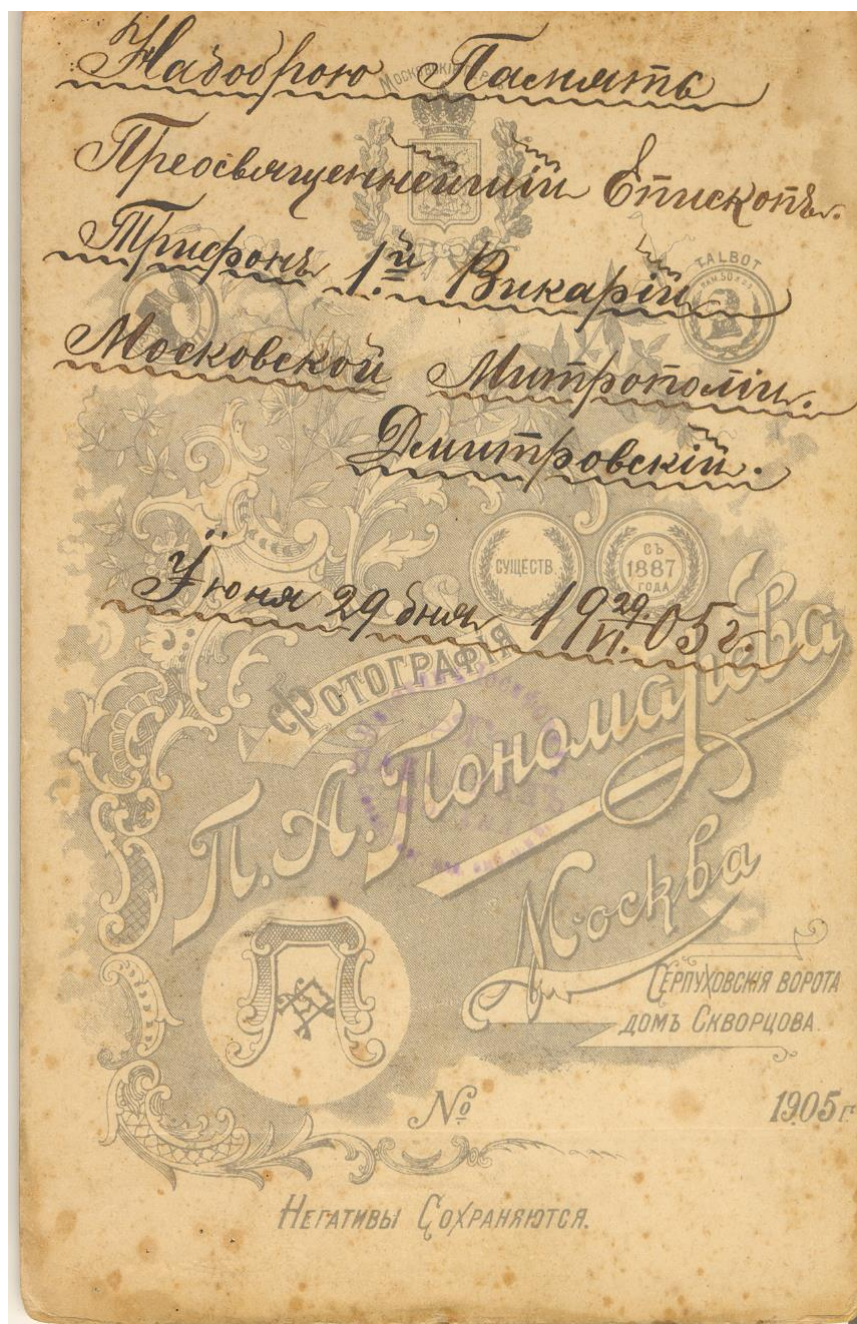
В 1734 году, в царствование Анны Иоанновны, запрещено было постригать в монашество кого бы то ни было, кроме вдовых священнослужителей. Мерой, крайне стеснившей поступление в монастырь по призванию, был приказ о «штатах».

В каждом монастыре полагалось быть определенному, весьма незначительному числу «штатных» монахов. Обеднение монастырей безусловно содействовало упадку монашеской жизни. Мало того, что у монастырей были отняты вотчины, на них было ещё возложено содержание и прокормление увечных воинов и даже их семейств. Было ли время заботиться братии об откровении помыслов, об умном делании, об очищении своего сердца от зла и порока, когда она должна была ухаживать за солдатами или работать в поле!

Епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов). Фото 1905 г.

Лишеное всякого духовного руководства, предоставленное самому себе, не видя доброго примера ни в ком, даже в своих настоятелях,

Помимо общих условий жизни ослаблению Пешношского монастыря способствовало решение императора Петра I в 1700 году передать обитель в ведение Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Это произошло в ответ на жалобу игумена монастыря Феофана на обидчиков монастыря, крестьян села Рогачева, поданную царю Петру I при посещении им Пешноши В 1700 году.

Император водным ходом прошел на судах через подмосковные реки Яхрому, Сестру и Дубну. Результатом его походов стало строительство верфи в г.Дубна (беспрецедентное стратегическое решение судостроительных проблем). А также государь предпринял действия в защиту монастыря от обидчиков.

Император Петр I «посещает Песнускую обитель». Рис. из «Летописи» иеромонаха Иеронима.

Царь повелел игумену Троице-Сергиевой Лавры: «Николаевский Пешношский монастырь ведать и от посторонних всяких обид оберегать».

С этих пор Пешношской обителью управляли «строители», посылаемые из Троице-Сергиевой Лавры.

Один из них, строитель Август Старков (годы наместничества: 1730 -1744 гг.), возвёл над гробом прп Мефодия Пешношского каменный храм в честь прп Сергия Радонежского. Проложил новые и отремонтировал старые дороги к монастырю.

Цитата из «Летописи монастыря»: «Песноский монастырь многа улутчшен был».

Иеромонах Август (Старков). Рис из «Летописи монастыря»

Но, к сожалению, это было исключением из общего правила. Благое намерение самодержца привело к ослаблению обители.

Другая «просвещённая» правительница, Екатерина II, в 1764 году изъяла у Пешношского монастыря в пользу государства крестьян и земельные угодья, пожалованные князьями и царями на помин своей души.

21 декабря того же года огромный монастырь был превращён в приходскую церковь и пребывал в этом состоянии больше года.

Правящий епископ Переяславской епархии, к которой относилась тогда обитель, Преосвященный Сильвестр, утвердил определение Духовной Консистории, «чтоб имеющийся в Дмитровском уезде Николаевский Пешношский монастырь, да Медведеву пустынь, за невозможностью быть на своем содержании, написать в приходския церкви». По распоряжению той же консистории у монастыря изъяли даже колокола!

А.Ф. Калайдович в книге «Историческое описание мужского общежительного монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше, с присовокуплением устава его и чиноположения» пишет, что Переяславская консистория, к которой относилась в то время обитель, постановила изъять монастырский колокол в 219 пудов у монастыря, как «стоявшего на пустом месте», а взамен привезти колокол в 139 пудов. Но рогачёвские крестьяне, «около ста, прошедши в незапертую калитку», громко возмущались и не давали снять колокол, купленный на пожертвования их предков.

Колокол все же сняли, и он висел некоторое время в столице – Санкт-Петербурге на Петропавловском соборе, а затем – в Очаковской крепости. Рогачёвцы так и не дождались колокола взамен своего.

В «Летописи монастыря» иеромонах Иероним, объясняя глубинные причины запустения Пешношского монастыря, цитирует прп Ефрема Сирина: «Горе монастырю от тщеславных и сластолюбивых управляемому, скорое запустение примет».

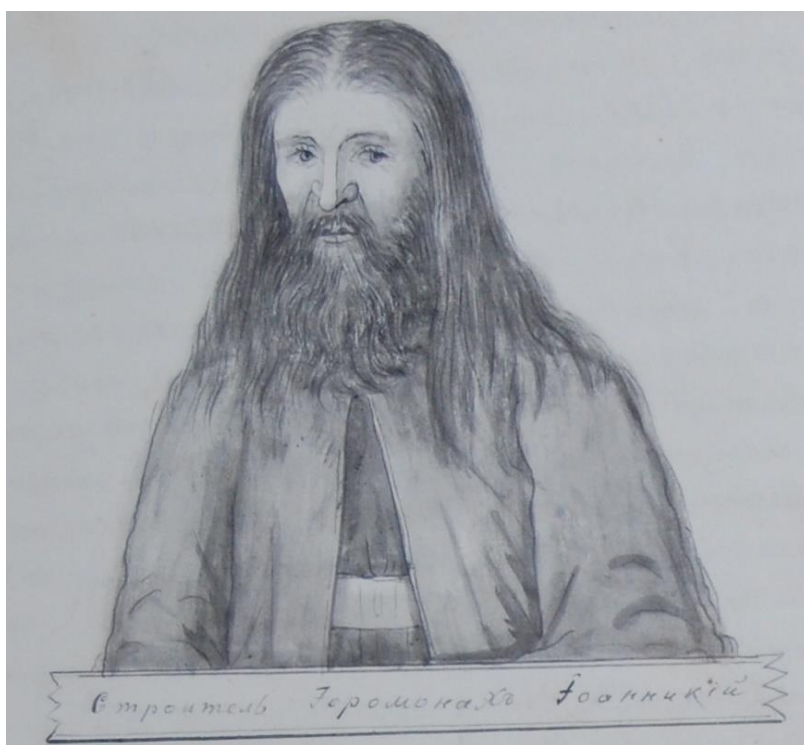
Но, как дальше пишет иеромонах Иероним: «Таковое жалостное унижение было непродолжительно».

За монастырь вступился генерал-майор Михаил Иванович Верёвкин. Он «тронутый жалким положением монастыря», столь почитаемого его предками (его предок, Никифор Логвинович Верёвкин, бывший ключарем при дворе Государя, скончался в обители в 1667 г. схимонахом Нифонтом) обратился с просьбой восстановить монастырь к Преосвященному Сильвестру.

И вот, вследствие этого обращения и «тщанием Дмитровских купцов Ивана Толчёнова и Ивана Сычёва» в 1766 году монастырь был восстановлен.

Генерал-майор Верёвкин. Рис. из «Летописи монастыря» иеромонаха Иеронима.

Строитель иеромонах Иоанникий. Рис. из «Летописи монастыря»

«Со всевозможной скоростью» назначили нового строителя «в нестарых летах» - иеромонаха Иоанникия и в помощь ему - иеромонаха Сергия. Которые и выселили мирян из обители, и установили жизнь монахов «по ПРАВИЛАМ» - так написано в «Летописи».

Никаких сведений о дальнейшей судьбе иеромонаха Иоанникия до нас не дошло.

Епископ Феофилакт (Горский), занявший после епископа Сильвестра Переяславскую кафедру, скоро обратил отеческий взор на нужды обители.

И в 1781 году вышел такой консисторский Указ: «Для лучшего поправления Пешношского монастыря и для заведения доброго порядка и благочиния, в оный монастырь определить Введенской Островской пустыни строителя иеромонаха Игнатия, яко довольно о помянутом монастыре сведущего, присовокупляя к нему, для череды священнослужения, иеромонаха Макария, и притом ему строителю накрепчайше подтвердить, чтоб он как о поправлении оного Пешношского монастыря, так и о заведении доброго порядка и благочиния старание прилагал наиприлежнейшее,.... с приложением всевозможной попечительности».

Строитель иеромонах Игнатий (Ушаков) и иеромонах Макарий (Брюшков), вскоре ставший казначеем обители, а потом и настоятелем монастыря, были учениками преп. Феодора Санаксарского.

Иеромонах Игнатий (Ушаков) и иеромонах Макарий (Брюшков) прибыли из Введенской Островской пустыни, расположенной во Владимирской губернии недалеко от г.Покрова. После того, как их духовный руководитель и старец прп Феодор Санаксарский был сослан в Соловецкий монастырь, они подвизались во Введенском монастыре под руководством старца Клеопы, строителя Введенской пустыни, позже прославленного как прп Клеопа Покровский.

До Введенской пустыни старец Клеопа жил некоторое время на Пешноше, возвратившись с Афона, где вместе с преп. Паисием Величковским «провел большую часть жизни, упражняясь в умной молитве и духовном делании».

С Афонской горы и из монастырей Молдавии, в которых какое-то время жил о. Клеопа, он принес то новое в жизнь монастыря, что составляет сущность, сердце иноческого подвига. То, без чего по учению Св.Отцов не достижима главная его цель – стяжание благодатного бесстрастия – умную Иисусову молитву. Это великое искусство, усвоенное преп. Паисием Величковским из святоотеческого предания, и возрожденное им на практике, стало достоянием о. Клеопы в годы его пребывания на Афоне, а впоследствии его учеников».

Недаром в братском Синодике Николо-Пешношского монастыря записаны имена «Феодора, строителя Санаксаря монастыря; Клеопы, строителя Введенския пустыни; Паисия, архимандрита Молдовлахийскаго монастыря».

Но не старцу Клеопе, а его ученикам - иеромонаху Игнатию (Ушакову) и иеромонаху Макарию (Брюшкову), впоследствии ставшими архимандритами, довелось восстановить Николо-Пешношский монастырь. В стенах Пешношской обители иеромонах Игнатий и получил «архимандричий» крест, прозорливо надетый на него давно прп Клеопой Покровским.

«С приложением всевозможной попечительности» приступил иеромонах Игнатий к «поправлению благосостояния монастыря и заведению доброго порядка».

Первым делом иеромонах Игнатий принял «Чиноположения Св. Горы Афонской», принесенные оттуда старцем Клеопой.

И «расположил по нему Устав церковный, трапезный, келейный и должностной», пишет в «Летописи» иеромонах Иероним.

Устав – это очень важная составляющая жизни монастыря. В «Уставе» был прописан не только порядок богослужения, но и кто чем занимается в хозяйственной и богослужебной деятельности монастыря.

1. Кратковременная	2. Безсрочная	3. Непременная
по вару съ дву	Просфорных съ двумя по мощниками двое при про-	Писарь два конюшара Аптекарь портные

Часть страницы из Устава монастыря

Обязанности насельников, например, были расписаны на три вида: кратковременные, безсрочные и неперенные.

Иеромонах Игнатий много трудился и над благосостоянием обители, но «при всей своей рачительности» не смог «скоро прекратить крайнюю ея бедность». «По сказаниям некоторых старцев» строитель иеромонах Игнатий и его казначей - иеромонах Макарий «яко человеки» стали расстраиваться и вспоминать благополучную Введенскую пустынь. Будущий архимандрит Игнатий даже «от великих попечительностей сделался весьма болен», пишет иеромонах Иероним. А иеромонах Макарий впал в «злое уныние».

В сонном видении иеромонаху Макарию явились прп. Сергей и прп. Мефодий Пешношский и ободрили его: «Не отлучайтесь от обители сей. Которая исполнится всякими достатками и во всём будити обильны. И от сего видения оба утвердились в терпении». («Летопись монастыря» иеромонаха Иеронима).

В 1780 году в монастырь пришёл благочестивый московский купец Алексей Григорьевич Мокеев, который принёс в монастырь не только икону Божией Матери «Прежде Рождества и по Рождестве Дева», прославившуюся потом многими чудесами, но и все свои средства, рачительно использованные настоятелем монастыря иеромонахом Игнатием на восстановление обители.

И с того времени «совокупное старание их быстро воздвигало обитель от ея падения и постепенно приготавлило ея к настоящему благолепию», - пишет иеромонах Иероним в «Летописи».

О настоятеле монастыря иеромонахе Игнатии (Ушакове), будущем архимандрите Игнатии, автор «Летописи» высказывается так: «он был строг без тиранства, снисходителен без слабости, словесен и разсудителен. Милостив и великодушен».

Но «недолго строгий и мудрый иеромонах Игнатий был настоятелем монастыря», скоро он переведён был в «Тихфень монастырь» (Тихвинский монастырь) и взял с собой 10 человек «лутшей братии». Так же, как когда-то, вместе с игуменом Варсонофием, впоследствии святителем Тверским, лучшая часть братии отправилась устроить монастырь на новом месте.

Скончался архимандрит Игнатий в 1796 году, будучи настоятелем московского Симонова монастыря.

Архимандрит Игнатий (Ушаков). Рисунок из «Летописи монастыря» перомонаха Иеронима.

Итак, ученики двух выдающихся представителей русского монашества — прп Феодора Санаксарского и прп Клеопы Покровского призваны были восстановить один из славных русских монастырей.

Как написано в пешношском Синодике, «духовную Землю Игнатий вспахал, Макарий посеял, а Бог произрастил».

«Макариевский» период

Митрополитом Московским Платоном (Левшиным), в чьё ведение перешёл монастырь, на место иеромонаха Игнатия, учитывая просьбы братии, был определён в 1788 году строителем о. Макарий (Брюшков), которого призвали обратно из Лукьяновой пустыни. Как он попал в Лукьянову пустынь история умалчивает.

Так незаметно приоткрылась новая страница в истории Николо-Пешношского монастыря, и, без преувеличения, новая страница в истории российского монашества.

Никому не известный монах ставится десницею Божией «на свещник», чтобы освящать многим и многим тяжелый путь к Царствию Небесному.

В апрельском номере журнала «Душеполезное чтение» за 1866 г. было напечатано подробное жизнеописание схиархимандрита Макария (Брюшкова), фрагменты из которого приведены дальше.

«О. Макарий родился в 1750 году, Московской губернии, в городе Рузе, от благочестивых родителей Космы и Евдокии (Брюшковых) и во св. крещении наречён был Матфеем.

Родители его принадлежали к купеческому сословию, но, как видно, не обладали большим богатством, потому что Матфей ещё мальчиком отдан был ими для приучения к торговле в Москву.

В то время как товарищи его мечтали об увеселениях и о накоплении земных сокровищ, он помышлял о жизни монашеской. Неизвестно, сколько именно лет провел он в Москве, но на 18-м году своей жизни уже решился оставить мир и посвятить себя на служение Богу и ближним в иноческой жизни. В 1767 г. отправился юноша Матфей в Санаксары. В это же время в Санаксарском монастыре подвизался в сане иеродиакона о. Игнатий, позже - настоятель Пешношский.

Схиархимандрит Макарий (Брюшков)

Обитель Санаксарская была одна из беднейших: монастырь обнесён был, вместо ограды, деревянным забором, в нём была одна церковь, и та — деревянная с волоковыми окнами, ... по недостатку свеч служба отправлялась с лучиной. Содержание братии было также самое убогое: ходили в лаптях и балахонах; никто не мог иметь какой-либо собственности; церковные службы отличались продолжительностью; за жизнью и духом братии о. Феодор следил весьма бдительно.

Это был руководитель опытный в духовной жизни. Здесь-то и под руководством такого высокого наставника полагал начало иноческой жизни юный послушник».

Как было уже написано, после ссылки на Соловки оклеветанного прп Феодора Санаксарского будущие архимандриты Макарий (Брюшков) и Игнатий (Ушаков) уходят в Введенскую Островскую пустынь.

Эта пустынь была расположена недалеко от г. Покрова Владимирской губернии. Оттуда эти два подвижника перемещаются по воле священноначалия в Николо-Пешношский монастырь.

После того, как иеромонаха Игнатия (Ушакова) отправляют восстанавливать Тихвинский монастырь, монахи Пешношского монастыря обратились к митрополиту Платону (Левшину) с просьбой поставить над ними настоятелем иеромонаха Макария (Брюшкова). Митрополит удовлетворил просьбу пешношцев и поставил строителем монастыря иером. Макария в 1788 году.

Архимандрит Макарий (Брюшков, 1750–1811) вошёл в историю Церкви как старец Макарий Пешношский (скончался в схиме с именем Макарий).

«Неутомимый и многосведующий в делах хозяйственных, он ещё более был неутомим в подвигах духовной жизни. Вид его казался строгим, но душа его была полна любви отеческой» – писал о нём прп. Макарий, старец Оптинский.

Пешношский Синодик говорит об о. Макарии так: «Архимандрит Макарий мудро и мерно распределил устав и послушания».

Летописец Иеромонах Иероним (Суханов) так пишет об о. Макарии (Брюшкове): «Истинное достоинство жизни состоит в добродетели, а не в явлении чудес, и по сему, многие – хотя и не творят чудес, однако равны чудотворцам бывают. Но и во всяком веке были люди ангельской чистоты, а иначе мир не мог бы стоять... Из таковых был и сей муж».

За короткое время строитель монастыря Макарий вернул из Переславльской консистории церковные вещи и книги. В короткие сроки были отреставрированы монастырские храмы, отремонтированы старые кельи и построены новые, перестроены трапеза, поварня, здания других монастырских служб. Для странников и богомольцев за воротами монастыря была построена деревянная гостиница, где им безвозмездно предоставляли пищу и кров.

В обители завели стройное пение, продолжительное богослужение. О.Макарий позаботился и о любителях безмолвия, к которым относился и он сам. Для них в глуши монастырского леса выстроили пустынные кельи.

Вид пустынных келий Пешношского монастыря. Рисунок из Синодика.

Строитель Макарий позаботился о благолепии раки основателя монастыря – прп Мефодия.

Современники и все, кто занимался историей монашества, высоко ценят светлую личность архимандрита Макария (Брюшкова).

«Сделавшись архимандритом, Макарий не изменил своей прежней строго-подвижнической жизни, и даже смирил себя ещё более, хотя не раз повторял со вздохом: «Был Макарий, а теперь уже стал не Макарий».

Ни в пище, ни в одежде он ничем не отличал себя от прочей братии, в свободное время ходил вместе с ними даже на послушания.

Воздержание его простёрлось до высшей степени. Однажды, во время братского ужина, он послал своего келейника принести из поварни полстакана молока; тот принес ему полный стакан; Макарий огорчился и сказал: «Ты ввёл в искушение и себя и меня, да и всю братию».

«Вот, скажут, как Макарий-то начал жить архимандритом, по целому стакану молока берёт лакомиться». Так хранил он братскую совесть! Скажем здесь несколько слов вообще о его характере.

Архимандрит Макарий был муж высокой добродетели. Он жил не для себя, себя, а для блага обители и для блага братии.

Все находили в нём мудрого наставника, приветливого собеседника; вообще, для подчинённых он был и наставником и, вместе, отцом, другом и братом. Собственности у него не было. Получал ли он что-нибудь от благодетелей — разделял с братиею. Нужны ли были кому-либо деньги, чтобы получить увольнение от общества для поступления в обитель, или для других потреб — он давал, приговаривая: «Мне душа дороже денег. Я верую Богу моему, что денег у меня всегда будет довольно».

В большие праздники созывал всю братию в архиерейские покои и угощал чаем (всегда давал по два куска сахара и по две чашки).

В летнее время, в свободный час, выходил из келлии, садился на скамье под окном с каким-либо поделием в руках (обыкновенно - вязал чулки) и, если к нему подходил кто-либо из братии, начиналась духовная беседа; если оставался один, творил умно Иисусову молитву. Зато и братия любила его.

Когда отправлялся он в Москву или в монастыри, порученные его надзору, все провожали его до часовни Мефодиевой. Здесь, после пения тропаря прп Мефодию, принимали благословение и расставались.

И встречали его, как дети отца: «Батюшка едет! Батюшка приехал!» — с радостью говорили друг другу по приезде Макария.

И все спешили к нему навстречу, высаживали из повозочки (он всегда ездил в простой телеге или в санях с кибиткою), целовали руки и провожали до келлии, а он непременно, бывало, утешит их каким-либо гостинцем.

Любя уединённую и безмолвную жизнь, он, когда было возможно, удалялся в глубину лесов и там, в трудах подвижнических, проводил по несколько недель....

Но основное его направление – было устройство жизни пешношской братии по заветам Святых Отцов. И это направление дало видные всем плоды его деятельности.

«Училищем благочестия» назвал Пешношский монастырь прп Макарий Оптинский.

Митрополит Московский Платон (Левшин). Годы жизни: 1737- 1812

«Вторая Лавра», - так называл Пешношский монастырь митрополит Московский Платон (Левшин), посетивший обитель в 1795 г.

«Пробыв в ней несколько дней, он не оставил ничего без осмотра и был изумлен её хорошим порядком и чиноположением, чистотою и хозяйственностью».

Он всходил даже на высокую колокольню для обозрения окрестностей. И, сходя вниз, сказал сопровождавшему его архимандриту: «Пешноша в моей епархии – вторая Лавра».

Такою мирною жизнью наслаждалась обитель под управлением Макария.

Но и враг спасения не дремал; он воздвигал иногда среди братий бурю искушений и доводил их до падений.

Сердобольному Макарию тяжело было слышать об искушениях, смотреть на падения, но молитва, терпение и любовь всё побеждали.

Известны случаи, как один из братий во время служения во гневе схватил его за архимандричий крест и давил, а другой, сам виновный, вздумал оклеветать его пред правительством в разных преступлениях.

Но правительство даже не обратило внимания на его донос, (так оно уважало Макария) и оба сии мятежники законно наказаны.

Среди подвигов, трудов и забот прошла вся жизнь Макария.

В 1806 году отец Макарий был возведен в сан архимандрита Дмитровского Борисоглебского монастыря, при этом оставаясь настоятелем Пешноши.

Под управлением о. Макария действовали приходские храмы в сёлах Ведерницы, Рогачёво и Медвежья Пустынь Дмитровского уезда.

После революции эти храмы приютили на время гонимых монахов Николо-Пешношского монастыря.

Несмотря на обширный круг хозяйственных занятий, Макарий не пропускал ни одного богослужения.

Чувствуя ослабление сил, он желал как можно чаще вспоминать о часе смертном, и потому приказал монаху Феофану сделать из толстой сосны гроб, строго запретив говорить об этом кому-либо... Однажды осматривал он сено над конюшнями вверху, оступился, упал в ясли и так сильно разбился, что едва живого принесли его оттуда в келлию.

С сего времени он ослабел совершенно, и, видя, что уже не встать ему с одра болезни, предложил братии выбрать себе нового настоятеля; но никто не хотел и слышать об этом.

О.Макарий с любовью благословил их, просил помолиться о нём и потом вдруг заговорил о гнев Божием, грядущем на Россию, – просил, приказывал молиться усердно, со слезами об отвращении гнева Божия, о спасении Отечества.²³

Это было в 1810 г., почти за два года до нашествия французов в 1812-м году. Тогда же, по просьбе братии, дозволил снять с себя портрет, на что прежде никак не соглашался.

1811-го г., февраля 12 д., на богослужении арх. Макарий начал творить отпуст, но вдруг вскричал и начал падать; стоявшие близко поддержали его и отнесли в келлию на руках. «Так, видно, Богу угодно», – сказал о. Макарий и стал готовиться к своему исходу.

23-го марта он пострижен в великую схиму, без переименования имени, и более не выходил из своей келлии.

Богослужение для него совершалось в церкви Преображенской, смежной с его келлиею, из которой он мог слышать чтение и пение. Так прошло ещё около двух месяцев. Когда не осталось никакой надежды на выздоровление, братиею

было донесено преосвященному митрополиту Платону о болезни Макария, вместе с прошением благословить их на избрание нового настоятеля.

³ Интересно, что «Наполеон перешёл Неман и вступил в пределы России в среду 12 июня 1812 года. В этот день во всех храмах читались слова Апостола Павла из послания к Римлянам: «Братия! Открывается гнев Божий» (Рим. 1, 18—27)», – пишет архимандрит Макарий (Веретенников) в своём труде «Заметки о православной вере». Санкт-Петербург 2011. С. 90 – 100.

«Пока не услышу о смерти Макария, у вас не будет другого начальника», — был ответ Преосвященного.

Но жизнь Макария видимо угасала. В предсмертные дни были совершены над ним напутственные церковные таинства.

Пред самую кончину окружающие его одр спросили о преемнике, — он указал на Дорофея, строителя Екатерининской пустыни, и, прибавив: «Кого Бог изберёт», — умолк навсегда. Он скончался 31 мая 1811 г., на 61 году от рождения.

Достойно замечания, что в самый день кончины Макария некоторые, как то: Герасим, архимандрит Симоновский, и Феофан, строитель Угрешский, видели его стоявшего в церкви во св. алтаре, в золотой ризе и схиме (по сказанию монахов Григория и Амфилохия).

Горячая любовь к почившему выразилась особенно при его гробе; все плакали как дети; бездыханное тело положено в том самом гробе, который был приготовлен им заживо; 3-го июня совершено погребение его в настоятельской усыпальнице, под колокольнею, близ гробницы основателя обители прп. Мефодия. Стечение народа при погребении было многочисленное. Здесь были и ученики его, прибывшие из других обителей, и крестьяне, облагодетельствованные им, и дворяне, чтившие его за высокие нравственные качества.

Братия говорили, что после Макария у них не будет другого Макария. Это же сказал и Преосвященный Платон, получив донесение о смерти Макария».

В пешношском Синодике, в котором, кроме традиционных записей о поминовении, содержались еще и эксклюзивные сведения о монашествующих, написано, что друг схиархимандрита Макария еще по Санаксарскому монастырю, архимандрит Новоезерский Феофан, был извещён о кончине о. Макария видением, в котором схиархимандрит Макарий (Брюшков) явился ему вместе с преподобными Сергием Радонежским и Мефодием Пешношским. Благодарная обитель никогда не забудет благодеяний схиархимандрита Макария.

Один из его учеников - его келейник, впоследствии архимандрит Мефодий, долго и благоуспешно управлял обителью. Дух его правления жив на Пешноше и доныне.

Схиархимандрит Макарий (Брюшков) не только возродил Пешношский монастырь, он был настоящим старцем и для своих учеников, и для мирян. Старец, как известно, – это человек, который восстанавливает духовное родство народа и Церкви. Известна история госпожи Фаминцевой – дамы высшего света, у которой было, по замечанию летописца Пешношского монастыря иеромонаха Иеронима (Суханова), «холодное к религии сердце» и которая под влиянием архимандрита Макария стала верной дочерью Церкви.

Купцы из Рузы - Михал Дмитриев и Герасим Иванов, далекие родственники аввы Макария, находившиеся под его влиянием, построили несколько церквей в Рузе.

И этот список можно продолжать. Но основное направление деятельности схиархимандрита Макария (Брюшкова) – возрождение монашества. Схиархимандрит Макарий (Брюшков) приложил много усилий по восстановлению и других обителей, воспитал целое поколение истинных монахов, которые возглавили множество российских монастырей.

Так, протоиерей Василий Руднев, принявший позже монашество с именем Тихон и ставший впоследствии архимандритом московского Данилова монастыря, в своей книге «Историческое описание мужского общежительного монастыря Святого Чудотворца Николы, что на Пешноше», изданной им в 1893 году к 500-летию памяти прп. Мефодия Пешношского, называет следующие имена старцев, возродивших православное монашество после периода «бироновщины»: «Паисий Величковский, Макарий Пешношский, Феофан Новоезерский, Назарий Валаамский, Клеопа Введенский, Игнатий Симоновский и другие».

Интересно, что Игнатий Симоновский – это архимандрит Игнатий (Ушаков), сподвижник архимандрита Макария (Брюшкова) в восстановлении Пешноши.

Словам протоиерея Василия Руднева вторит неизвестный автор, современник прп. Пимена Угрешского, который об архимандрите Макарии (Брюшкове) в своём труде «Биографический очерк настоятеля Свято-Никольского Угрешского монастыря» пишет так: «Особенно редки бывают примеры добродетели и подвижничества, подобные Паисию Величковскому, Зосиме, Макарию Пешношскому, старцу Серафиму». Как видно, он тоже ставит в один ряд старца схиархимандрита Макария Пешношского с такими угодниками Божиими, как прп. Паисий Величковский, прп. Зосима Верховский и прп. Серафим Саровский, тогда еще не прославленными.

В примечаниях к «Биографическому очерку» автор пишет:

«Вот четверо замечательнейших из настоятелей Московской епархии – почти современники, которым обязаны в равной степени те обители, в которых они находились.

Это Макарий Пешношский, 1788–1811. Игумен, архимандрит, схимонах.

Самуил Староголутвинский, 1800–1829. Строитель.

Антоний, наместник Троицкой Лавры, 1831–1877. Архимандрит Вифанский.

Пимен Николо-Угрешский, 1853–1880. Игумен, архимандрит»⁴.

Мы видим, что и здесь схиархимандрит Макарий Пешношский находится среди ныне прославленных святых – прп. Антония Радонежского и прп. Пимена Угрешского.

Надо отметить, что рядом упомянуты имена учителя и ученика – Макария Пешношского и Самуила Голутвинского (Колесницына). В 1800 году пешношский иеромонах Самуил (Колесницын) был назначен строителем Бобренов-Голутвинского монастыря в Коломне и с ним отправились восстанавливать монашескую жизнь семь братий из Пешноши.

Интересно, что братия Бобреновского монастыря в настоящее время служит панихиды на могиле преподобномученика Пешношского – игумена Иоасафа (Шахова), расположенной в пос. Октябрьский.

4 "Биографический очерк настоятеля Свято-Никольского Угрешского монастыря". М., Свято-Никольский Угрешский монастырь, 1998 г., стр. 489.

Важно заметить, что Пешноша, восприняв традицию старчества от прп. Сергия Радонежского, продолженую прп. Мефодием Пешношским, впоследствии возобновила эту традицию. Схиархимандрит Макарий (Брюшков), ученик прп. Феодора Санаксарского и старца Клеопы Владимирского, подвизавшегося на Афоне вместе с прп. Паисием Величковским, не только воспринял опыт умного делания и трезвения, но и способствовал его насаждению в Пешношском монастыре.

О. Макарий Пешношский состоял в переписке с прп. Паисием (Величковским) и получил от него в подарок игуменский посох.

Пешношский монастырь через учеников арх. Макария, насадил «Паисиевы предания» в монастырях России и за её пределами.

В книге "Молдавский старец Паисий Величковский" протоиерей Сергей Четвериков пишет об о. Макарии Пешношском: «Так от старца Макария получили свои уставы и устройство следующие монастыри: Голутвинский, Московский Сретенский, Кирилло-Новоезерский, и пустыни: Давидова, Оптиная, Берлюковская, Екатерининская, Медведевская-Кривоезерская и др».

Митрополит Московский Платон (Левшин), назначая в тот или другой монастырь кого-либо из братии Пешношского монастыря, писал: «Назначается с тем, чтобы завел общежитие по примеру Пешношского монастыря».

Писатель Алексей Блохин, исследователь истории Пешношского монастыря, считает, что число таких монастырей примерно двадцать четыре.

Вот имена некоторых из известных в свое время достойных представителей монашествующих - воспитанников Пешношского монастыря: строители Пахомий и Максим (на Пешноше), Антоний, Арсений, Иоанникий (Давидовский), Арсений, Самуил (Голутвинский), Дорофей (Екатерининский), Иоанникий, Николай, Пахомий (Берлюковские), Паисий, Парфений (Махринский), Иннокентий (в Костроме), Антоний (в Арзамасе); игумены: Иосиф (Луховского монастыря), Авраамий (Оптинский), Феодосий (Кривоезерский), Макарий (Черноостровский), Макарий (в Луге); архимандрит Мефодий (на Пешноше), Исайя Важеозерский, в схиме – Игнатий, позже строитель Задне-Никифоровского монастыря, о котором пишет свт Игнатий (Брянчанинов) как о редчайшем явлении того времени - старце, стяжавшем благодать Святаго Духа.

Архимандрит Феофан Новоезерский, известный подвижник XVIII-XIX вв., ученик и прп Феодора Санаксарского и старца Клеопы, друг архимандрита Макария (Брюшкова) лично приезжал на Пешношу к арх. Макарию.

С целью, чтобы получить от него для своего монастыря общежительный устав и выпросить у него нескольких братьев для устройства общежития.

Игумен Самуил (Колесницын), настоятель Коломенского Богоявленского Старо-Голутвина монастыря и бывший воспитанник Пешноши, впоследствии имел учеников, шедших путём внутреннего духовного подвига.

Плоды его настоятельства проявились не только в благоустройстве Голутвинского монастыря, но, как написано в пешношском синодике, «за богоугодное правление монастырём» к игумену Самуилу при кончине явились два Ангела и сопроводили его душу в Небесное Царство.

Писателем А.Блохиным установлено, что в Пешноше начинал свой монашеский путь знаменитый духовник Афона старец Арсений (+ 1846). Иеромонах Афанасий (Степанов) Младший, выходец из Пешноши, удалившись в Рославльские леса, воспитал там в «священном безмолвии» учеников – будущих оптинских старцев Моисея и Антония (Путиловых).

Пешношский иеромонах, «огородник Авраамий» был первым настоятелем Оптиной пустыни, восстановившим «запущенную и жалкую» обитель.

Таким образом, малоизвестная Пешноша участвовала в расцвете всем известной Оптиной пустыни.

Современники и все, кто занимался историей монашества, высоко оценили светлую личность архимандрита Макария (Брюшкова). Насаждённые им традиции старчества действовали вплоть до XX века.

Что было ясно современникам, должно стать ясно и потомкам: личность такого масштаба как схиархимандрит Макарий (Брюшков) стоит в одном ряду с духовными столпами Земли Русской.

Пешноша после «Макариевского» периода

Преподобный Мефодий Пешношский и архимандрит Макарий (Брюшков) имели достойных преемников и в последующие периоды жизни обители.

Строгую монашескую жизнь поддерживал **иеромонах Максим** (Погудкин, 1755–1850).

После смерти схиархимандрита Макария (Брюшкова) в 1811 году около 8 лет строителем монастыря пребыл иеромонах Пахомий. С ним же прибыл из Берлюковской пустыни и иеромонах Максим (Погудкин), оба начинавшие монашескую жизнь на Пешноше.

Во время наполеоновского нашествия 1812 года настоятель монастыря распорядился вывезти архив и ризницу Николо-Пешношского монастыря за Волгу, в город Кимры. Большую часть братии распустили, в монастыре осталось около 20 человек — престарелые старцы и сильные духом монахи. Французские войска подошли совсем близко, на расстояние 18 вёрст, но дальше идти по окружённой болотами дороге побоялись.⁵

Господь сохранил невредимым и Пешношский монастырь, и монашествующих.

В 1819 году строитель Пахомий от управления монастырем по воле архипастыря был уволен и назначен строителем иеромонах Максим.

Интересно, что будущий игумен Голутвинского Коломенского монастыря Самуил (Колесницын), будучи еще молоденьким послушником перевез через разлившуюся реку в Пешношский монастырь стремившегося к иночеству молодого Никиту Погудкина и представил его настоятелю.

И он же, уже в сане игумена Староголутвинского монастыря, через 34 года избрал по поручению архипастыря совместно с монашествующими Пешноши настоятелем монастыря иеромонаха Максима и привёз его для представления в Москву митрополиту Серафиму.

⁵ Интересно, что в фильме «Гусарская баллада» эпизод с наполеоновской армией, терпящей бедствие от суровой зимы, снимался на дороге, которая вела к Пешношскому монастырю.

Иеромонах Максим (Погудкин)

Иеромонах Максим так и не принял сан игумена, несмотря на предложение свт Московского Филарета.

Построенный иеромонахом Максимом (Погудкиным) больничный храм свт Димитрия Ростовского . Рис. из «Описания монастыря».

О высоте духовной жизни пешношского строителя говорит тот факт, что к нему приезжал советоваться преподобный Леонид, старец Оптинский.

Местные крестьяне так уважали о. Максима, что запрещали детям петь песни возле монастыря, боясь Божьего наказания за нарушение покоя праведника. Зажиточные крестьяне благодарили монастырь, а бедные получали от него помощь.

Далее настоятелями Пешношского монастыря были **архимандрит Сергей** (+1857) и **архимандрит Мефодий** (+1869), особенно любимый братией и пользовавшийся глубоким уважением свт. Филарета Московского (1783–1867) и его викария – епископа Дмитровского Леонида (Краснопевкова), ученика святителя Игнатия Ставропольского.

При архимандрите Мефодии, по благословению митрополита Филарета, в 1859 году был освящён придел в честь прп. Мефодия Пешношского в монастырском Сергиевском храме.

В книге архимандрита Кронида «Троицкие цветки с луга духовного» (составитель архимандрит Кронид (Любимов), издание Свято-Троицкой Лавры, 2018 г.) мы находим свидетельство о внутренней жизни Пешношского монастыря во время настоятельства архимандрита Мефодия.

Архимандрит Кронид приводит случай спасения иеромонаха Никодима от пагубной страсти винопития. Этот иеромонах Покровского московского монастыря своей истинно монашеской жизнью был известен даже митрополиту московскому Филарету (Дроздову), но впал в тяжелейший грех пьянства. Митрополит Филарет отправил его на исправление в Пешношский монастырь.

Видимо, Пешноша была известна, как настоящая духовная лечебница. Но и там иеромонах Никодим продолжал вести нетрезвую жизнь.

И доходил до такого состояния, что, удаляясь в соседнюю деревню, все пропивал с себя. Игумен не знал, что с ним делать. Лишать его сана и обратить в первоначальное состояние он не хотел, так как не терял надежды на его исправление и просил о том Бога. О спасении отца Никодима заботился и сам митрополит Филарет, всегда спрашивавший о нем. Так прошло три года. Отец Никодим был буквально соблазном для всей Пешношской обители.

Справа – вход в Сергиевский храм. Фото XIX века

Однажды игумен, будучи в Москве, специально просил митрополита Филарета, чтобы он помолился об искушаемом иеромонахе Никодиме. Владыка митрополит в ответ на просьбу настоятеля сказал: «Верю, что не до конца Господь прогневался на него. Он помилует и исцелит его немощи».

Однажды, к неопишуемой радости игумена, отец Никодим неожиданно для всех пришел в церковь к полунощнице, стал на клирос и своим мощным голосом стал помогать братии в пении.

Наконец, плачущий и кающийся о.Никодим стал неопустительно являться ко всем службам. Митрополит Филарет разрешил священнодействие о. Никодиму.

Первое богослужение после длительного перерыва иеромонаха Никодима пришлось на светлый день Пасхи, после которого он, после прочтения благодарственных молитв, почил прямо в храме.

Вот такое свидетельство о благодатной атмосфере Пешношского монастыря и о истинно монашеском терпении настоятеля архимандрита Мефодия приводит архимандрит Кронид (Любимов) в своей книге.

Преподобный Пимен Угрешский – ученик святителя Игнатия Брянчанинова, пророчески предсказавшего ожидавшие Россию и Русскую Церковь потрясения. Прп Пимен унаследовал от учителя дар рассуждения и изложения. Будучи документом, «Обзор» тем не менее читается с увлечением.

Вот что пишет прп. Пимен о Николо-Пешношской обители в 1878 г.:

«Николо-Пешношский монастырь найден мною в следующем состоянии: служба отправляется по чину, пение столповое, храмы содержатся опрятно, по внешности монастырь поддерживается довольно исправно.

В среде старшей братии преемственно отчасти еще хранится дух прежнего старчества, но, к крайнему сожалению, что современное мудрование вытесняет все прежнее».

Запись относится ко времени настоятельства **архимандрита Дионисия** (+23 мая 1887 г.), бывшего настоятелем Пешноши после архимандрита Мефодия. При котором скончался синодичный иеромонах Иероним (Суханов), в схеме Иоанн.

После кончины архимандрита Дионисия обителью управлял с 1887 по 1899 год **игумен Макарий** (+13 июля 1907 г.).

Послужной список обители 1895 года содержит такие сведения: «Игумен Макарий, 62 лет, из крестьян, в мире Максим. Холост.

В братство принят 31.03.1864 года, пострижен в монашество 23 ноября 1866 года. Рукоположен в иеромонаха 17.01.1867 года. Братский духовник с 22.09.1877 года, казначей с 5.11.1880 г., строитель с 3 августа 1887 года, игумен со 2.09.1890 г.

За отличное служение в Церкви Божией и труд по благоустройству монастыря награжден наперсным крестом 20 мая 1893 года». Видимо, в сан архимандрита он был возведён позднее 1895 года.

Интересно, что первые опыты изобретателя радио А.С.Попова по прохождению радиоволн в 1895 году проходили в стенах Пешношского монастыря, где был установлен передатчик. Приёмник находился в усадьбе Д.И.Менделеева под названием Боблово, расположенной недалеко от монастыря. К радости изобретателя и хозяина усадьбы, они слышали по приёмнику писк морзянки.

Это были первые в мире опыты по передаче радиоволн!

Разрешение проводить научные опыты в монастыре характеризует настоятеля - игумена Макария как разностороннего человека.

К сожалению, сведений об этом незаурядном настоятеле почти нет. Благодаря уже упоминавшейся книге архимандрита Кронида (Любимова) мы узнаём, что при игумене Макарии Пешноша остаётся духовной лечебницей.

В главе «Превозношение до добра не доведёт» описывается случай, как спасли и жизнь, и душу послушнику Свято-Троицкой Лавры Александру Дружинину, обратившись за помощью к игумену Николо-Пешношского монастыря Макарию.

Он забрал в свой монастырь брата, находившегося в безумном и буйном состоянии (в прелести, из-за самовольных аскетических «подвигов»), сказав: «Милостью Божией он поправится у нас, и свои такие бывали.» Так и получилось. Брат через несколько лет совершенно поправился и исправился настолько, что игумен счел возможным постричь его в монашество. Окончил он жизнь уже в Симоновом монастыре в сане иеродиакона с именем Афанасий. Этот случай показывает духовную силу Николо-Пешношского монастыря и во времена правления игумена Макария.

Также, во время его настоятельства, очередная смертельная эпидемия, ходившая по России, не затронула Николо-Пешношский монастырь.

Порядки монастыря изначально были строгие: в смежных келиях жили по два насельника, и младший не мог выйти, не испросив благословения у старшего.

Но все-таки, во второй половине XIX века духовный расцвет Николо-Пешношского монастыря пошёл на убыль.

Свт Московский Филарет, чьё заботливое око не оставляло Пешношский монастырь без попечения, отмечал утрату монашеской простоты в обители. В беседе с игуменией Аносина монастыря он говорил, что при первом его посещении монастыря келии не запирались, в них была самая простая обстановка: скамья вместо кровати и стол; брать было нечего. А ныне всё под замком, «развелись самовары» и многое другое.⁶ О снижении аскетического уровня монашеской жизни свидетельствует и Синодик обители.

Однако, в конце XIX столетия архимандрит Виталий (время настоятельства 1885–1914 гг.), восстановитель Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии, «отправился в один из лучших русских общежительных монастырей – Николо-Пешношский – поучиться, как он говорил, общежитию». ⁷ Значит, при намечавшемся упадке ещё не выветрился монашеский дух из Пешношской обители!

Пешноша – продолжатель и насадитель традиции старчества

В замечательном труде иеромонаха Иеронима - «Описание монастыря», который еще ждет своего исследователя, размещены портреты старцев.

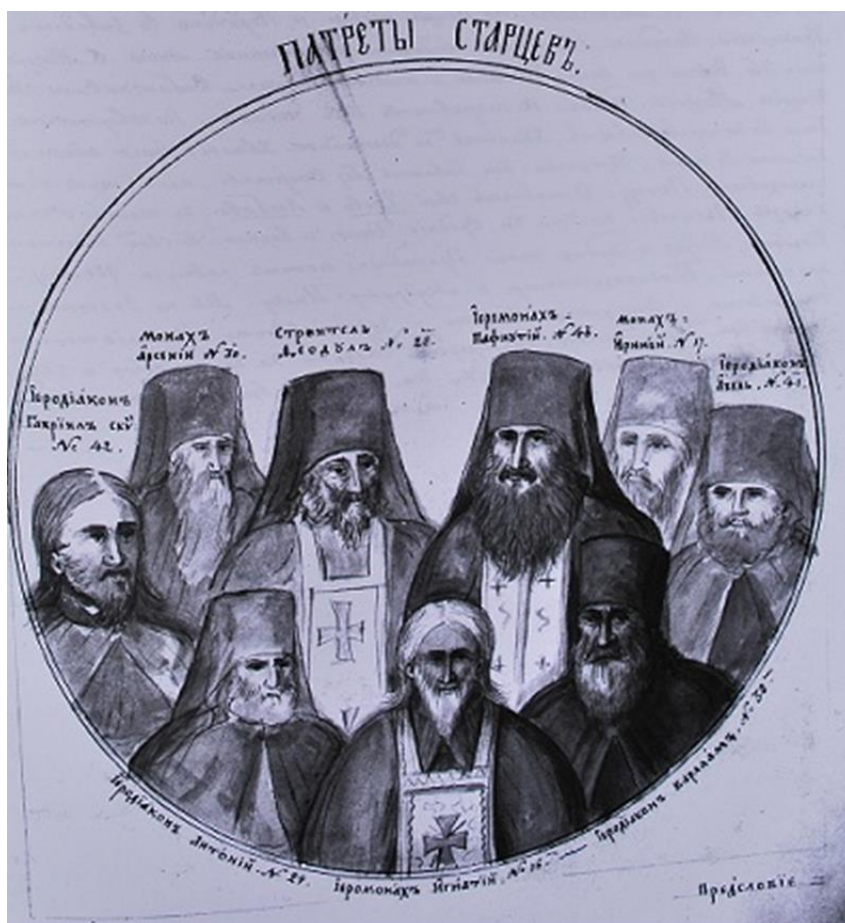
Таким образом, мы воочию видим, что заданное прп Сергием Радонежским направление Пешношского монастыря сохранялось долгое время.

Иеромонах Иероним, автор «Летописи» отмечает, что подробных сведений о старцах, изображенных на рисунке, нет.

⁶ «Женская Оптина». Изд-во "Паломник". М., 2005.

⁷ "Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря". Изд-во Св. Иоанно-Богословского монастыря, 1998 г.

Хорошо, что мы знаем, что старцы были, начиная с прп Мефодия Пешношского и схиархимандрита Макария (Брюшкова), которых нет на этом рисунке.

Портреты старцев. Рис. из «Описания монастыря» иеромонаха Иеронима.

Среди старцев были, как видно из рисунка, разные по положению насельники монастыря: иеромонахи и иеродиаконы, монахи и строитель монастыря Феодул.

Но об одном, иеромонахе Пахомии (его нет на рисунке), который впоследствии восстановил Берлюковскую пустынь по благословению митрополита Платона (Левшина) известно, что это был монах, который сподобился беседовать с императором Александром I Благословенным о вопросах веры.

Главное, что в монастыре, несмотря ни на что, сохранялся дух старчества.

Конечно, в годы упадка и даже упразднения монастыря (а это длилось примерно около с 1700 по 1766 год) ни о каких старцах речи не шло.

Зато потом, постепенно, наступили годы благоденствия монастыря, безусловно связанного с духовным расцветом.

Старцем не только для насельников Пешношского монастыря, а, можно сказать, старцем всероссийского масштаба был схиархимандрит Макарий (Брюшков).

Старчество не угасало в Пешношском монастыре, и старцы были вплоть до уничтожения монастыря в эпоху гонений.

В начале XX века, по отзывам современников, настоятель Николо-Пешношского монастыря игумен Ксенофонт (Чернышов), являлся старцем не только для монастырской братии, но и для мирян. К нему приезжал для совета будущий сщмч Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский, в то время бывший правящим архиереем.

Келейник игумена Ксенофонта (схиархимандрита Онуфрия), послушник Александр (Жемков), позже ставший иеродиакон Серафимом (в схиме Александр) продолжил старческое служение по благословению игумена Ксенофонта в новых страшных условиях гонения на Православную веру.

Пешношские святые

За всю историю Николо-Пешношского монастыря были прославлены его основатель - **преподобный Мефодий Пешношский** и **святитель Варсонофий Тверской (1495-11.04.1576)**.

Свт Варсонофий Тверской был игуменом в Пешношской обители после игумена Гурия (Заболотского). Прославлены Русской Православной Церковью также шестеро новомучеников, о которых будет сказано дальше.

Немного о прп Мефодии Пешношском было сказано ранее.

О нем вообще известно мало. Не известно ни место его рождения, ни дата рождения, ни имена родителей святого. Это подтверждает и «Летопись» иеромонаха Иеронима: «Сей преподобный Отец наш Мефодий, игумен песнуский известен по единому токмо своему святому ИМЕНИ и по ПРЕДАНИЮ, а жития бо его ни древняго, ни нового в обители не обретается, и о мощах его Святых ни кто наверное не известен» (орфография подлинника). В «Летописи» приводится «Историческое стихотворение», видимо, написанное летописцем и синодичным – иеромонахом Иеронимом. Это, по сути – краткое жизнеописание прп Мефодия:

«Он мира сего славы отлучися

Отречеся в юности лета

И в обитель к Сергию водворися

Живя там всем полезен баше....

Егда слава оне нача приходить повсюду

Тогда устроися им обитель добре

Братиею своею лепо управляше».

В «Историческом стихотворении» говорится и о благословении прп Сергия на создание обители и о том, что никому точное место пребывания мощей прп Мефодия «не Ясно!» (орфография подлинника – «Летописи» иеромонаха Иеронима).

Заглянем в Синодик Пешношского монастыря.

Первоначальный Синодик сгорел. В восстановленном иеромонахом Иеронимом Синодике, как мы видим, нет сведений о родителях прп Мефодия.

Было также утрачено при пожаре первоначальное «Житие» прп Мефодия Пешношского.

Из «Исторического стихотворения» и из краткого жития, приведенного в «Летописи», становится известно, что прп Мефодий совсем молодым пришел к прп Сергию Радонежскому в Троице-Сергиеву Лавру, которую покинул позже ради пустынноческого жития.

Но недолго преподобный был отшельником в Дмитровских лесах.

Вскоре вокруг него собрались «желающие постнического жития» и святой основал монастырь в том месте, который указал ему духовный отец – прп Сергей, на реке Пешноше. Мы мало знаем о его трудах по созданию монастыря.

Промыслом Божиим не известно даже, откуда пришел прп Мефодий к прп Сергию Радонежскому, и как его звали до пострижения в монахи.

И, удивительно, не известно точно даже место его захоронения.

Настолько преподобный Мефодий «мира славы сего отлучися».

Но само существование монастыря более 600 лет уже много говорит о святости его основателя.

Известен такой факт из его жизни: разгневанный тем, что на его землях поселился какой-то человек, Дмитровский князь отправился, чтобы изгнать святого из пределов своего княжества. Княжеские кони, не доехав до келлии святого, пали.

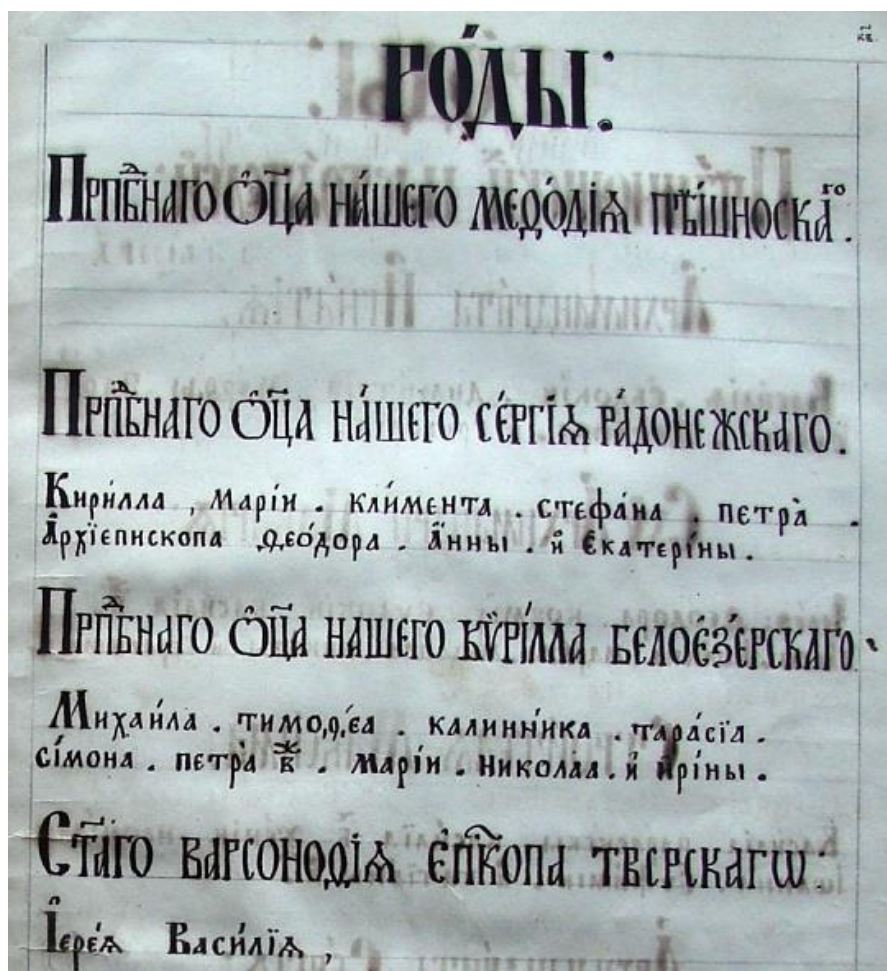
Князь, пешим добравшись до места жительства святого отшельника, «узрел старца, яко Ангела Божия, живущего в неопикуемой нищете» и умилился сердцем. А святой, пришедши к павшим коням, воздвиг их своей молитвою. Князь потом много помогал прп Мефодию при строительстве монастыря.

Своей обителью преподобный Мефодий управлял более 30-ти лет. Согласно источникам XVIII века святой отошел ко Господу в 1392 году, в год кончины своего старца и учителя преподобного Сергия Радонежского. Некоторые источники утверждают, что святой скончался в 1393 году.

Он был погребен в Николо-Пешношском монастыре возле церкви Святителя Николая. Над местом его погребения воздвигли сначала брусовую часовню, а потом храм прп Сергия Радонежского.

На погребение игумена Пешношской обители стеклось множество богомольцев, горько оплакивавших потерю своего благодетеля.

Чего много при жизни прп Мефодия и после его физической смерти – это чудесных исцелений. Несколько страниц «Летописи» посвящены этим случаям.

Первая страница Синодика

К неизлечимым больным являлся старец — монах «седидами украшенный» (или наяву, или во сне) и, чаще всего, говорил, чтобы отслужили молебн прп Мефодию.

Иногда больной сразу исцелялся, иногда после молебна в монастыре. В монастырь приходили и приезжали люди из разных мест, даже из Архангельска. Выздоровевшие больные потом убеждались, что приходивший — прп Мефодий, как пишут его на иконах.

Один из последних случаев чудесных исцелений такой: при посещении монастыря в день памяти прп. Мефодия Пешношского 17 июня 2011 г. паломник И.И. Шавлов исцелился от хронического носового кровотечения.

Недаром в кондаке святому Мефодию написано: «исцеляюще с верою приходящих недуги, утоляеши скорби».

Преподобный врачевал и душевные недуги: «...Из Москвы приходил (человек) и сказывал о себе, что он был поражен запоем.

И явился ему во сне монах, и сказал, желаешь не пить вина, то иди на Пешнош и отслужи там молебен преподобному Мефодию, и по этому он исполнил».

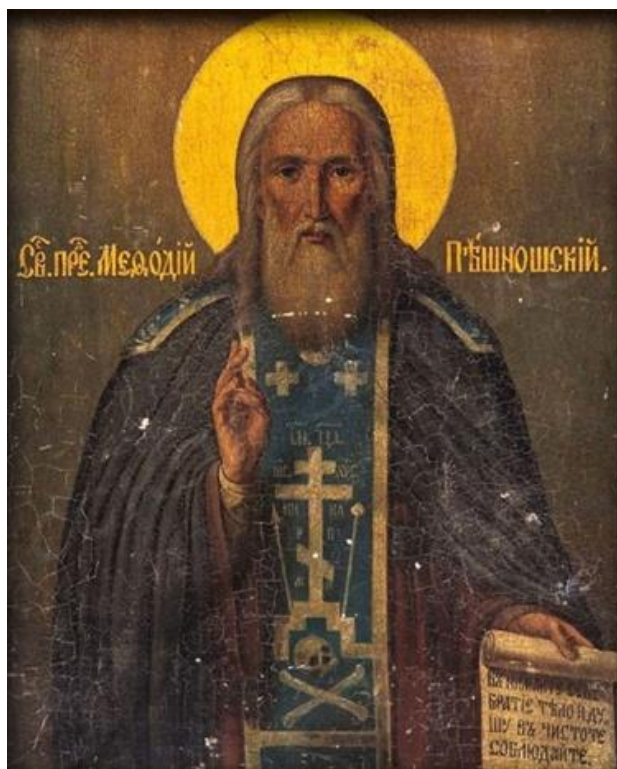
А другому, «крестьянину из деревни Копытово», который, «по дерзости своей юной привык всегда ругаться матерными словами... во сне явился прп Мефодий и укорял, и бил костью ... за ругательства его злыя... И он приходил ко гробу преподобного и просил прощения и молебствовал».

Со дня кончины преподобного Мефодия его почитали в Пешношском монастыре как святого, хотя он был канонизирован Церковью только в XVI веке.

В 1547 году митрополит Макарий Московский послал окружную грамоту во все епархии с предложением собирать рукописи с текстами житий и свидетельства о чудесах новых русских подвижников.

Грамота была получена и на Пешноше при игумене Варсофонии (впоследствии свт Варсофоний Тверской).

Настоятель представил необходимые сведения о житии и чудесах преподобного Мефодия Пешношского. Московский Собор 1549 года причислил его к лику святых.

Прп Мефодий Пешношский

Над местом предположительного захоронения мощей прп Мефодия в храме прп Сергия Радонежского с приделом в честь прп Мефодия Пешношского в советское время были установлены две цистерны, куда сливались отходы из котельной, устроенной в храме .

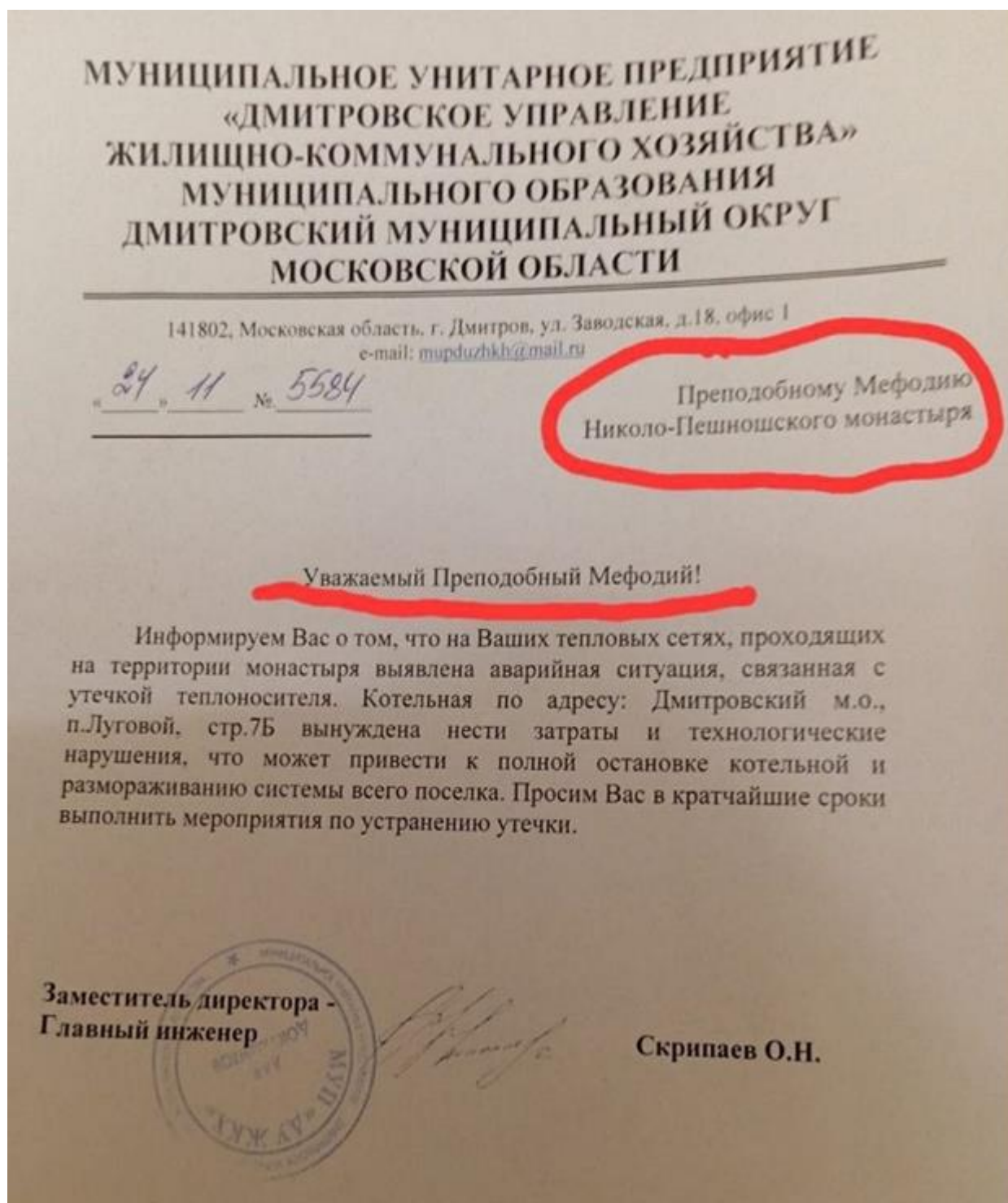
У раки прп Мефодия Пешношского. Современное фото.

Теперь над этим местом установлена рака, при ней стоит посох преподобного.

Посох игуменов Пешноши (может, тот самый, который был даром прп Паисия Величковского) долгое время хранился в Спасском храме села Дулово Тверской области. При этом храме некоторое время жили пешношские монахи, выгнанные из монастыря после революции.

Настоятель Спасского храма протоиерей Валерий Поляков отдал посох во вновь открытый монастырь.

Удивительное свидетельство о действенности имени этого святого и в современности предоставили дмитровские чиновники. Они направили нижеследующее письмо в Николо-Пешношский монастырь в 2025 году. Оставим этот удивительный случай, который может произойти только в России, без комментариев.

Подготовкой жития прп Мефодия Пешношского для прославления на Московском Соборе 1549 года занимался будущий святой – тогдашний игумен Пешношского монастыря, позже **святитель Тверской Варсонофий**.

О годах правления свт Варсонофия пишет летописец иеромонах Иероним так: «Особенно процветала она (Пешношская обитель – сост.) благочестием во дни свт Варсонофия».

Свт Варсонофий Тверской

При игумене Варсонофии (XVI век) монастырь даже имел свои суда, на которых перевозил хлеб для продажи.

Большая заслуга свт Варсонофия и в прославлении основателя монастыря – прп. Мефодия Пешношского.

Удивительно, что при таких заботах святой игумен Варсонофий имел всегдашнее рукоделие – «вязанье монашеских клубуков»!

Игумен Варсонофий после настоятельства в Пешноше стал просветителем Казанского ханства.

Переживший в юности татарский плен и «смирением, кротостию и послушанием пленивших тя удививый» (из текста акафиста), по указанию царя Иоанна Грозного, как знавший татарский язык, был направлен после взятия Казани царем в казанские пределы вместе с несколькими монахами Пешношского монастыря. Бывший пешношский игумен «магомедову тму» удачно разгонял и был «неверных учителю веры в Пресвятую Троицу» (из текста акафиста).

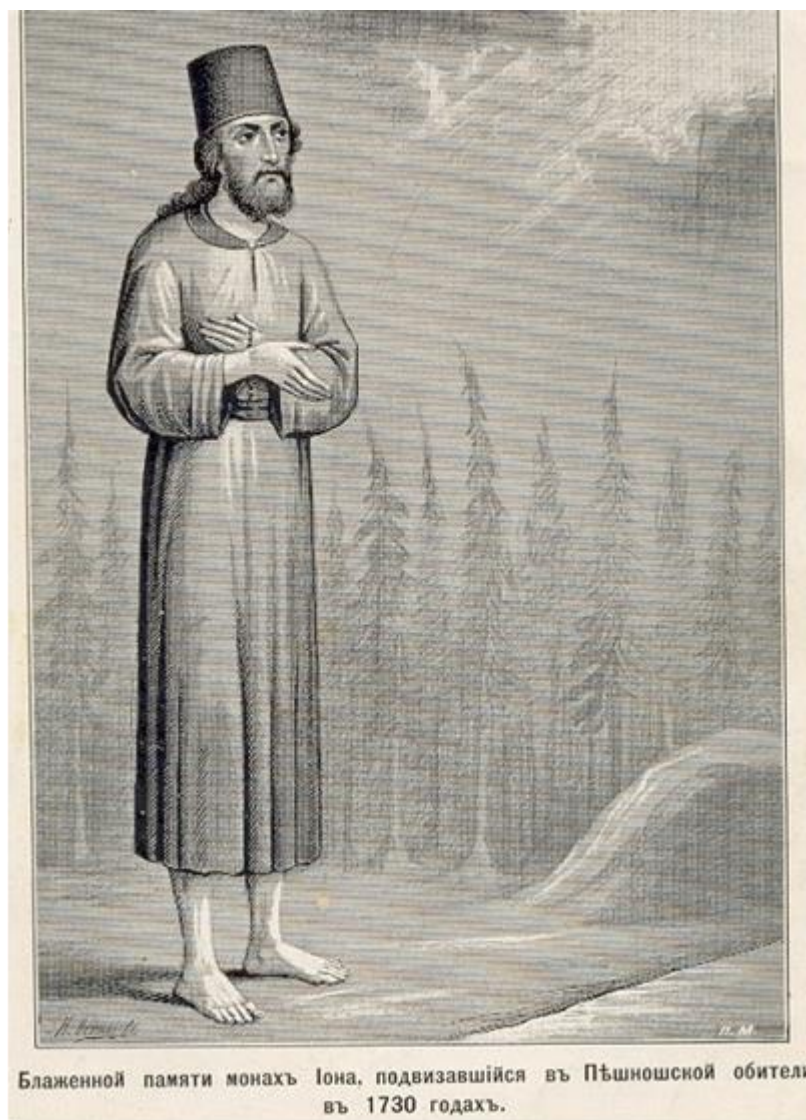
Свт. Варсонофий застал опричнину, будучи уже правящим епископом Тверской епархии. Он тяжело переживал бесчинства царских опричников.

На покой свт. Варсонофий удалился в построенный им в Казани Преображенский монастырь, там он и почил в 1567 году. Там же, в 1595 году, были обретены его мощи и мощи его духовника и учителя - свт Гурия Казанского.

К сожалению, мощи святителей Варсонофия и Гурия пострадали от других варвар. По указанию советской власти, 22 сентября 1918 г. в 9 часов вечера были вынесены из Казанского Кремля мощи Казанских святителей Гурия и Варсонофия. Потом мощи свт. Варсонофия Тверского хранились в Историческом музее бывшей ТАССР, где в 80-х годах XX века были уничтожены пожаром. Но «память его в род и род».

В XVIII веке особо почитался при жизни **блаженный Иона**, из монахов Пешноши.

Опасаясь праздности, он плёл лапти и, сидя при дороге, продавал их мимоходящим. Иногда по ночам залазил в печь, но не для того чтобы согреться, а чтобы почувствовать тяжесть адских мук.

Блаженный Иона.

По молитвам к нему, после его преставления, происходили исцеления, особенно детей (при жизни монаха Ионы дети его очень обижали).

Скончался блаженный монах Иона зимой под деревом в молитвенной позе – стоя на коленях. Тело хранило столько теплоты, что земля вокруг подтаяла и высохла. В таком положении его тело случайно нашёл охотник в глухом Раменском лесу вблизи села Рогачёво в 1737 году.

Вскоре после погребения юродивого в 1737 году к его могиле в день памяти 28 июня (н.ст.) приходило много верующего народа.

Пещера блж Ионы. Рисунок из «Описания монастыря»

После смерти блж Иона многим являлся, велел служить на его могиле панихиды.

«Монах Иона был ни Аристократ, ни Бюрократ, ни Ученый, ни Чиновный. Но простой и презренный. ...И велик был пред Богом, Который и по смерти его славит», - пишет летописец иеромонах Иероним.

В 1806 году при перестройке соборной паперти в Пешноши был виден деревянный гроб этого угодника Божия.

Архимандрит Макарий (Брюшков) приказал, не касаясь, сделать над ним арку и возвести стену, что и было исполнено.

Гроб блаженного монаха Ионы был обретён при совершении строительных работ в возрождённой обители уже в наше время.

Гроб был установлен в приделе прп. Мефодия Пешношского в Сергиевском храме. Возле гроба блаженного Ионы не бывает пусто.

Несколько передач на «Спасе» были посвящены Николо-Пешношскому монастырю и чудесам по молитвам блж Ионы (Например: <https://yandex.ru/video/preview/15688229995524571917>).

О многочисленных исцелениях от рака рассказывала писательница Дарья Донцова. В том числе и на примере своей семьи.

Гроб блаженного Ионы Пешношского. Современное фото.

У гроба блаженного происходят исцеления, запись фактов которых ведётся монахами Николо-Пешношского монастыря.

Записано много фактов исцеления, в т.ч. от рака после молитв к блаженному Ионе.

В XX веке было прославлено шесть насельников Николо-Пешношского монастыря, принявших мученическую кончину за веру в годы гонений.

Это - прмч. Аристарх (Заглодин-Кокорев), прмч. Герасим (Мочалов), прмч. Иоасаф (Шахов), прмч. Николай (Салтыков), прмч Иона (Смирнов) и сщмч. Симеон (Кульгавец).

Фрески с их изображением украшают своды придела прп. Мефодия Пешношского в Сергиевском храме Пешношского монастыря. Их подвигу посвящена книга «Новомученики и исповедники Пешношские».

Несомненно, угодивших Богу на поприще монашеской жизни в Пешношской обители гораздо больше, чем нам известно.

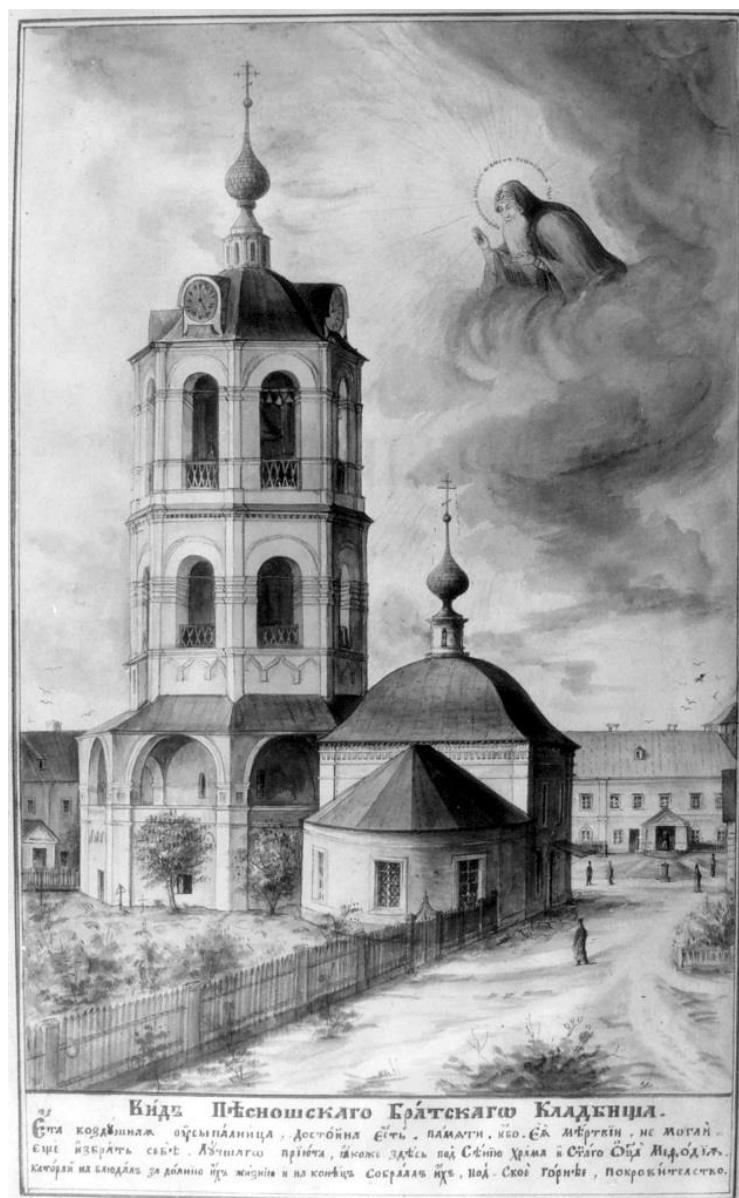
В «Летописи монастыря» иеромонаха Иеронима описан такой случай: в 1826 году при «капании могилы» было найдено нетленное тело инока.

Установить - кто это, за давностью лет, не удалось.

Вид монастырского кладбища, где позже было устроено футбольное поле.

Фото XIX века.

Вид Пешношского братского кладбища из рукописного «Описания монастыря». XIX в.

При таком же стечении обстоятельств было найдено однажды нетленное тело схимонаха. Год находки не написан. Автор «Летописи» пишет, что и в этом случае имя схимонаха не удалось установить. Чин монахов был установлен по монашескому одеянию.

Игумену Никону (Головко), первому настоятелю Пешноши, после открытия монастыря местные жители рассказали, что в советское время, когда производились земляные работы на территории бывшего монастырского кладбища, (там располагалось футбольное поле) рабочие обрели полностью нетленное тело неизвестного монаха. Его увезли в Москву, по свидетельству рабочих.

О Синодике и синодичном

Синодик в данном контексте – это поминальные списки, читаемые в храме на богослужении за усопших. В Николо-Пешношском монастыре Синодик представлял собой рукописную книгу.

На первой странице Синодика (приведена на стр.72) мы видим имена прп Сергия Радонежского; прп Кирилла Белоезерского (пока не ясно - почему он внесён в Синодик Пешношского монастыря), свт Варсанофия Тверского и их сродников. Это воплощение древней традиции поминать не только самих святых, значимых для данной обители (или семьи), но и их родных. Как бы святая благодарность родителям и родственному окружению святых. Отдельно перечислены имена царской фамилии.

На страницах Синодика записаны имена архимандритов, игуменов, иеромонахов, монахов, рясофорных иноков, послушников и даже «значительных» трудников (т.е. людей, не принявших монашество, а просто трудившихся в монастыре), указаны даты смерти. Записаны также имена всех благодетелей со сродниками.

Привожу трогательный пример записи о смерти малолетнего насельника: «Григорий, питомец, прожил 8 лет» (далее дата смерти и имена родных - для поминовения).

Синодик прочитывался за богослужением ежедневно, ответственный за его ведение инок назывался «синодичный».

«Синодичный» - иеромонах Иероним (Суханов) возобновил сгоревший старый Синодик, снабдил выписками из Святых Отцов, случаями из жизни пешношской братии и других монастырей, подробно описал чин погребения монахов и явления из загробного мира. И даже снабдил рисунками. Получился не только помянник усопшей братии и их родных, но целое художественное произведение. Можно сказать, летопись монастыря, где описана жизнь не только благонравных настоятелей, но и тех, которые не могли быть примером для братии.

Труды иеромонаха Иеронима «удобрили» два значительных монаха.

Старец Максим из Николо-Пешношского монастыря (сведений о нем нет) и тогдашний наместник Троице-Сергиевой Лавры прп Антоний (Медведев), который написал в письме о.Иерониму о его трудах так: «Читал с удовольствием».

Иеромонах Иероним снабдил свои труды рисунками, которые приведены на этих страницах.

Иеромонах Иероним (Суханов) вёл Синодик при следующих настоятелях: иеромонахе Максиме, архимандрите Сергии, архимандритах Мефодии и Дионисии.

Прослеживая пометки иеромонаха Иеронима в Синодике, мы видим жизнь одного из сотен братьев, пришедшего в монастырь для того, чтобы жить для Бога и в Боге в полной безвестности.

Монашеский путь его был необычен. Он поступил в монастырь в 18 лет, в 1825 году. Из семьи мещан г. Торжка. На монашескую жизнь был благословлен родителями святыней г.Торжка - иконой Выдропусской Божией Матери, которую потом украсил необычным кивотом с камнями из святых мест. В 1827 году принят в братство. Но, как он потом вспоминал, «Пешноша» ему тогда «не показалась», в монашеской жизни ему хотелось больше строгости, и просил он «благословения родителей перейти на острова Валаамский или Соловецкий». Но родители написали ему такой ответ: «Чадю, если приступаешь работать Господу Богу, уготови душу твою во искушение. Мы благословили тебя однажды и навсегда жить на Пешнуше, а в другие монастыри *другого благословения у нас нет для тебя. Терпи!*». В 1850 г. был посвящен в иеромонаха в Пешноше. Он все-таки предпринял путешествие по северным монастырям, а в 1853 г. - по русским южным монастырям. В 1858 — 1859 гг. путешествовал в Иерусалим и на гору Афонскую.

Каждое из этих путешествий он описал и украсил рисунками в своем произведении «Книга Странствий».

Схиму принял в 1859 году, в Афонском Русском Пантелеимоновом монастыре, который покинул почти сразу после принятия схимы.

Далее его жизнь протекала безвыездно в Николо-Пешношском монастыре. Промыслом Божиим он становится «на свещник» и высвечивает нам монашескую жизнь Пешношской обители XIX века изнутри.

В записях о. Иеронима нет никаких материальных примет – он не описывает ризницу, мы не узнаём, сколько лошадей на конном дворе.

Он живёт жизнью души и Духа. Вот одна из пометок иеромонаха Иеронима в Синодике : «Некоему благочестивому иерею было открыто во сне Таинственное изображение нашея Пешношской обители и ея Братии живущей под видом САДА с прекрасными розами, цветами. И с Надзирателем его, который ему и протолковал, что есть Сад сей, и даже объявил, что его многие перекараулили, но никто не устерег и все сами (онаго цветы и с ветвьми) ломали и засушали, и прочее. О награде сказал, что (следует) за девственную чистоту душевную и телесную»...

«Я теперь по прожитии в обители (с 1825 года – Т.А.) довольно видел сам в себе и в братии события сего сна таинственного. Ибо сколь многие, даже из обещавших девствовати при естественном восстании своих страстей и плоти, разжжения от врага и соблазнов, не стерпев, уклонялися в наслаждения плотские и с тем до своей старости и смерти пребыли. Но Бог мирские грехи терпит, а монашеские не терпит. Так совершалось и здесь с непокаявшимися и не хранящими свои обеты и целомудрие, которые за то различные понесли от Господа наказания: скорби, безславление, даже гонения и смерти преждевременные. Но целомудренные всю жизнь свою проводжали благополучно.

Монастырь есть место освященное, и его монашество духовное. По сему, оно и не терпит долго в себе держать ничего скверного и нечистого, и аки море, извергает все вон».

Синодичный монастыря иеромонах Иероним (Суханов) приводит примеры «кончин блаженных и недобрых», случившихся на его памяти.

Недобрая кончина одного из настоятелей монастыря устрашает: от нестерпимого смертного томления несчастный хотел себя зарезать, а после смерти «внутренность его излилася со зловонием». В примерах кончины праведной, например, строителя иеромонаха Максима, все-таки есть устрашающий момент: явившись после смерти одному из братии, иеромонах сказал, что находится в хорошем невещественном месте, но на мытарствах его истязывали за духовничество (видимо, за ошибки в духовном руководстве), гордость и скупость.

По записям в Синодике воочию можно убедиться, как оскудевала с течением времени монашеская жизнь. Иеромонах Иероним даже пишет о внезапной смерти некоторых насельников от винопития.

Кроме того, иеромонах Иероним создал «Летопись Песношския обители» и «Описание Песношского монастыря». Эти фундаментальные труды синодичного еще ждут своего исследователя.

Записи синодичного обнаруживают настоящее монашеское устройство его личности: покаянный настрой, хорошее знакомство со святоотеческой литературой.

Его последователи внесли в Синодик лишь малограмотные пометки, из которых узнаешь, что было много «прислonych» в монастырь для избавления от страсти винопития – язвой монашества того времени, причиной упадка нравственности. Узнаешь, что иеродиакон Евстафий «нехорошой» был человек и что в монастыре был квасовар.

О себе иеромонах Иероним пишет: «Все люди на свете самолюбивы, не менее и я был не безчувственен ко всем почестям земным и к благоволениям человеческим. Но Провидение меня от того отвлекало. По сему я решился сию суету оставить и искать твердого и постоянного благоволения во едином Бозе, Господе нашем Иисусе Христе и Его Пречистой Матери Деве Марии Богородице».

Первая страница «Летописи Пешношския обители» иером. Иеронима (в схиме Иоанна (Суханова))

Прислушаемся к этому посланию из далёкого ныне XIX века.

Тем более что истинность духовного устройства этого монаха была засвидетельствована явлением необычайным: в сонном видении посетила его Пресвятая Богородица, одетая так, как одевались русские крестьянки – с платком на голове.

Он зарисовал своё видение, и теперь мы с трепетом можем «видеть» то, что бывает исключительно редко.

Рис. из Синодика иеромонаха Иеронима (в схиме Иоанна (Суханова))

В конце Синодика иеросхимонах Иоанн (Суханов) в 1876 г. выписал интересные случаи из жизни монахов, в том числе насельников Николо-Пешношского монастыря, и написал немного о себе, упомянув предсказание в тонком сне о приближении кончины, что и случилось в следующем году.

Иеромонах Иероним (в схиме Иоанн) скончался 14 декабря 1877 г. (ст.ст.), согласно записи в Синодике. Эту дату кончины праведника называет и протоиерей Василий Руднев, ставший позже архимандритом Даниловского монастыря по имени Тихон. Он лично знал иеромонаха Иеронима и написал о нём в предисловии к своей книге «Цветник Пешношский», называя его «подвижником».

Как известно, знание времени своей кончины даётся преимущественно людям праведной жизни.

Благодаря иеромонаху Иерониму (в схиме Иоанну) мы, отдалённые потомки, можем прочитать в его трудах: «Летописи Пешношския обители» и «Описании Пешношского монастыря» не только о замечательных представителях русских монахов, но и об исторических событиях, о которых мы бы просто не узнали, не опиши этого иеросхимонах Иоанн. Например, о посещении императором Петром I Пешношской обители.

Надо отметить и прекрасные литературные способности «синодичного» и летописца - иеросхимонаха Иоанна (Суханова).

Тёплая ему благодарность от потомков. Других столь подробных источников информации об истории монастыря просто нет. Это был замечательный монах и деятель российской культуры.

Пешношские святыни

В конце XIX столетия монастырь входит в десятку самых обеспеченных России. В нём 6 каменных храмов: Никольский собор, храм прп Сергия Радонежского, Сретенская церковь, церковь свт Димитрия Ростовского, Богоявленский храм в колокольне, надвратный Преображенский храм.

Четыре прославленные чудотворениями иконы Божией Матери: Тихвинская, Казанская, «Всех скорбящих Радосте», «Прежде Рождества и по Рождестве Дева».

Икона «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» прославилась в конце XIX века чудотворениями именно в Пешноше, этот образ иногда называют Пешношская Божия Матерь. Пешношская икона Божией Матери первоначально принадлежала московскому купцу Алексею Мокееву, принявшему в монастыре иноческий постриг.

После смерти Мокеева она перешла во владение монастыря. О том, что икона обладает даром творить чудеса, узнали от капитана Платона Шабашева. Однажды капитан Шабашев, проходя ночью мимо часовни, заметил необычное свечение. Подойдя ближе, он увидел, что источником удивительного света является установленный над дверями часовни образ Богородицы. Несколько дней позже Шабашеву, который в тот период был оклеветан сослуживцем и лишен звания, во сне явилась Пречистая Дева и велела заказать для иконы ризу из серебра. В награду ему было обещано избавление от неприятностей.

Исполнив данное свыше поручение, офицер был оправдан. После этого случая образ неоднократно демонстрировал свою чудотворную силу.

В 1848 г. после молитв перед этой иконой прекратилась эпидемия холеры, свирепствовавшая в Дмитровском уезде.

Чудотворный образ перенесли в Сергиевский храм обители и учредили крестный ход, совершавшийся ежегодно 17 (30) октября. После разорения монастыря в 30-х годах XX века местонахождение подлинника Пешношской иконы Божией Матери не известно.

Икона Божией Матери «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» таинственно связана с судьбой царской династии.

Когда царский поезд потерпел крушение на ст. Борки (недалеко от города с символичным названием Змиевка), и царская семья чудом осталась невредимой, Государь Император Александр III обратил внимание, что в этот день празднуется память не только иконы Божией Матери «Избавительница», но и иконы «Прежде Рождества и по Рождестве Дева».

Это явилось основанием для особенного почитания этого образа в царской семье. Вернувшись в Петербург, Царь повелел служить благодарственный молебен пред чудотворной иконой «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» во всех храмах России.

Эта икона была в то время большой редкостью, поэтому срочно было сделано множество списков. Богородица и Её Предвечный Сын изображаются на этой иконе со знаками царского достоинства.

Икона Божией Матери «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» в Пешношском монастыре.

Иконописцами Троице-Сергиевой Лавры после открытия в 2007 году монастыря был вновь написан образ Пешношской Божией Матери, который неоднократно мироточил.

Судя по большому количеству «приношений» от благодарных людей, современная икона «Прежде Рождества и по Рождестве Дева («Пешношская» Божия Матерь) обладает благодатной силой.

Надо отметить, что Пешношский монастырь был особенным образом связан с правящим домом Романовых еще и по следующему факту: в монастыре хранилась частица Ризы Господней.

Пришествие частицы Ризы Господней на Русь в 1625 г., во дни правления первого царя из дома Романовых – Михаила Феодоровича, знаменовало конец Смутного времени и начало правления династии Романовых.

Местонахождение пешношской частицы Ризы Господней в настоящее время не известно.

Наиболее известной святыней монастыря считается образ святого Иоанна Предтечи, написанный в 1408 -1427 гг. прп. Андреем (Рублёвым) или иконописцем его круга.

По легенде, помолившись перед этой иконой в 1569 г., исцелился чашник князя Андрея Курбского Роман Полянинов. С тех пор и доныне потомки Поляниновых – усердные почитатели Пешношского монастыря.

В настоящее время икона находится в Центральном музее древнерусского искусства и культуры им. Андрея Рублёва.

Св. Иоанн Предтеча. Икона из музея им. прп Андрея Рублёва

В ряду святынь монастыря, почитавшихся чудотворными: мощи основателя монастыря прп. Мефодия, его посох и деревянный потир, использовавшийся им при богослужениях.

Потир - ныне экспонат Дмитровского краеведческого музея.

Архив и часть библиотеки Пешношского монастыря хранятся в Государственном Историческом музее.

Памятники прикладного искусства, связанные с монастырём, находятся в экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля.

Чтимые святыни Пешношской обители, которые сберегла схимонахиня Иоанна (Калинина), бывшая келейницей схиеродиакона Александра (Жемкова), это следующие иконы: Преображение Господня, Успение Пресвятой Богородицы, Казанская, Владимирская, Выдропусская Одигитрия.

А также : Достойно есть (написана на Афоне), Взыскание Погибших (написана в Спасо-Влахернском монастыре), прп.Серафима Саровского, сщмч Игнатия Богоносца (подарок священномученника Серафима (Звездинского), еп. Дмитровского; Скоропослушница (написана на Афоне), ростовая икона прп. Мефодия Пешношского (находится сейчас в монастыре): деревянная Плащаница «Богородица во Гробе».

После смерти схимонахини Иоанны в 1975 г. часть этих святынь была передана в храм Введения Пресвятой Богородицы в с. Очево, где настоятелем был архимандрит Паисий (Столяров). А позже некоторые из них – в храм Похвалы Пресвятой Богородицы в Ратмино (г. Дубна)*.

В 2023 г. Выдропусская икона была передана в Николо-Пешношский монастырь родственницей схимонахини Иоанны (Калининой).

Свято - Николо - Пешношский Мефодиев монастырь в XX веке

Николо-Пешношский монастырь, если судить по фотографиям, в начале XX века материально процветал. По данным Памятной книги Московской губернии, в период с 1909 по 1914 год в нём насчитывалось 150 насельников.

В музейных документах, начиная с 90-х годов XIX века, упоминаются настоятели Николо-Пешношского монастыря. Это - игумен Макарий, позже возведённый в сан архимандрита, после него – игумен Савва, затем игумен Иувеналий. Эти сведения подтверждаются вновь найденными материалами.

*По сведениям В. Пелевина https://vk.com/wall153034948_2433

После архимандрита Макария, оставившего пост настоятеля в 1899 году, первым настоятелем монастыря в XX веке был игумен Савва, уволенный от настоятельства 26.01.1908 г. по собственной просьбе (Указ Св. Прав. Синода от 22.12.1907 г. № 15601).⁸

С февраля 1908 г. настоятелем Николо-Пешношского монастыря становится бывший казначей Берлюковской пустыни иеромонах Иувеналий, которого 10.02.1908 г. возвёл в сан игумена Преосвященный Серафим, епископ Можайский⁹. По сведениям из синодика, игумен Иувеналий умер 19 апреля 1919 г. ст. ст., скорее всего, оставаясь настоятелем до дня кончины.

Братия Николо-Пешношского монастыря. Фото начала XX века.

⁸ «Московские церковные ведомости» №4 за 1908 г.

⁹ «Московские церковные ведомости» №7 за 1908 г.

Дмитровской епархией, как уже упоминалось, в начале XX века управлял духовный сын оптинского старца Амвросия – епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов).

Под руководством которого особенно расцвёл Борисоглебский монастырь г. Дмитрова – резиденция епископа. Но монахолюбивый Владыка не оставлял своей заботой и Пешношу.

Задолго до «лампочки Ильича» монастырь освещался электричеством. Электричество вырабатывала ветряная электростанция, расположенная на монастырской башне.

Вид монастыря с северо-запада.

Дату создания ветряной электростанции в монастыре мы не знаем. Слева на башне мы видим ветряк, с помощью которого вырабатывалась электроэнергия в Николо-Пешношском монастыре.

Пешношский монастырь начали «кошмарить» примерно в 1918 году и, ясно, что «ветряк» был установлен до этого времени .

Первая в мире ветряная электростанция - «мельница» была построена в 1887 г. в Британии. Но распространения не получила.

В нашей стране первая ветряная электростанция была построена в 1931 году. Так что мы видим перед собой уникальное изобретение неизвестного монастырского гения.

Башня Пешношского монастыря с ветряком.

Фотографии начала XX века запечатлели великолепные виды с храмами Николо-Пешношского монастыря.

Николо-Пешношский монастырь. Фото начала XX века.

Никольский собор

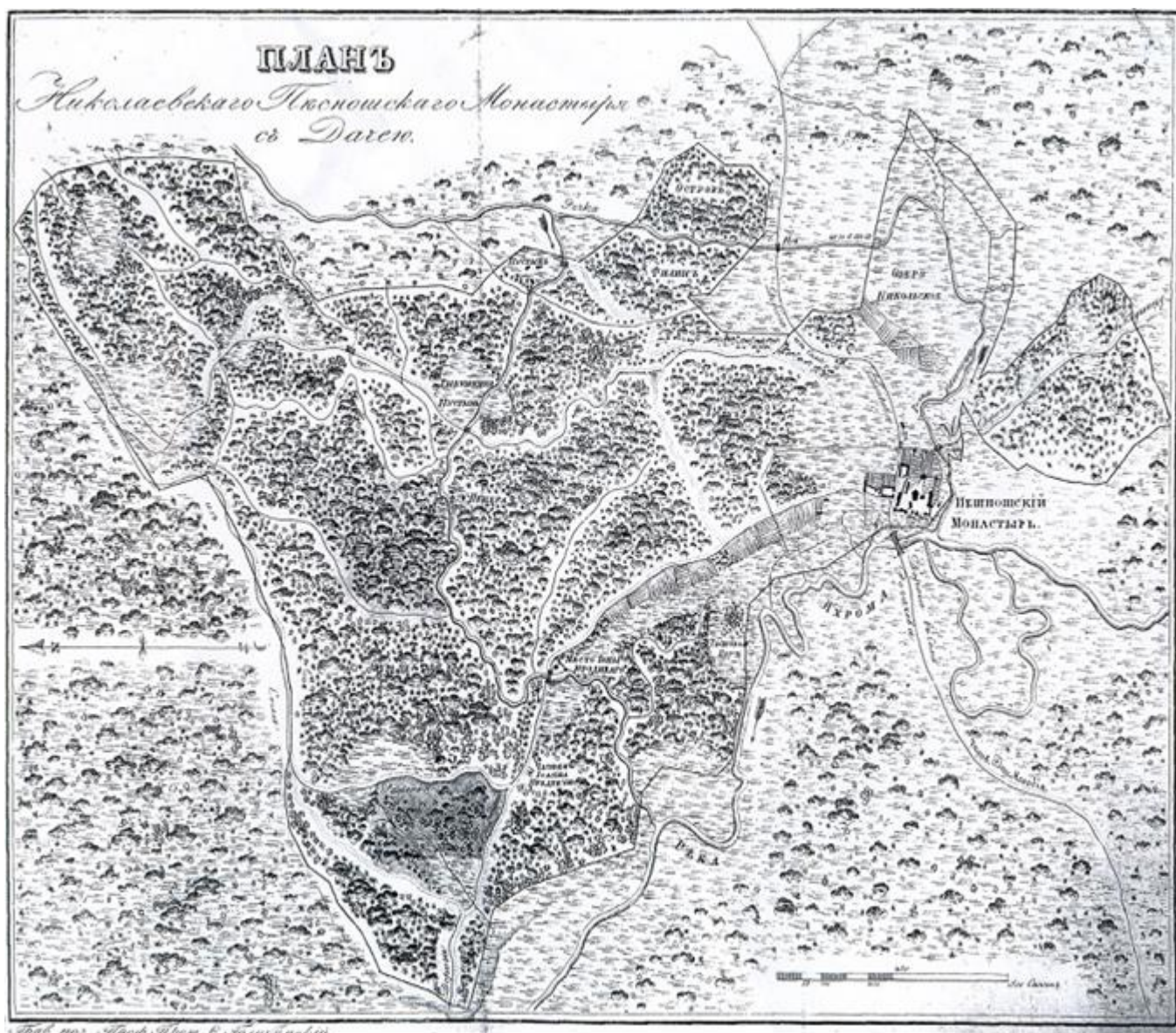
А также благолепие интерьеров монастырских храмов и помещений.

Интерьер Сретенской церкви

Трапезная монастыря

План Пешношского монастыря с земельными владениями

Монастырская «дача» – земли, принадлежавшие монастырю, охватывает значительное пространство.

Перед революцией, при настоятельстве игумена Иувеналия, по данным последнего «Послужного списка монашествующих за 1916 год», хранящегося в Центральном историческом архиве Москвы, в монастыре было 11 иеромонахов, 7 иеродиаконов, 20 монахов и 22 послушника.

Благодаря этому документу, мы можем хоть немного узнать, как жил монастырь перед грядущим катаклизмом – революцией и попыткой уничтожения Православной веры в лице основных её хранителей – монашествующих и священнослужителей.

Помимо богослужений и внутреннего молитвенного подвига - вот чем занимались насельники монастыря: иеромонах Митрофан (Ефимов) был ризничим, иеромонах Аристоклий (Салкин) нёс послушание в сельском училище, иеромонах Иона (Смирнов), позже прославленный как новомученик, был благочинным. Двое зачислено в 1895 году, один из них – Василий Владимирович Казанский – «живет очень тихо». Звонарём был послушник - слепец Иов Евгеньевич Стрявчев, о нём сказано: «живет спокойно, послушание исправляет». О послушаниях других монахов ничего не известно. Кто-то работает в переплетной, кто-то сторожит монастырь. Многие послушники были зачислены в братство в 1910–12 г., самое позднее в 1913 г. – вероятно, это связано с началом Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.).

Сведения из послужного списка не дают полной картины жизни монастыря. Наверняка были и общие послушания – заготовка дров, сенокос, работа в садах и огородах.

Кстати, смешная и грустная деталь современности: огороды и сейчас существуют за монастырской оградой, владеют ими местные жители.

Когда первый игумен монастыря в недавнее время пытался их потеснить, чтобы сделать проход на монастырскую территорию, жители возмущались и говорили, что они «испокон веков владеют «монастырскими огородами»!

Подавляющее большинство монахов и послушников – крестьянского происхождения, только два человека «из благородных» – сын титулярного советника и сын генерал-майора.

Некоторые иеромонахи, присланные в монастырь для исправления, находились под запретом в священнослужении, в основном, из-за пагубной страсти винопития. Монастырь продолжал свою традицию – был «духовной лечебницей».

В годы Первой мировой войны Николо-Пешношский монастырь принимал беженцев, а ведь такое «делание» даётся нелегко даже в обеспеченной обители.

Отрадно, что монастырь продолжил традицию, насаждённую прп. Мефодием, которого в стихирах называют «нищелюбцем».

В музейных документах указан последний настоятель монастыря – игумен Варнава (Жуков). Но, по воспоминаниям духовных чад схиеродиакона Александра (Жемкова) и сведениям из источников ПСТГУ, перед игуменом Варнавой с 1919 по 1922 год монастырём управлял игумен Ксенофонт (Чернышов), бывший ранее казначеем обители в сане иеромонаха. Игумен Ксенофонт был возведён в сан архимандрита священномучеником Серафимом (Звездинским), в то время правящим архиереем Дмитровской епархии. Он же и постриг перед смертью архимандрита Ксенофонта в схиму с именем Онуфрий. Игумен Ксенофонт был старцем для братии. Насельники монастыря приходили к нему за советом, исповедовали помыслы.

Он был духовным отцом схиеродиакона Александра (Жемкова), последнего старца Пешношского монастыря, которому посвящена эта книга. Пройдя весь путь монашеского искуса, игумен Ксенофонт стал старцем и для мирян. Епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) любил и чтит игумена Ксенофонта, называл его старцем, «в бытность свою возвысил его до чина свящ. архимандрита и затем постриг в схиму перед его кончиной».¹⁰

Об этом же говорит и схимонахиня Иоанна (Патрикеева), духовная дочь Владыки Серафима (Звездинского) в своих воспоминаниях: «Владыка Серафим любил настоятеля отца Ксенофонта (Чернышова), подвижника и молитвенника, к которому обращалась за духовной помощью вся округа».

Сохранились некоторые сведения об этом достойном представителе монашеского чина из «Послужного списка за 1916 год»: «Седьмого октября 1877 г. в монастырь принят послушником Карп Георгиевич Чернышов, родом из крестьян г. Торжка. Пострижен в монахи в 1878 г. с именем Ксенофонт¹¹».

С 14 апреля 1885 г. он уже иеромонах, затем братский духовник и казначей.

¹⁰ «Житие еп. Серафима (Звездинского). Письма и проповеди». ИМКА-ПРЕСС. Париж, 1991 г., стр 33.

¹¹ Сохранилась фотография игумена Ксенофонта с братом; трудно поверить, что братья – из крестьянской семьи.

В графе «каких качеств» значится: «отличного поведения, смирен, к послушанию способен и усерден и назидателен для богомольцев».

Игумен Ксенофонт (Чернышов) с братом.

Столь высокая оценка – единственная в «Послужных списках», начиная с 1895 года. Таким образом, еще в сане иеромонаха, он проявлял качества духовного руководителя.

Игумен Ксенофонт (в схиме Онуфрий) был награждён наперсным крестом Святейшего Синода.

Схиарихмандрит Онуфрий (Чернышов) и будущий сщмч Серафим (Звездинский). Фото 1922 года.

Правящий архиерей, будущий священномученик Серафим (Звездинский) приезжал к игумену Ксенофонту посоветоваться. Незадолго до смерти Владыка Серафим постриг игумена Ксенофонта в схиму с именем Онуфрий.

По воспоминаниям духовных чад схиеродиакона Александра старшего поколения, игумен Ксенофонт (в схиме Онуфрий) – являлся духовным руководителем, причём не только насельников монастыря, но и богомольцев.

Миряне Клинского и Тверского уезда шли пешком по 40 и более километров только чтобы посоветоваться и попросить молитв игумена монастыря.

Известны исцеления по его молитвам. Один случай описала Пелагея Платоновна Волкова: после молебна, отслуженного о. Ксенофонтом у смертного одра её родственника, больной выздоровел от практически неисцелимой в то время болезни – «антонова огня» (гангрены).

Пелагея Платоновна вспоминала, что игумен Ксенофонт обладал даром изгонять нечистых духов. Это происходило вечером в церкви, без народа. Монахи боялись приближаться к церкви в это время, потому что оттуда доносились иногда страшные вопли.

1922 год ознаменовался смертью настоятеля монастыря схиархимандрита Онуфрия (Чернышова) (+ 3 июля 1922 г.) и арестом в декабре этого года епископа Дмитровского Серафима (Звездинского).

Незадолго до ареста Владыка Серафим возвел в сан игумена иеромонаха Варнаву (Жукова), духовного сына схиархимандрита Онуфрия (Чернышова), избранного братией настоятелем монастыря.

Тяжелый, мученический путь до окончательной ликвидации монастыря (примерно в 1928 или 1929 году) монахи Пешношского монастыря проходили вместе со своим игуменом, на которого, кроме общего для всех тяжелого положения, обрушилась еще и клевета. Об этом подробнее написано в книге «Новомученики и исповедники Пешношские».

Даже после ликвидации монастыря еще некоторое время монахи жили на скотном дворе под видом артели. Это была повсеместная практика попыток сохранить монашеское братство, которая нигде не привилась. Все монастыри были советской властью разогнаны, монахи сначала арестованы, потом осуждены, потом, в большинстве, расстреляны.

Николо-Пешношский монастырь, как уже упоминалось, дал Православию шесть новомучеников, прославленных в лике святых, это прмч. Аристарх (Заглодин-Кокорев, +1937 г.), прмч. Герасим (Мочалов, + 1937 г.), прмч. Иоасаф (Шахов, + 1938 г.), прмч. Николай (Салтыков, + 1937 г.), прмч. Иона (Смирнов + 1938) и сщмч. Симеон Кульгавец (+ 1938 г.), прошедший год в стенах Пешноши, будучи беженцем. Конечно, есть еще и непрославленные новомученики и исповедники, и есть и еще святые пешношские, о подвиге которых мы ничего не знаем.

О жизни пешношских монахов в страшные годы гонений подробно написано в книге «Новомученики и исповедники Пешношские».

«Было время, когда Белые Берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша (Пешноша в старинной транскрипции – Т.А.), теперь наступило время для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой – процветут другие места», – так свидетельствует о роли Пешношского монастыря в истории русского монашества свт. Игнатий Ставропольский, один из самых богодухновенных исследователей монашества, в письме своему ученику - епископу Дмитровскому Леониду (Краснопевкову), правившему Дмитровской епархией с 1859 по 1876 год.

Современному читателю уже многое известно об Оптиной Пустыни, в последнее время появилось много материалов об истории и духовной жизни Глинской пустыни. О Николо-Пешношском монастыре известно меньше, ведь его расцвет принадлежит к более далёкому от нас времени.

Но было бы несправедливо не вспомнить о великой во всех отношениях монашеской обители, когда-то ставшей проводником и насадительницей идей преподобного Сергия Радонежского, Игумена Земли Русской, а позже – преподобного Паисия Величковского – возродителя русской монашеской традиции умного делания и старчества.

В свою очередь берущей свое начало от основателей русского монашества - преподобных Антония и Феодосия Печерских.

Обозревая историю русского монашества, прослеживая духовное преемство, мы можем выделить так называемый Пешношский этап - как особый немаловажный период.

О том значении, которое имел Пешношский монастырь для мирян, не сохранилось письменных сведений, но о нём молчаливо свидетельствует некрополь Пешноши, на территории которого были устроены родовые усыпальницы многих именитых семей России: Дмитриевых-Мамоновых, Апраксиных, князей Засецких, Ржевских, Вельяминовых, Вельяминовых-Зерновых. Внутри Никольского собора и на монастырском кладбище хоронили представителей таких древних фамилий как Оболенские, Волконские, Долгоруковы, Вяземские, Орловы, Ушаковы, Тургеневы, Майковы, Норовы, Тухачевские, Киреевы, Языковы, Боровиковы, Фаминцыны и др.

В обители находились родовые склепы древних дворянских родов дмитровского края: Офросимовых, Поляниновых, Лужиных, Сукиных, Подчёртковых.

В годы гонения на Православную веру 600-летнее древо Пешношского монастыря принесло множество святых плодов, благоухающих мученичеством и исповедничеством. Данная книга – попытка описать еще один плод могучего Пешношского древа – старца схииеродиакона Александра (Жемкова).

Когда он точно поступил в монастырь – не известно; «Определен в число братства сего монастыря 11 октября 1912 года» написано в послужном списке.

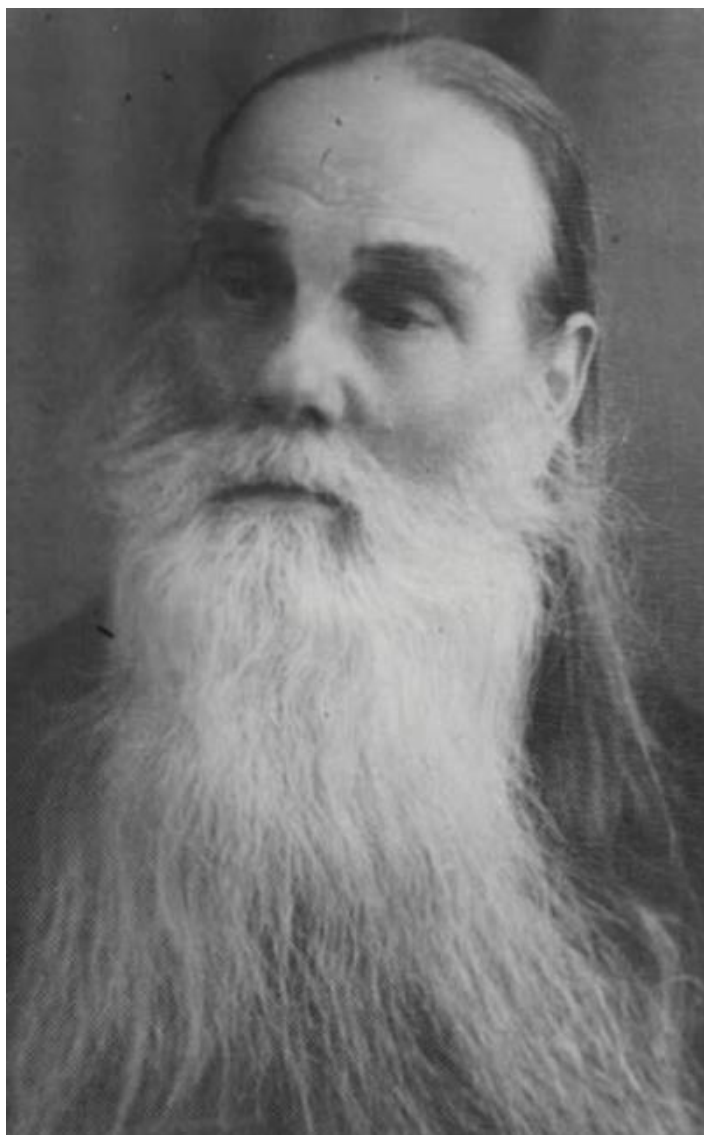
Монашеский путь послушника Сашки, начавшись «при ногу» угодника Божия игумена Ксенофонта, продолжился в годы, которые Патриарх Алексей II в докладе на Архиерейском соборе 2003 года оценил так:

«Для Русской Церкви минувшее столетие стало временем испытания твёрдости веры, сравнимого только с преследованием христиан в Римской империи. А по масштабу гонений во много раз его превосходящего».

Переместимся в суровый ноябрь 1927 года.

Тёмным вечером в начале зимы 1927 года сёстры Калинины (Татьяна и Пелагея) на санях увозили иеродиакона Серафима (будущего схииеродиакона Александра) из монастыря в неизвестность. Для конспирации монаха забросали сеном и переодели в женское платье. Ему было около пятидесяти лет.

Судьба Александра Ильича Жемкова – иеродиакона Серафима, в схиме Александра, стала редчайшим исключением в среде монашествующих эпохи гонений.

Схииеродиакон (Александр Жемков)

Промысел Божий, видимо, сохранил его от репрессий для окормления немногих оставшихся верующих, словно евангельскую закваску.

Ему выпал особенный путь по благословению духовного отца – архимандрита Ксенофонта (Чернышова), позже ставшего схиархимандритом Онуфрием.

О. Александр усвоил и приумножил традиции старчества Пешношской обители, став в ночи гонений духовным маяком для «малого стада» христиан.

Воспоминания Пелагеи Платоновны Волковой

(в девичестве Калининой)

(11 октября 1911 г. – 10 декабря 2009 г.)

От автора

К Пелагее Платоновне Волковой, в девичестве Калининой, меня направил архимандрит Паисий (Столяров), настоятель церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, что на погосте Чёрная Грязь (в селе Очево), Дмитровского района Московской области.

После службы в храме Введения я подошла к старой женщине. Она выглядела так, как обычно выглядят деревенские бабушки в храмах: цветастый платок, вязаная кофта, темная юбка. Я попросила рассказать об отце Александре, но Пелагея Платоновна торопилась домой, её подвозил прихожанин храма.

«Я уже всем всё рассказала», – строго сказала она и укатила на дорогой машине. У Пелагеи Платоновны была та недоверчивость к людям, о которой святитель Игнатий (Брянчанинов) в XIX веке писал, что она присуща людям много повидавшим.

Пелагея Платоновна Волкова в своем доме в деревне Княжево. Фото 2004 г.

Постепенно Пелагея Платоновна сменила недоверие на милость.

Я постаралась записать всё, что она говорила, – жаль, что читатель не увидит нашей беседы. Хотелось снять неспешный фильм с названием - «Есть женщины в русских селеньях». Мы с замечательным фотографом А.Б. Воробьевым несколько раз приезжали в дом Пелагеи Платоновны, выстроенный в Княжеве по молитвам схииеродиакона Александра (Жемкова). Напротив, где стоял дом её сестры и где Батюшка прожил около сорока лет – пустое место.

Когда я последний раз виделась с Пелагеей Платоновной, ей было 98 лет, и она была в здравом уме и твёрдой памяти.

В это время Пелагея жила при церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы (в Очево) в тёплой комнате с маленьким иконостасом. Но в этом иконостасе не было тех икон, которые я видела у неё в доме. Из многочисленных реликвий, хранившихся ранее у Пелагеи Платоновны, я видела такие: чудотворная, по ее словам, Выдропусская икона Божией Матери, икона Божией Матери «Взыскание погибших», принадлежавшая келейнице схиеродиакона Александра Татьяне - сестре Пелагеи Платоновны; игуменский посох замечательной работы из Пешношского монастыря и др. Но в последний мой приезд к Пелагее Платоновне у нее остался лишь погнутый алюминиевый таз, в котором схиеродиакон Александр, по её словам, «мыл бороду».

Иконы, хранившиеся в доме Пелагеи Платоновны: Выдропусская икона (слева) и икона «Взыскание погибших» (справа).

Иконы, по сведениям Вячеслава Пелевина, были сначала переданы в храм Введения Во Храм Пресвятой Богородицы в Очево, при котором и доживала Пелагея Платоновна Калинина. За старицей прилежно ухаживала староста храма Фаина, да и внуки навещали. Был у неё и благодетель – благочестивый предприниматель Игорь.

В последний мой приезд в апреле 2009 г., похудевшая и постаревшая Пелагея Платоновна в халате, словно сошедшем со страниц каталога для VIP персон, с аппетитом ела из сковородки жареную картошку.

За окном в луче солнца только начинали зеленеть листочки на деревьях. «Хорошо жить на свете!», – сказала Пелагея Платоновна, – «но скоро я буду там», – она указала в сторону кладбища.

Пелагея Платоновна благодарила Бога за своё положение – живёт рядом с храмом! «Это за молитвы Батюшки (схииеродиакона Александра (Жемкова))», – так она считала.

В это посещение Пелагея Платоновна не стала со мной много разговаривать. Сказала, что память стала ей изменять, а сказать неправду она не хочет. Всем бы нам такую трезвость! Пелагея Платоновна была права – прошло совсем немного времени, и она упокоилась на кладбище (+10.12.2009) рядом со схииеродиаконом Александром и своей сестрой – схимонахиней Иоанной (Татьяной Платоновной Калининой). Вечная им память!

«Я ему верю больше, чем себе»

Рассказывает Пелагея Платоновна Волкова

(1917-10.12.2009)

Я из православной семьи. Содержание у нас у всех такое. Дедушка наш, отцов отец, по фамилии Калинин, был лесопромышленником.

И сейчас все говорят: «Пойдём в Калинин лес». Дедушка наш был церковным старостой. Он и сторожку при храме Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Очево выстроил. Она и сейчас стоит. И похоронен в ограде церкви, но могилку в советские времена уничтожили. Семья наша зажиточная была, пока отца в армию не взяли. Отец мой, Платон Васильевич, служил в царской армии 12 лет.

Нас у мамы было пятеро. Старшая сестра – Татьяна, она старше меня на 15 лет, 1902 года рождения, еще две сестры и брат Иван. До большевиков жизнь была хорошая. Всё было, в церковь ходили, пьянства не было.

Пелагея Платоновна с посохом игумена Пешношского монастыря.

Фото 2004 г.

В праздник церковный соберутся двоюродные сестры и поют церковное, да на три голоса. Мать позовёт соседку: «Беги скорей, сейчас девки петь будут».

Помню такую песню:

Сходила с небес Царица Богородица,

Сходила с небес Владычица.

С небесных кругов

Говорила Царица,

Говорила Владычица

Сиротам и вдовицам:

«Прошу я вас, девы, не ходите никуда –

Ни в пиры, ни в беседы, ни в мирские суеты.

Сошью Я вам ризы белые со Ангелами, Архангелами.

А если вам этого мало,

А если вам этого мало,

Венцы золотые сплету.

А если вам этого мало,

А если вам этого мало,

Своего Сына Распятого сошлю.

А если же вам этого мало,

А если же вам этого мало,

Я Сама к вам сойду

И вас в Царство введу.

И буду Я с вами век вековать,

Вечно царствовать».

Вот, помню, Петров пост. Мама с Татьяной уехали на покос. А мы с сестрой и братом играли во дворе. Мне лет 7 было. Брат нас оставил и побежал горох воровать. А к нам, видим, идёт нищий и хочет идти в дом.

– Дяденька, не ходи в дом.

А он плачет.

– Дочки, где мама?

– На покосе.

– А где Ваня?

Тут меня что-то стукнуло. Но брат же не велел говорить, где он. Мы молчим.

Нищий плачет.

Бежит соседка.

– Платон, ты не совсем ли пришел?

– Совсем. Пришел совсем, а меня дочки в дом не пускают.

Бежит Ванька, полные пазухи гороху.

– Тятка пришёл!

Тут и мы отца признали. Радость! Мы бегом в деревню, к подружке: «Агаша!

Тятка пришёл! Семечков, баранок принёс!»

Это был 1918 год, Гражданская война. Папа и с немцами воевал, и с японцами.

Тогда в армии долго служили, но иногда помочь семье отпускали. А тут уж он совсем пришёл. Недолго он с нами был. Пел в церкви на клиросе. А на

Сретенье – умер. Мама болела. Вот так мы, младшие, оказались на руках у старшей, Татьяны. Она же мне и крёстная, я её так и звала.

А брат Иван поверил в «новую жизнь» и ругался с матерью и Татьяной.

Татьяна стала ходить в монастырь недалеко от Рогачево. Там у неё духовный отец был – настоятель монастыря архимандрит Ксенофонт. К отцу Ксенофонту она и меня, маленькую, на кошлах (за спиной – Т.А.) таскала.

Бывало, запрут меня в монастырском саду, а сами уйдут ко всенощной. Я наемся всего и посплю. Потом придут – и опять молиться! Правило прочитают, а потом о. Ксенофонт скажет: «А ещё акафист Божьей Матери». Акафист читали на коленях. А я: «Батюшка, спать хочу». Ну, он бросит что-нибудь на пол, сверху укроет, и я у его ног сладко сплю. Это мне лет 7–8 было.

Архимандрит Ксенофонт, настоятель Николо-Пешношского монастыря, святой жизни был. Помню, ехал он в Торжок; кажется, он был родом оттуда.

Заехал к нам в деревню Княжево и остановился у нашего дяди. Дядя утварью церковной торговал.

В это время у будущего моего свёкра, Ивана, рука болела, почернела вся – «антонов огонь». Архимандрит Ксенофонт причастил его, молебен отслужил – и прошло всё. А ведь мой будущий свёкор помирать уже собрался.

Татьяна жила часто в гостинице за оградой монастыря. Работала на монастырской ферме, чтобы быть при монастыре. А когда была дома, о нас заботилась. Но если праздник какой – ей что хошь – она уйдет в монастырь. И матери скажет: «Я не для этого живу. Что, я твоих ребятишек растить буду?!»

Она меня маленькую всегда с собой в храм таскала. «Полюшка! Куда хочешь на праздник – в храм или в монастырь?» – бывало, спросит. «В монастырь, – говорю я, – там не толкаются». Мы с ней ездили в Деденево, в женский монастырь, там у нас двоюродная сестра была монахиня.

Но больше всего ездили (или ходили) в Пешношский монастырь.

К отцу Ксенофонту, настоятелю монастыря, много народу ходило.

У него послушник был, Сашка. Он и пол мыл, и стирал, и книги переплетал. Это и был мой будущий духовный отец. Я плохо помню это время.

Помню, что, скорее всего, уже после революции, но ещё до разорения монастыря, в колокольню ударила молния.

Татьяна принимала участие в ремонте после повреждения. А я, маленькая, ей носила в фартучке песок на колокольню, он был нужен зачем-то.

Ещё помню, как мы ещё с одной сестренкой, Машей, убрали навоз на монастырской ферме.

А убирать навоз неохота. Мы увидели, что вдалеке идет монах. Маша стала говорить: «Что ходит! Хоть бы нам помог». Потом, через некоторое время, подходит к нам послушник Сашка (будущий мой духовный отец) и тихо так говорит: «Не мог я вам помочь. У меня обуви нету!» А ведь слышать наш разговор он не мог.

Вот он уже тогда какой был!

Помню слова о. Ксенофонта (в схиме Онуфрия), сказанные незадолго до его смерти Татьяне: «Забирайте Сашку и храните его до смерти». Схиархимандрит Онуфрий умер в 1922 году.

Перед смертью он благословил крёстную (мою старшую сестру Татьяну) иконой Божией Матери «Взыскание погибших» работы сестёр Деденевского женского монастыря.

А монастырь потихоньку выгребали. Монахи стали расходиться, которые размонашились, которых посадили.

Когда о. Ксенофонт умер, горе было. У нас соберутся те, кто к нему ходил – Татьяна и девки, и поют:

Где ж ты, отче мой, сокрылся

И оставил ты меня.

Сам ты к Небу преселился,

Что ж я буду без тебя?

Кто печаль мою утешит,

Кто покажет к Небу путь,

Кто бессильную поддержит,

Не допустит утонуть.

Ты один моя надежда.

В скорбях я тобой живу.

Ты покров мой и одежда,

К свету Божьему стремлюсь».

И заплачут...

А забирали мы «Сашку» – тогда иеродиакона Серафима – уже в двадцать седьмом году, зимой, в женской одежде. Вечером, вместе с крёстной, положили в сани, забросали сеном. Когда провозили через Святые врата, лошадь заупрячилась, встала. Наверху рабочие снимали икону. Мы с Татьяной взмолились: «Икону-то отдайте!» Прямо сверху в сани со Святых врат упала икона прп. Мефодия Пешношского. И не разбилась, и никто не пострадал, потому что у саней были борта высокие. Мы и её забросали сеном и увезли к себе в деревню Княжево. (Сейчас икона установлена во вратах Борисоглебского монастыря в Дмитрове – Т.А). Привезли мы батюшку в дом крёстной. Там он и прожил до своей смерти, 42 года.

Перед смертью архимандрит Наум (Байборodin + 2017 г.) из Троице-Сергиевой Лавры постриг его в схиму с именем Александр.

А так его имя в монашестве было о. Серафим. Но я его звала просто Батюшкой. И он мне был как отец родной.

Батюшка о себе мало рассказывал. Вот что я запомнила.

Сам он из Казани. С детства всё по монастырям да церквям ходил. И даже два или три раза на Святой Земле был, в Старом Иерусалиме. Один раз в Иерусалим его возил какой-то полковник.

Один раз ехал в Иерусалим (какой раз по счету – не знаю) с каким-то Иоанном. Ехал по морю. Вспоминал, что однажды чуть не опоздал на пароход:

«Сашка и туда посмотрит, и сюда. Всё интересно. А труба на пароходе как заревёт человеческим голосом!». Трубой его на пароход позвали.

Кажется, от этого Иоанна кивот необыкновенный остался.

В этом кивоте чудотворная икона Выдропусской Божией Матери – благословление отцу Ксенофонту.

Фрагмент кивота иконы

В кивоте камни со святых мест Святой земли.

На каждом камне вырезано изображение, соответствующее тому моменту евангельской истории, которое происходило в этом месте. Например, на камне, взятом с места, где крестился Господь – резная икона Крещения.

А что сейчас камни перевернуты, так это так при Батюшке было. Придут с обыском, посмотрят – камни какие-то, и не трогают икону.

Выдропусская икона Божией Матери в кивоте.

Как Батюшка в монастырь попал – не знаю. Припоминаю, что о. Ксенофонт некоторых к своему послушнику за советом отправлял».

Жизнь Батюшки в Княжеве

Жил Батюшка в доме моей сестры, моей крёстной матери, Татьяны. А мой дом, который я выстроила по его молитвам, – напротив.

Жизнь его была тайная, на окнах чёрная бумага и занавески. Батюшка много книг из монастыря привез. У него в келейке два аналая стояло: на одном книги, на другом – «правило».

В доме всё по благословению и с молитвой. Молились вместе с Батюшкой. Да как молились! Со слезами, на коленях! Батюшка день и ночь молился. Выйдет ко мне, глаза вытирает.

Молился он как в монастыре. Утром служба, вечером служба.

Ели два раза в день, иногда один раз. До 11–12 часов дня не ели, только просфору со святой водой. Посты соблюдали строго. Обедать он со всеми садился. Еда была вкусная, если суп постный, то чаще с грибами.

Он меня любил. Зачерпнёт супа, поймает гриб и мне даст.

Народ его «душил». Каждый день кто-нибудь приходил или приезжал из Москвы и из других мест. И из нашей деревни приходили, кому он благословлял. За 41 год его никто не выдал. Это Бог его хранил.

Как о нем люди узнавали? А вот как: я – тебе, ты – ей.

Крёстная скажет:

– Батюшка! К тебе такая-то прийти хочет.

– Бог благословит.

Но не всех принимал. Которых вообще не велел пускать.

А некоторые придут, маловеры, вот, мол, мы посмотрим, кто ты такой. Так он скажет: «А вы ступайте, рабы Божии, в Троице-Сергиеву Лавру, там помолитесь, причаститесь». И больше ничего.

Народ всё «с горЯми». Приходили ночью. Тогда молиться нельзя было, власть запрещала. Мать Серафима дежурила ночью у дома, когда молились с приходящими. Если кто придёт – особенным стуком давала знать, открывать или нет. Уходили на рассвете, некоторые оставались на день-два, вроде как Татьянины знакомые.

Тогда время такое было – всё бесом отравлено. Привозили к Батюшке и больных. Он некоторых исцелял. Помню, привезли больную. Он её мантиею своей накрыл. Молится. А из неё слышны грубые голоса: «Долгополый! На колени поставил. Нас семь. Мы еще повоюем». Он её отмолил.

Одну бесноватую привезли, а она вырвалась и давай по деревне ходить и кричать: «Там какой-то поп и монашка. Я туда не пойду».

Хорошо, к соседям попала, которые не выдали.

Батюшка жаловался, что после исцелений его бесы мучают, спать не дают. Да когда он и спал-то, не знаю.

Однажды я пришла в их дом самовар ставить, никого в это время не было. Я самовар нашла, угольки насыпала. А к Батюшке подойти не могу.

Меня жуть взяла и затрясло всю, как он молился! С Самим Богом разговаривал.

Я иногда крёстной стану говорить: «Крёстная, не принимай ты!». А люди все идут, идут.

Сколько раз приходили арестовывать! Придут, к примеру: «Татьяна, открывай! Сельсовет велел проверить. У вас тут подпольный монастырь». А уж ко мне раньше прибежали ребятишки: «Мама, в сельсовет дядьки пришли,

про тетю Таню спрашивали». Я бегом предупрежу. Батюшка ко мне в дом переодетый в женское придёт. А мы давай книги прятать. И в солому, и в землю. Иконы не снимали – иконы в нашей деревне у всех были. Они всё золото искали. Всю землю перерыли и подпол тоже.

Много обысков было, но всегда как-то заранее Батюшка убегал. Прятался у меня; в болоте сидел сутками. Из-за этого ногами болел. Ноги все распухшие, ходил в валеных сапогах.

Иногда мы его в соседнюю Жуковку под сеном отвезём или переодетого в женскую одежду. Узнаю случайно, что в сельсовет какой-то человек приехал. Это уже ясно, зачем. Сейчас дам знать Татьяне. Вижу, Батюшка уже идёт ко мне в женское переодетый. А я бригадиром была. Вытребую себе телегу, посажу Батюшку. Деревенские спрашивают: «Пелагея! Ты куда Татьяну повезла?»

– «Да в Жуковку, нам дрова обещали».

А иногда он в Москву уезжал. Ездил в гражданском. Волосы и бороду прятал. Жил у простой женщины, Дарьи, в Марьиной Роще. У неё комната была одна, так ему кровать отгораживали занавеской, как телёнку.

Помню, ещё жил в Москве у своей духовной дочери, Натальи, на Петровке, 26. Там полегче ему было. Квартира двухкомнатная.

Не знаю, ходили ли люди к нему в Москве, а в Княжево каждый день, да не по одному.

Батюшка даже в Архангельск ездил, к своему духовному чаду. И оттуда, с Севера, к нему люди приезжали. Они ему унты с Севера привезли.

В последнее время только унты на его больные распухшие ноги можно было надеть.

Ещё помню, что батюшка ещё куда-то уезжал, и надолго – на месяц, два, три.

Татьяна знала, где он, а я и не спрашивала. Я мало про его жизнь знаю, я тогда и не старалась, чтоб что-нибудь знать. Ничего не знаешь – ничего никому не скажешь. Время было такое, всего боялись. Не только «церковникам», а всем было плохо.

По молитвам Батюшки

У меня жизнь была тяжёлая. Сестра не хотела, чтобы я замуж выходила, а я вышла за хорошего человека. Пошла я к ним жить; и свёкор Иван, и свекровь Татьяна больные. А раз я к ним пришла – я раба ихняя. Они меня любили, за много лет мы со свекровью друг другу «дура» не сказали. Свекровь моя заболела, с ума сошла. И все хуже ей, хуже. Уже лежит и никого не узнает. Свекор и я повезли ее в психиатрическую больницу, в Подольск. Привезли в Дмитров, там должны были в специальном вагоне отвезти её в больницу. На вокзале подошёл к нам старичок и говорит: «Куда это вы рабу Божию везёте? Там её не вылечат. Везите домой. Моему сыну там только хуже стало». Мы его послушались. И дома только сообразили, что надо к Батюшке обратиться.

Батюшка у нас целую неделю жил и всё молился. На её голову книгу положит и всё читает. Отмолил мою свекровь, она до 95 лет жила в здравом уме, всех в деревне по имени знала.

Я к Батюшке во всякой болезни, скорби и нужде прибегала. Гора много было. Муж погиб. Я в колхозе 15 лет за «палочки» работала. Однажды с поля убежала в храм на всенощную. Что было! Бригадир мне прогул поставил. И на собрании разбирали. Надо было бригадиру бутылку поставить, а у меня ничего нет. Бедно жили. Я к Батюшке: «Батюшка, вот, в церковь убежала, а теперь горе такое». А он: «Полюшка! (Всегда так звал). Ты уж не бегай в церковь. Поклончик там, где ты есть, положи и помни всегда про Бога». По его молитвам всё утихло, а ведь и посадить могли.

Батюшка в колхозе мне не запрещал работать

Я и скотницей, и зав. фермой была, и председателем колхоза три года оттрубила – не могла отказаться. А то, говорят, езжай в Тверскую область дрова пилить, ты молодая!

Пелагея Платоновна показывает свой архив. Фото 2004 г.

– Да у меня пятеро человек на руках, дети, старики больные.

– Старуха твоя ещё может работать!

А уж ей 80 годов исполнилось.

Бывало по-всякому, иногда и голодали.

Прибегу: «Батюшка! Я воровка! Не простит меня Господь!»

– А что ты своровала?

– Да зерно.

– Как же ты его наворовала?

– Надела большие сапоги, туда напихала, за пазуху, в штаны.

– Да ведь Господь видит, что вы своё берете, заработанное.

Опять прибегаю: «Не простит меня Господь! Ведь я с большевиками и ела, и пила, и песни пела». Ведь время, какое было, перед едой надо перекреститься, так наклонишься, будто ботинок развязался и под столом перекрестишься. Татьяна на это скажет: «Ну и иди к своим большевикам». А Батюшка не так: «Платоновна! Простит тебя Господь, ему твоё покаяние нужно».

Приду к матери, а она у Татьяны жила, а Батюшка: «Ты вот к этой иконе приложишь, да вот к этой. Ещё к Животворящему Кресту». А у них икон было! С потолка до полу, целый иконостас. Пока не приложишься, Батюшка не благословит. Иногда со мной поговорит. Вот и время прошло, мне на поле надо идти. А я мать так и не повидала.

На всё спрашивала благословение.

Мать Серафима (моя сестра и крёстная, Татьяна) и Батюшка друг друга слушались. Она его – как Батюшку, а он её – как хозяйку.

Батюшка спрашивал у крёстной совета:

– Мать (он её всегда так звал), как думаешь, ехать мне в Москву?

– Батюшка, да ты сам лучше все знаешь!

Я иногда прибегу на минутку. А крёстная: «Полюшк! За водой сбегай!

Полюшк! Дров принеси!» А у меня минутка всего.

Я ей спуска не давала, отвечу. Она: «Батюшка, за что ты только Польшку любишь, она хулиганка, колхозница!» А Батюшка: «Кому – Польшка, а кому Пелагея Платоновна».

Когда муж погиб, я к нему, Батюшке, прибежала, плачу.

Он мощами преподобного Аркадия Новоторжского благословил, помолился. И я уже домой как на крыльях лечу.

А сколько я по его молитвам исцелялась!

Сейчас трудно представить, как мы жили, куска ткани не было. На всю деревню один учебник математики. Сын мой скажет: «Мама, ты ругаешься за двойку, а мне учебник математики вчера не достался».

За всем едешь в Москву. Но купить нельзя было, ничего не было. Всё по талонам да по пропускам.

Как-то раз мы со свёкром поехали в Москву свинью продавать и взяли с собой для московской родственницы хлеба коврижку. Я сама пекла. Голодно было.

Пока дед свинью продавал, я пошла по рынку. Смотрю, учебники продает молодая. А у меня трое учеников, все по 10 лет учились, это для деревни редкость. Я знала, что без учёбы не проживешь. Вижу – математика есть! – Дочк! – говорю, а сама соображаю: молодая, есть-то хочет. – Сколько математика стоит?

– Дайте хоть хлебушка буханочку.

– А он правильный, учебник-то?

– Не бойтесь, я учительница.

Я ей буханку хлеба и отдала. Привезла я детям математику. Дети так рады были! И никому не говорили. Но в деревне узнали, что у них есть математика и стал опять по деревне ходить мой учебник математики.

Вот как дети учились-то! Помню, за мануфактурой (тканью) в Москву ездили. В 6 утра очередь занимали, и я последняя, которой досталось.

А за мной еще народу! Это потому что я у Батюшки на поездки благословлялась.

Приду к нему: «Батюшка! Детям одеть нечего».

– Бог исправит.

Вскоре встречаю воинского начальника (а я у него белье стирала), он мне говорит, что можно одежду, которая от призывников осталась, забрать.

И дети мои по его молитвам одеты.

И экзамены мои дети по Батюшкиному благословлению успешно сдавали.

До войны мы немножко зажили. Перед самой войной я зерно в землю закопала.

В муку комбикорм добавляли, поэтому в войну не голодали, как другие.

После войны хотели мы строиться. Старый дом совсем сгнил. Лес мне дали как вдове бесплатно. Мы с ребяташками лес вывезли. Ни с того, ни с сего приходят ко мне плотники.

– Строиться будете?

– Буду.

– Чего же вы лежите?

– А вас жду. Не возьму же я топор в руки!

Я свекрови говорю: «Ма, ставь самовар». А сама к нему, к Батюшке. Прибегаю, стучу, знаю, как стучать. Крестной не было, она в какие-то Пюхтицы уехала.

– Батюшка! Ко мне плотники пришли!

А он:

– К этой иконе приложись, к этой приложись.

Икон-то – вся стена. Но иначе разговаривать не будет. Крестом благословил. Говорит:

– Ну, садись.

– Батюшка! Да мне некогда!

– Тебе всегда некогда, Пелагея Платоновна, посиди хоть со мной-то.

– Батюшка! Там плотники чай пьют! Благословишь строиться?

– Бог благословит («Лови первое слово», – так он мне говорил). А деньги у тебя есть?

– На первое время есть. Но они ведь как – сговорятся на одни деньги, а потом скажут, мол, работы много, ещё давай. Так на это уже у меня нет.

Как сейчас помню, пошевелил он в карманах и дал мне пять рублей.

– Бог благословит!

Я уж так рада была и десять лет всё эти деньги в кармане носила. И деньги у меня водились. Он молился. А плотники мне дом строили. И в месяц выстроили очень хороший дом.

Деревенские удивлялись, что так быстро и хорошо, и говорили, что, мол, Татьяна из церкви на дом денег много дала (в то время крёстная была старостой в церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Очеве). А Татьяна из церкви себе копейку не возьмёт и никому просто так не даст.

Я до сих пор в этом доме живу. А напротив меня даже и дома Батюшкиного не осталось.

Кончина старца

Батюшка был как ребенок. Никогда не ругался, не кричал. Молился со слезами, ослеп от слёз. В последнее время он уже больше сидел или лежал.

Помню, сидит, слепенький, на кровати и спрашивает: «А двенадцати еще нет?» Изнемогал очень, но не ложился до 12 часов, а видно – про себя молился.

За два года до смерти его постриг в схиму о. Наум из Троице-Сергиевой Лавры.

Незадолго до его смерти я его спрашиваю: «Как нам жить, когда ты умрешь?» Ответ был такой: «Блюдите, очень опасно будете ходить».

– Батюшка! Я думаю, что скоро умру.

А он улыбнулся.

– Долго будешь жить.

– Да мне уж и сейчас надоело. Ребятишки требуют, старики требуют.

Получала я за погибшего мужа 6 рублей – по рублю на человека. Такая нищета была.

А он: «Со скорбями, болезнями и горями жить будешь, а жить будешь долго».

Так всё и исполнилось. Вот мне уже 92 года, и я всё живу.

Батюшка говорил, что о нём будут книгу писать. Но я это в ум не могла взять, что это может быть. Ведь Хрущёв обещал последнего попа по телевизору показать. Про политику я у Батюшки ничего не спрашивала.

Когда кто-нибудь придет очень огорчённый, Батюшка иногда скажет:

Жизнь наша сказка,

Гроб – наша коляска,

Ехать не тряско,

А смерть всему развязка.

И так скажет, что все улыбались.

Ещё говорил: «На мою могилку будет народ слетаться, как голуби отовсюду».

Приходящим к нему завещал: «А вы, рабы Божии, как ко мне ходили, ходите к Платоновне (Татьяне, в монашестве Серафиме, в схиме Иоанне – Т. А.). У неё найдете утешение».

Крестная все расстраивалась, что Батюшка умрёт – как хоронить будем? Ведь ни документов, ни справки – ничего нету.

Батюшка на это так отвечал: «Меня хоронить будут и отпоют, а вы будете только смотреть и удивляться».

Ещё дом мой был не достроен, в 1968 году идёт утром рано ко мне крёстная и плачет: «С Батюшкой плохо. Он упал». Я вскакиваю – и туда. Батюшка у кровати лежит.

Я ведь баба колхозная, схватила его и стала поднимать. А ведь он схимник, не даёт дотрагиваться. Потом смирился. Обмыли его, всё чистое надели на полу. Надо его поднимать.

Она, видно, схимница уже была, я- то не знала этого ничего, и она до него не дотрагивается. Позвать никого нельзя. С трудом его на кровать положила. Он – «Ох», и я – «Ох».

Села и плачу: «Неужели, Батюшка, ты умрешь?», а самой бежать надо. Что-то говорит, а речь неясная. Это, видно, удар был.

«Накануне вечером, – крёстная рассказала, – сели мы ужинать. Я ему говорю, что ты не ешь ничего?». А он: «Я съел, сколько мне надо. На тот свет много не едят».

А в 5 часов утра он умер. Мать Серафима говорила, что умирал в памяти, лёжа на кровати перед Животворящим Крестом. Захрипел и умер.

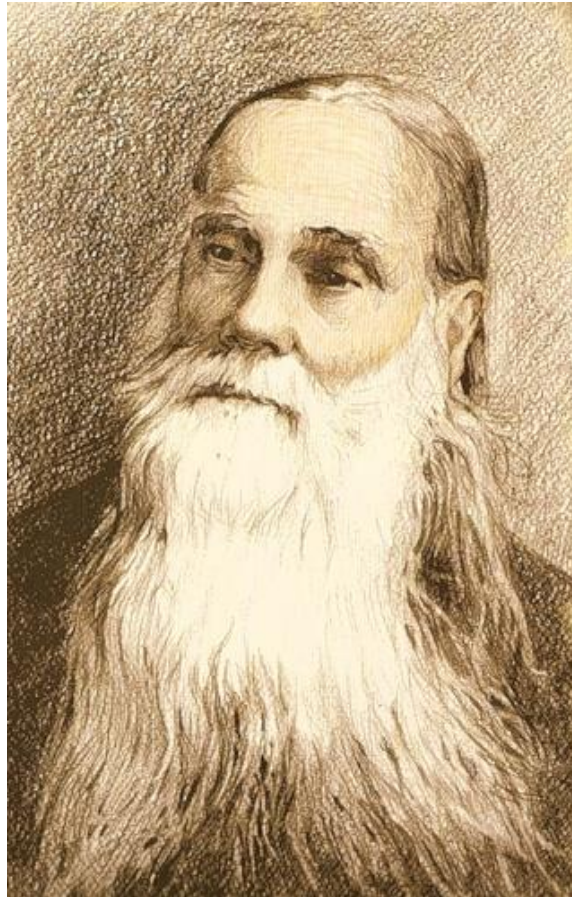
На другой день Татьяна идёт ко мне, горько плачет.

– Батюшка умер. Где хоронить будем? Давай на дворе могилу выроем и похороним.

– Не хорошо, – говорю, – не хорошо. У тебя деньги есть?

– Есть.

Решили мы, что она сходит к знакомому врачу и скажет, что, вот, нищий пришел и умер у ней в доме. Что, мол, мне делать? Она пошла, а через некоторое время, смотрю, едет машина с санитарями, и отвезли его в морг.

Схиеродиакон Александр (Жемков). Рисунок с фотографии из архива П.П. Волковой.

У нас был хороший знакомый в Дмитрове – Михаил Емельяныч*, староста храма Казанской Божьей Матери в Подлипичье. Он пятьдесят лет был староста.

Приезжал к Батюшке даже днём, на велосипеде. У меня, бывало, спросят любопытные: «А кто это к Татьяне на велосипеде приехал?»

Отвечу: «По церковному делу приехал староста из Подлипичья».

Ну вот, к нему, в храм Казанской иконы Божией Матери г.Дмитрова, из морга привезли Батюшку отпевать. Мы и его одежду туда привезли. А священники не соглашались его отпевать, потому что документа нет от сельсовета на его смерть.

*Михаил Емельянович Сычков (впоследствии монах Гавриил)

(https://vk.com/wall153034948_2433)

Я нашла Батюшкин старый паспорт, еще Рогачёвской милицией выдан, когда Батюшка монахом Пешношского монастыря был. Дала сыну, Вовке и велела в сельсовет отнести. В сельсовете Вовке говорят: «Паспорт очень старый». А Вовка отвечает: «Какой у нищего был, такой я и принес». Через родственницу в сельсовете справку нужную получили. Тогда батюшки его отпели. А народу было! Откуда только взялось столько!

**Похороны схиеродиакона Александра (Жемкова) в июне 1968 г.
Казанский храм г. Дмитрова.**

После отпевания привезли на кладбище возле храма Введения в селе Очево. Сын мой и еще один родственник стали гроб опускать. Я смотрю, а земля с двух сторон обсыпалась разом, как бы сомкнулась. Полотенца, на которых гроб опускали, пришлось из земли вытаскивать. Один священник сказал: «Видишь, сам себя закопал». Это было что-то удивительное.

Запаха от гроба никакого не было. Все хотели гроб нести или хоть дотронуться. И на душе – и горе, и как праздник какой.

Поминки Михаил Емельяныч у себя богатые устроил. И я там была, грешная.

Мы с Татьяной, и правда, как гости на поминках были.

Я верила ему и верю больше, чем себе.

Когда у меня сына автобусом задавило, я очень расстраивалась.

Пришла к Батюшке на могилку, всё ему рассказала – и легче, и горе не давит. Сколько раз я обращалась к нему после его смерти за помощью или в горе каком – он помогал.

Дом после смерти Татьяны перешёл к родственнице. Пока дом стоял, я иногда из окна видела, как люди подходили к дому, прикладывались к стенам, как к иконе.

Родственница дом снесла. У меня осталось немного его вещей, я уже раздала много. Людей приезжает много, интересуются отцом Александром. Надо, чтобы память о нём была. Я больше таких людей в жизни не встречала.

Воспоминания Бориса Алексеевича Букина

(род. 6 августа 1929 г.)

От автора

Борис Алексеевич Букин проработал всю свою жизнь шофером. Вместе с женой Ниной вырастил четверых детей. Нина была хорошей женой, но в Бога не верила, говорила: «Да там нет ничего». Умерла рано.

Дети не унаследовали благочестие отца, но заповедь «почитай отца своего» хранят свято, что редкость в наше время.

Борис Алексеевич сердечный, добрый человек, хранящий Божии заповеди и считающий себя страшным грешником – «от и дот», как любил он говорить.

Познакомилась я с ним при интересных обстоятельствах.

Лежала я в больнице, находящейся в Измайловском районе, по поводу последствий травмы головы. Устроила меня туда моя приятельница, врач-невропатолог Светлана.

Я живу на Северо-Востоке столицы, и в Измайлово я бы никогда простым путем не попала, и не познакомилась бы с Ниной, жительницей Измайлова, о которой речь дальше. Нина была моей соседкой по палате.

Каких только историй не услышишь в больницах! И Нина рассказала нам свою историю: как она вышла замуж за хорошего человека, и как он хотел с ней разводиться из-за серьезного физического недостатка.

Гораздо позже, через несколько лет, Борис Букин в разговоре со мной, описал этот случай и сказал, что он не развелся с неверующей женой, да еще и с физическим недостатком, потому что батюшка не благословил развод.

А тогда, в больнице, я без интереса выслушала эту историю, а также ее похвалы мужу.

Муж вместе с сыном ее навещал часто, был очень заботлив, и я даже завидовала этой семье. Потом, через несколько лет, я поняла, что Промыслом Божиим я познакомилась с Борисом Букиным и его женой Ниной задолго до того, как узнала о схииеродиаконе Александре.

«Дело его было – вести души к Богу»

Рассказывает Борис Букин

Какой подвижник был наш отец Серафим! Он скрывался столько лет, и каждый день ждал ареста, а дело своё не оставлял. Дело его было – вести души человеческие к Богу.

Батюшка Серафим (иеродиакон Серафим, позже схииеродиакон Александр – Т.А.) ездил причащаться в Сергиеву Лавру и в Москву.

В Москве он жил по неделе, по две у тети Наташи то ли на Петровке, то ли на Неглинной – у неё двор выходил на две улицы.

Я однажды вёз на машине Батюшку в Москву. «Батюшка! – говорю я. – Какая жизнь твоя – всю жизнь мучаешься, страдаешь за людей, а по улице боишься пройти». А он спокойно отвечал: «Да, да, боюсь. Значит, так надо». Иногда я его сопровождал, когда он ездил в электричке. Так ведь трясёшься от страха, могли забрать в любую минуту. Было заметно, что он тоже боялся, а ехал всё-таки к своим духовным чадам.

Ведь какое время было – вот у нас в деревне одна бабка сказала председателю колхоза, что, мол, мужики на фронте воюют, а ты здесь с бабами. Так ночью подъехала машина к её дому – и пропала бабка! Навсегда.

Я Батюшку знаю с детства. Моя мама ходила в Княжево к Батюшке. Жизнь у нашей семьи была тяжёлая, особенно в войну. Папу убили. Всю войну хлеба не видали, забыли, какой он, хлеб-то. Мы, дети, ходили по домам, куски собирали.

Кто даст просто, а кто всего с ног до головы оглядит. Помню, мама пришла к отцу Александру, упала от горя на пол, схватилась за ножку стола и в голос кричит, плачет. А он её простыми словами утешает: «Да потерпи, да пройдет». Мама и успокоилась.

Взрослый я приезжал к Батюшке в Княжево редко, да и то на одну ночку и день – воскресенье.

Когда я бывал у них, Батюшка обычно просил: «Помоги там». То крышу надо поправить, то забор упал. Я с радостью трудился. Молился я мало, вечером только вместе со всеми. Всегда у них народ был: один – три человека самое малое. Сколько народа к нему ходило – не знаю, но много, больше москвичи.

Что я ему мог принести? Только свои скорби. Приезжал со скорбями, уезжал радостный. В основном у меня были житейские вопросы. Батюшка наставлял: это – можно, а этого не делай.

На венчание с женой Ниной нас благословил Батюшка. Но после свадьбы у меня момент такой был – хотел с женой разойтись из-за её физического недостатка, у нее было недержание мочи. Но Батюшка строго сказал: «Венчались – живите». Да, видно, помолился. Больше у меня мыслей таких не возникало, и прожили мы с ней до её смерти в согласии.

Батюшка на меня епитимью наложил за один грех – каждый день три земных поклона – и умер, не разрешив от неё. И я до сих пор это исполняю.

Помню, давали нам участки, я спросил Батюшку, брать ли мне, он сказал, что это одна обуза. Я не послушался, а сейчас вижу, что это одна обуза и больше ничего.

Из того, что он говорил, я запомнил такую притчу: «У хозяина были раб и рабыня. Хозяин хотел их поженить, но они думали о монашестве. Хозяин настаивал и угрожал. Тогда раб и рабыня убежали. Видят – настигает их погоня: хозяин с двумя слугами. Беглецы спрятались в пещере.

Лев, живший в пещере, задрал хозяина и слуг, а беглецов не тронул». Батюшка говорил: «Господь сохранил их за чистоту. Блюдайте свою чистоту».

Говорил Батюшка и о пришествии антихриста. Будет сильное гонение на немногих праведных. Много народу погибнет вечной гибелью. Когда? Может быть, очень скоро. Но мы не знаем ни дня, ни часа. Наставлял: «Молитесь, молитесь. Книги духовные читайте».

О. Александр жил как в монастыре. Каждый день утром – служба, после службы – трапеза, потом людей принимал, вечером молитва и трапеза.

До двух-трёх часов ночи исполнял монашеское правило. С 10 часов утра опять служба. И так всё время.

Вспоминаю такой случай: молимся мы рядом с ним. Он подошёл к одной женщине, взял её за руку, дёрнул вниз и говорит: «Плохо кланяешься, вот так надо кланяться». А она: «Ой, ой, ой!». Оказывается, у неё на руке был чирей, а когда о. Александр дёрнул за руку, так чирей прорвался и наступило облегчение.

Батюшка за нас молился – это очень много.

Батюшка был великий молитвенник, молился со слезами, на коленях, без слёз у него молитва никогда не была. Я помню, что вечером рядом с ним на молитве всегда было человек 5–6. Рядом с ним и мы узнали, что такое настоящая молитва.

Без него мне только один раз дал Господь почувствовать, что такое настоящая молитва, когда весь человек молится. И то только до середины акафиста, а потом почему-то пошло как всегда – мысли где-то бродят. И на исповедь придёшь – нет покаяния, и говорить не знаешь что.

Один раз Господь мне дал почувствовать, что есть Причастие: я увидел, что мне дают на лжице не частичку под видом хлеба, а кусочек Плоти, но вкус был обычный. Я думаю, что это случилось потому, что я делал всё по привычке, а Господь вразумил.

Когда наставник есть – это большое дело. И у Батюшки был наставник – архимандрит Иоанн. Он приезжал в Княжево, и они с матерью Серафимой к нему ездили куда-то. И поминали его первым. Больше я ничего не знаю об о. Иоанне, спросить у Батюшки о нём мне и в голову не приходило.

После его смерти я ездил к матери Серафиме (Татьяне Платоновне Калининой, в схиме Иоанна), хозяйке дома в Княжеве и его духовной дочери. Это было уже не то.

Батюшку отпевали в Дмитрове, в церкви Казанской Божией Матери, что в Подлипичье. Старостой этого храма был его духовный сын.

Похороны были торжественные, при большом стечении народа и батюшек, что удивительно по тогдашним временам, ведь к 1980 г. Хрущёв обещал коммунизм и полное уничтожение Церкви.

Я и могилу Батюшке рыл на кладбище возле церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. И был свидетелем удивительного случая: когда опустили гроб, то земля враз осыпалась, как будто сомкнулась.

Люди не успели верёвки из-под гроба вынуть. Земля закрыла яму примерно наполовину, при этом никто из стоявших на краю могилы не упал.

До сих пор не могу объяснить этого явления. Я бываю у него на могилке, но не часто. И всегда чувствую облегчение и помощь.

На стене у меня висит его фотография, и я на каждый день прошу его благословения, как раньше. Поминаю в записках, конечно, и его, и мать Иоанну. Раньше я её поминал как мать Серафиму. Но она приснилась мне и во сне строго сказала, что поминать её нужно как схимонахиню Иоанну.

Нет таких больше людей, как о. Александр и мать Иоанна.

Встреча с паломницей

«Счастлив тот человек, который знал отца Александра»

От автора

После службы в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Очеве я задержалась на могиле схиеродиакона Александра и пришла на остановку автобуса, когда все, приезжавшие на службу, уже уехали. Единственная моя попутчица, пожилая женщина, спросила:

– Вы были на могиле о. Александра?

– Да, – отвечала я. – А вы его знали?

– Я была его послушницей, – сказала она и назвалась Еленой.

Я ей показала фотографию о. Александра. Лицо ее преобразилось, посветлело, она стала целовать фотографию.

«Счастлив тот человек, который знал о. Александра», – сказала женщина. Но рассказать о нем она отказалась, сославшись на то, что о. Александр запрещал рассказывать кому-нибудь о нём.

Так и уехала я без рассказа о схиеродиаконе Александре, но вспоминаю, как просветлело лицо паломницы. И это тоже свидетельство о нём.

Продолжение встречи с паломницей

Однажды на могиле схиеродиакона Александра я спросила уходящую посетительницу, знала ли она о. Александра.

Она ответила, что только со слов её знакомой, певчей такой-то церкви г. Дмитрова, которая бывала у него при жизни часто. Зовут её Елена.

Сама посетительница исцелилась от рака желудка после молитв на могиле о. Александра.

В поисках певчей Елены я посетила названную церковь, но служащие мне сказали, что Елена больше не поёт, так как воспитывает маленькую девочку, дочь племянницы.

В день праздника иконы Божией Матери Живоносный Источник мне удалось встретиться с Еленой. Это оказалась та самая паломница, которую я встретила ранее на остановке. Сейчас она возила в колясочке маленькую девочку.

Елена мне рассказала, что ездила к Батюшке 20 лет. На мой вопрос, что её заставляло это делать, она сказала: «Я слышала от него Слово Божие».

Ещё рассказала такой случай: Батюшка как-то спросил, сколько ей лет; после ответа он прижал её голову к своей груди и так заплакал, что слёзы омочили её лицо. Елена считает, что Батюшка предвидел её скорбную жизнь.

Елена ухаживала за парализованной матерью 17 лет, жизнь её была тяжелая, и вот, на старости лет пришлось взять на воспитание девочку – дальнюю родственницу, брошенную родителями. Но она ни в чём не нуждается, подходят даже незнакомые люди и дают ей и деньги, и всё потребное для жизни. Елена удивляется, как Царь Неба и Земли заботится о ней, такой ничтожной. Думает, что это по молитвам о. Александра. Больше она ничего не стала рассказывать, снова сославшись на то, что отец Александр ей этого не заповедовал.

Встреча с Ириной, родственницей Пелагеи Платоновны Калининой

В длительном процессе написания книги мне довелось, милостью Божией, познакомиться со многими неординарными людьми, один из которых, Андрей Жемков, является, вероятно, дальним родственником схиеродиакона Александра (Жемкова).

Андрей проделал большую работу по выяснению корней своего рода и установил, что Казань была одним из мест, где массово проживали Жемковы в начале XX века.

О том, что схиеродиакон Александр был родом из Казани, свидетельствовали некоторые его духовные дети.

Андрей Жемков нашёл документ – «метрическую книгу», в которой содержится запись о крещении 11 июля 1879 года Александра, родившегося 8 июля того же года.

"Отец – Илья Васильев Жемков", мать – "законная его жена Екатерина Степанова, оба православного вероисповедания".

Эти сведения, совпадающие со свидетельствами духовных детей, просто драгоценны, а то, что они сохранились и были найдены, вызывает удивление. Да и просто посмотреть на «метрическую книгу» интересно.

Дальний родственник Пелагеи Платоновны Калининой привёз на нашу встречу с Андреем свою родственницу Ирину, тоже из рода Калининых, как отрекомендовала она себя. Ирина поведала, что в детстве бывала в доме, где жил о. Александр, и не может забыть «запах этого дома».

Также Ирина помнит, что в доме были две двери. Одна – с улицы, а вторая вела на задворки и всегда была открыта.

Татьяна Платоновна Калинина, в монашестве Серафима, в схиме Иоанна с неизвестной возле дома в деревне Княжево

Она думает, что так было сделано, чтобы о.Александр при появлении непрошенных гостей мог быстро скрыться.

Ещё Ирина рассказала, что у её мамы около 35 лет хранилась святая вода из этого дома.

Во время тяжёлой болезни она исцелилась, выпив этой воды и попросив заступничества у схиеродиакона Александра.

К сожалению, наше общение было непродолжительным, но даже малые сведения добавляют интересные штрихи к портрету праведника.

Воспоминания Таисии Степановны Бугаевой

(17 окт. 1918 г. – декабрь 2005 г.)

От автора

Я узнала, что в деревне Княжево в доме номер семь живёт бабка Таисия, у которой хранится какая-то книга из Николо-Пешношского монастыря.

В поисках бабки Таисии я подошла к обычному деревенскому дому, разделённому на две половины, разительно отличающиеся одна от другой. Правая – покрашена, с палисадником, заборчиком, скамьёй и кустами сирени, а левая – какая-то серая, ни кустика, ни заборчика. Казалось, что она вросла в землю. Там я и нашла Таисию Степановну Бугаеву.

Постоянно с ней жила только верная кошка Муха, имеющая ухоженный и сытый вид из-за пушистой шкурки, а когда возьмёшь на руки – чувствуешь одни косточки. И немудрено: хозяйка часто больна, ей не до кошки бывает, да и с едой – не густо.

Еду Таисии Степановне носил социальный работник – спасибо ей, но принесённая еда никак не соотнобразуется с постами, и это для верующего человека ещё одна скорбь. Молоко она раньше брала на ферме, а теперь ходить тяжело – 87 лет! «Только и живу Пресвятой Богородицей», – сказала мне старушка. Бабка Таисия любила ходить в церковь, но и это стало недоступно из-за болезни и старости.

Теперь она молится дома. На видном месте лежит какая-то особенно спасительная молитва, данная одной доброй душой.

Таисия Степановна показала мне письма своего отца, Степана, из лагеря и его карандашный портрет, нарисованный в лагере заключёнными.

Портрет Степана Бугаева, переданный из Мариинского концлагеря

На тетрадном листке в клеточку изображено светлое, умное, умиротворённое лицо. Мне кажется, видно, что рисовала любящая рука.

Родственники у Таисии есть, и близкие, и дальние. «Дальние» живут рядом, за стенкой, но не обращают на старушку внимания, потому что она «не отписала им дом», и потихоньку отбирают землю. «Подумаешь! – смеётся бабка, – мне за глаза хватит! Надо-то всего – полтора метра на два!».

Таисия Степановна возле своего дома в деревне Княжево.

А близкие родственники живут не близко.

«Монастырская книга» оказалась Синодиком Николо-Пешношского монастыря. Иеромонах Иероним (Суханов), в схиме Иоанн, восстановил сгоревший синодик и продолжал его вести всё время до самой смерти.

Получилась неполная, но летопись. После него другие братья вели синодик до самого закрытия монастыря, но качество записей было уже не то...

«Синодик содержал не только имена братий и их сродников, упокоившихся в монастыре, но и чин погребения, рассказы из патериков и неписаной истории монастыря.

Как уже упоминалось, в Синодике есть жизнеописание самого «синодичного» - иеромонаха Иеронима (в схиме Иоанна), и даже записанное им предсказание собственной смерти.

Рукопись снабжена рисунками, выполненными иеромонахом Иеронимом. Я стала выпрашивать эту бесценную книгу. Бабка Таисия, конечно, не хотела отдавать. Подействовал аргумент, что за братию монастыря нужно молиться. Тут Таисия Семёновна сдалась: «Ты что, – сказала она, – я за своих-то не молюсь как следует!».

Я тоже впоследствии, каюсь, не молилась «как следует», но зато отдала Синодик игумену открывшегося позже Николо-Пешношского монастыря. Теперь и я, и ныне покойная раба Божия Таисия, спокойны – за братию молятся.

Вернёмся к судьбе Таисии Степановны Бугаевой.

В ноябре 2005 года сестра было забрала её к себе, но скоро отправила обратно. Человек, вёзший ее домой на автомобиле, возле дома избил старуху. Повалил и бил ногами. Забрал деньги. Таисия приползла в дом и обнаружила, что дом ограблен. Забрали иконы, больше взять было нечего.

Она провела ночь в холодном доме, потому что от слабости не могла растопить печь. Утром пришли навещавшие её верующие женщины, и если бы не они, то старушка, наверное, не пережила бы следующую ночь.

Всё это, плача, рассказывала мне Таисия 4 декабря, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы – престольного праздника храма в селе Очево, в который она ходила всю свою жизнь.

Утешила её бабочка, которая откуда-то вылезла и порхала по дому.

Рассказ Таисии Степановны подтвердили навестившие её при мне прихожанки храма.

Таисия Степановна со своими наградами. Фото 2005 г.

Забота женщин продлила ей жизнь, но ненадолго...

В красном углу у Таисии висела чудесная икона Владимирской Божией Матери. Эту икону воры не заметили, потому что она висела тогда в сенцах.

История иконы такова. Однажды, зайдя в «сарайку», Таисия Степановна увидела Божию Матерь. Она сидела, смиренно склонившись. Старушка показала, как это было.

Увидев Божию Матерь, Таисия вспомнила, что в «сарайке», «среди всякого сброда», как она выразилась, хранится икона Божией Матери. С сердечным сокрушением Таисия Степановна достала икону и водрузила на приличное место.

На вопрос, как она узнала в Посетительнице Божию Матерь, старушка сказала, что Она такая же, как на иконе. На иконе лик Божией Матери был преисполнен тихой любви.

Я подарила старушке Новодворский образ Божией Матери, случайно оказавшийся в моей сумке. Ей очень понравилась эта скромная икона софринского исполнения, и я еле отговорила Таисию Степановну не отдавать её в церковь.

Таисия намеревалась через меня передать деньги в храм, выгребая их из кошелька, где хранятся все её сбережения – всё, что осталось от пенсии. Видимо, сердце этого старого ребёнка пребывало в Церкви.

Таисия Степановна умерла в декабре 2005 г. Точной даты я не знаю – примерно через две недели после нашей встречи. Может быть, напрасно я отказалась передать её деньги в храм...

Дорогой читатель! Помолись о упокоении рабы Божией Таисии «в месте злачне, в месте покойне, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание».

«Вот какой чудотворец у нас в деревне жил!»

Рассказывает Таисия Степановна Бугаева

Я родилась в деревне Княжево. Семья была по тем временам небольшая: мать Ксения, отец Степан, сестра, брат и я. Помню, что мы вместе молились. А потом молиться стало нельзя. Но, помню, отец нам, детям, говорил: «А Бог всё-таки есть!»

Мать у нас была богомольная, а отец Степан Иванович – божественный человек. Он поумнее был, что ли, чем все. Поссорятся в деревне или делить что надо – к нему: «Степан, рассуди». И за помощью тоже к нему – безотказный был, всем помогал. Он старостой в деревне много лет был. Завидовал тут ему один. И написал донос советской власти.

Арестовали папу и увезли в Мариинские лагеря 10 октября 1937 г.

Почему так хорошо дату помню, потому что в каждом письме отец писал дату ареста и место, где он сидел – г. Мончегорск. Писал только, что помнит и любит нас, ничего другого писать, видно, нельзя было. А как умер 21 апреля 1939 года – оттуда письмо пришло, что похоронили его как следует. Мы так поняли, что крест поставили. И портрет отца прислали, очень похожий. Видно, и там его уважали.

Уже после смерти отца я в Палехской мастерской работала, а брат на заводе в Подольске. Брат стал потихоньку с ума сходить. Оттуда написали – заберите.

Забрали его. Он сначала странный был, а потом совсем ничего делать не мог. Сидит, качается, что-то говорит непонятное, спать перестал. Какое горе! Мы знали, что у нас в деревне тайно старец живёт. Мама меня, когда я ещё девчонкой была, посылала к Татьяне отнести молочка, сметанки – мы скотину держали. Я принесу, отдам, а старца ни разу не видела – он скрывался.

А тут упросили Татьяну, она сказала старцу, и он разрешил привести к нему брата. А брат – ни в какую! Мы его тащить – вырвется, убежит. Мама его со слезами, стоя на коленях, умоляла – и однажды умолила его. Привели его к о. Александру, он над ним молитвы читал. Много раз водили. И брату лучше, лучше. Нормальный совсем стал, на работу пошёл. Даже потом женился.

Я была на похоронах отца Александра, и сама видела, как над его гробом земля сомкнулась.

Мне уже за восемьдесят. Как у меня болезнь какая, я и лекарствами лечусь, и песочком от могилы о. Александра. Вот он у меня всегда под подушкой. Помолюсь старцу: «Помоги!» Выпью песочек с водой – и полегчает. Вот какой чудотворец в нашей деревне жил!

Воспоминания Валентины Алексеевны Букиной

(11 января 1932 г – 6 февраля 2014 г.)

От автора

О существовании близкой духовной дочери схиеродиакона Александра я узнала от Пелагеи Платоновны Калининой. Договорившись по телефону, я приехала из Москвы в Клин на ул. Молодёжная, 17, где жила Валентина Алексеевна Букина. Стоял солнечный день лета 2004 года.

Калитка была закрыта только на крючок; на мой стук в дверь одноэтажного домика никто не отозвался. Я расположилась на низкой поленице на заднем дворе и решила позавтракать. Тут меня накрыла чья-то тень, и грозный голос спросил, что я тут делаю. Я попыталась кратко объяснить цель приезда, но незнакомка не слушала и настойчиво требовала убраться подобру-поздорову. Слава Богу, до меня дошло, что это сестра Валентины Алексеевны, а до неё дошло, что без Валентины я никуда не уйду.

А также, что, если дойдет до рукопашной, то неизвестно, чем кончится, т.к. весовые категории у нас очень разные. Внезапно она сменила гнев на милость и даже принесла мне чашку горячего чая. Не успела я допить чай, как меня опять накрыла чья-то тень и тоже грозно спросила, что я тут делаю.

Я сразу поняла, что этот «объект» ещё более хрупок, и твёрдо решила дождаться Валентины, о чём и оъявила незнакомке. А это и была Валентина Алексеевна! Из долгих объяснений я поняла, что она глуховата и не всё поняла из телефонного разговора. Недоразумение закончилось вкусным обедом.

Я не раз приезжала к Валентине. Она много рассказывала о своём духовном отце, а я записывала на диктофон, чтобы ничего не забыть.

При прослушивании записей я обнаружила, что все наши беседы сопровождал один и тот же звук – скольжения ложки по тарелке.

Валентина Алексеевна свято придерживается традиций русского гостеприимства и кормила меня «на убой», да самым вкусным, с огорода.

К сожалению, на моих фотографиях Валентина Алексеевна выглядит хмуро, а в жизни её лицо часто освещает детская улыбка. Это на редкость добрый человек, а её гостеприимство – поистине Авраамово! Я потом несколько раз приезжала к ней – ехала, как к близкой родне. Уезжала я всегда (говорю к своему стыду) с банками и кульками.

А Валентина – одинокая пенсионерка, и пенсия у неё по тем временам была полторы тысячи рублей! В ответ на мои возражения, что я еду не в голодный край, а в сытую Москву, она предлагала взять ещё чего-нибудь.

Я благодарю Бога, что Он мне показал настоящих русских людей. И думаю, что на них есть отсвет личности их духовного отца, который был совершенным христианином.

Валентина Алексеевна Букина возле своего дома в г. Клин.

Валентина Алексеевна умерла в день святой блаженной Ксении Петербургской, 6 февраля 2014 г. Незадолго до смерти её сбила машина. Валентина немного помучилась и упокоилась навсегда в день престольного праздника храма в честь св. блж. Ксении Петербургской в Клину, коего она была усердной прихожанкой.

«Он был старец – вот как в книжках пишут!»

Рассказывает Валентина Алексеевна Букина

Жизнь до революции, по рассказам моей мамы, была в деревне не похожа на теперешнюю жизнь. Бывало, идёшь в город пешком, но, если едет на телеге человек – обязательно подвезёт до куда может, а там, глядишь, и другой подвезёт, хоть и незнакомые вовсе. Пьянства не было, праздники были церковные. После обедни ходили друг к другу в гости, любили петь.

Мама ходила в Николо-Пешношский монастырь и за советом обращалась к архимандриту Ксенофонту – он был настоятелем монастыря. Из нашей деревни Крупенино, под Клином, многие ходили в монастырь, ходили целыми семьями: семья маминой сестры, соседи, – а это сорок километров пешком.

У батюшки Ксенофонта был послушник (келейник – Т.А.) Сашка, который после смерти о.Ксенофонта (в схиме Онуфрия) стал нашим духовным отцом.

Много позже Батюшка мне рассказывал, что он, когда был послушником, не любил женщин, «прямо ненавидел», старался даже на них не смотреть.

Перед смертью схиархимандрит Онуфрий велел распахнуть настежь двери своей кельи и сказал своему келейнику: «Как я всех принимал, так и ты будешь всех принимать – и мужчин, и женщин. Никому не отказывай».

Пришлось Батюшке это послушание нести до смерти.

О разорении монастыря я ничего толком не знаю. Помню только, что, когда Батюшка узнал про своего знакомого монаха, что тот женился, то плакал навзрыд, целый час не мог успокоиться.

За советом и благословением к нему обращались мои братья и сёстры. А нас у мамы было восемь детей. Знаю, что и двоюродные сёстры тоже ходили к Батюшке. Не все сохранили веру в нашей семье. И те, кто обращались к Батюшке, не всегда его слушались.

Моя сестра не послушалась о. Александра, вышла замуж без его благословения – и осталась одна с двумя детьми. А те, что отступили от веры, и вовсе – кто пьёт, у кого с головой не всё в порядке, а кого и в живых уже нет. Жизнь была такая трудная! То, что мы выжили всё – это благодаря Батюшкиным молитвам.

Папа погиб в начале войны под Смоленском. Маме о. Александр благословил работать не в колхозе, а в лесничестве.

Денег всё равно не платили ни там, ни здесь, но в лесничестве разрешали траву косить для коровы. Мама молочное продавала, а на эти деньги покупала продукты, так мы и кормились. Батюшка ей «на развод» (чтобы деньги водились) дал рубль. И не то, что мы хорошо зажили, но хоть выжили все.

Наша мама вставала в шесть часов и со старшими детьми шла в лесничество – ёлочки сажать. А потом по дому и за скотиной ходила.

Спала часа четыре, и то сидя у печки, а на печке дети спали. Но она молитву не оставляла и нас приучила.

Я утренние и вечерние молитвы с детства знаю наизусть. А один из братьев такой молящийся! Акафисты со слезами читает.

При Батюшке и мы молились со слезами, глядя на него. Теперь же слезу из меня палкой не выколотишь.

Из детства помню такой случай. Лет мне было двенадцать, самое большое четырнадцать. Говорит мне Батюшка: «Валентина, хочешь, я помолюсь, и ты через три дня умрешь?» Я промолчала – неохота мне было умирать. Хоть бы с матерью посоветовалась! Ведь я бы тогда в Небесное Царствие могла войти, а теперь – где я буду? Одни грехи.

Домик в Княжеве

Батюшка жил в Княжеве в маленькой избе в три окошка. Хозяйкой избы была Татьяна Платоновна Калинина, потом она стала монахиней Серафимой, а умерла схимонахиней Иоанной. Изба была маленькая, с русской печкой.

Окошки всегда были занавешены и даже заклеены черной бумагой, чтобы не подсматривали: были такие, что подсматривали и подслушивали.

Тогда были гонения на всех верующих. Татьяна была старостой в церкви – человек для советской власти враждебный.

Батюшка жил в каморочке – малюсенькой комнатке. Там у него была постель, стояли два аналоя с церковными книгами.

Все стены были завешены иконами, и в углу на полочке стояла большая икона Казанской Божией Матери, из-под неё до полу свисала белая занавеска с крестом. Эта икона однажды спасла Батюшку от ареста. Дело было так. Неожиданно пришли из сельсовета проверять – кто у Татьяны живёт. Ведь время было какое – гонение на Православную веру.

Батюшка всегда заранее знал, что придут, а тут чуть не застали.

Батюшка залез, скрючившись, под икону, и занавеска его закрыла. И не нашли! В такой маленькой комнатке! Спасла Царица Небесная.

И сколько раз приходили.

Помню, Батюшка Татьяне выговаривал: «Что ты так долго с ними (приходящими) разговариваешь, ведь я кашлянуть боюсь».

Ещё в каморочке был большой Крест Животворящий. Это всё святыни из Николо-Пешношского монастыря.

К Батюшке приходили духовные дети и те, которых он благословлял привести – на рассвете, чтобы никто не видел. Попасть к нему трудно было – столько препятствий!

Если придёшь днём, то сидишь в лесочке дотемна. Вдвоём никогда не приходили. Если приехали вдвоём, то сначала одна заходит, а потом, минут через двадцать, другая. Мы так поступали, потому что сколько раз милиция приходила к Татьяне в дом по доносам.

Батюшка часто прятался за домом в болотине, сидел часами в воде.

Из-за этого у него распухали и болели всю жизнь ноги, и он ходил всегда в валенках огромного размера.

Придёшь к Батюшке – он всегда чистенький, ни пятнышка на подряснике, всегда подпоясан ремнём и он, и Татьяна. Летом подрясник белый, а зимой черный.

Встречает с улыбкой, с лаской. Любил меня незнамо как, но часто приезжать не благословлял, говорил: «Ты у меня не одна». И вообще любил своих духовных чад. Приехал, помню, брат Борис, Татьяна Батюшке кричит: «Вот, твой любимый Борис приехал».

Помню, приходишь в избу, сначала к иконам приложишься со слезами и ко Кресту. Ведь приезжали все больше с горями. Потом подойдешь к Батюшке под благословение. Иногда спросит: «Как поживаете, как спасаетесь?» Татьяна всегда покормит.

С утра служба: утренняя, обедница. После службы – святая вода с просвиркой. А потом идёшь в каморочку и говоришь с Батюшкой. Спросишь чего надо и расскажешь про свою жизнь и про грехи. Батюшка и пожалеет, и строго скажет иногда.

Больше всего не любил непослушания. Он был как старец, вот как в книжках пишут! Исповедоваться посылал к священнику, а причащаться иногда в церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы (в Очево), а иногда – в Троице-Сергиеву Лавру.

Однажды после разговора в каморочке Батюшка сказал: «Завтра будешь причащаться» (в соседнем храме – Введения Пресвятой Богородицы во Храм, в Очево). Я сказала, что молоко ела, но он настоял. Я, конечно, послушалась. Почему он так благословил – не знаю. А вообще-то перед Причастием всегда соблюдали пост и читали правило, как положено. Однажды я в гостях телевизор смотрела, тогда они только появились, интересно было.

Рассказала Батюшке, он велел на исповеди священнику сказать. Я так и сделала, а священник раскричался: «Ты что, не наша, не советская?» Я и об этом сказала Батюшке, а он на это: «Как посмотришь телевизор – пятьдесят поклонов положи». Я и отстала – неохота поклоны класть.

После службы – трапеза. В передней стоял большой стол, и все вместе садились. У Батюшки по двенадцать – пятнадцать человек всегда было. Потом уже, когда старенький стал, – меньше: не мог много принимать.

Духовных чад у Батюшки много было. Я помню человек сто двадцать. Из Москвы, Дмитрова, из Клина, Рогачёво, Вербилок, Татьянины певчие.

Отец Александр и в Княжеве духовных чад принимал, и к ним ездил, ездил даже куда-то далеко, кажется, в Архангельск.

Батюшка любил своих чад, молился за них со слезами. При мне говорил об одном своём духовном сыне, Анатолии: «Вот какой у меня духовный сын!» Анатолий, и правда, был замечательный человек и внешне красивый, он не боялся к Батюшке приезжать в офицерской форме.

Помню, москвичи приедут и всё спрашивают, спрашивают, а я стеснялась много спросить, о чем сейчас очень жалею. И хотела бы спросить, да не у кого.

Батюшка всех принимал, кто к нему просился. Конечно, старались привезти верных людей и заранее просили благословения. Просились к нему часто больные душевно и телесно.

Когда я у него домовничала, он мне говорил, что всю ночь бесы ему спать не давали. Больная ещё едет, а он уже страдает.

А родственник одной такой больной рассказывал, что, когда она собралась к о. Александру, то голос внутри у неё говорил: «Езжай куда хочешь, а к Александру не пущу».

Иногда Батюшка, когда было мало народу и все свои (чада), накроет двоих, троих или даже меня одну своей мантией и молитвы над нами читает, а потом дует в лоб, в спину. И так легко становится, тела не чувствуешь, и все скорби отступают. Да в домике у Батюшки и так все житейское отступало! Там было всё как в монастыре. И еда такая вкусная была!

На первой трапезе, если не пост, суп с рыбой. Рыба свежая, иногда стерлядь, духовные дети чего только не натащат – Волга близко. И чай из самоварчика – такой вкусный, я потом нигде такого чая не пила.

Если пост, то Татьяна щи наварит необыкновенные, с жареной капустой, или суп с грибами. За трапезой все ели молча, кто-нибудь читал жития святых. Я обыкновенно подавала на трапезе.

Вот, однажды, я всё подаю, подаю – и всё съели, а мне ничего не осталось. Татьяна не позаботилась обо мне, она меня немного недолюбливала, ревновала меня к Батюшке. Я расстроилась, а Батюшка тихонько мне показывает на свою тарелку – он мне ложку своей еды оставил. Я съела – и была сыта по горло.

После трапезы, если праздник, то пели что-нибудь церковное. Про Второе пришествие Христа, как будет Крест сиять по всей Вселенной. Или про инока, как он шёл по дорожке во слезах. Навстречу ему старец: «Что, ты, инок, плачешь?» А он: «Я ключ в воду уронил». А старец ключ молитвой достал. Пение такое умирительное, состояние – как на молитве...

Если не праздник, то все шли работать: кто в огород, кто по дому, кто коз пасти. На всё благословение брали: «Батюшка, благословите воды принести».

Однажды я носила воду из колодца. Колодец у них в деревне был очень глубокий, и воды не видно даже. Вода в колодце очень вкусная. Принесла я ведра два, а больше Батюшка не благословил. Расход воды большой – сколько народу! Я пошла без благословения на колодец. Оступилась и чуть не утонула.

Пришла ни жива, ни мертва, а Батюшка строго сказал: «Если бы ты утонула, ведь всю деревню без воды оставила, кто после тебя пить бы стал?»

Помню, что однажды у меня болел зуб, и я даже есть не могла. Села я на ступеньках и сижу, плачу. Батюшка подошёл, перекрестил – и зуб мой прошёл!

Работала я на огороде как-то, полола лук, ну и выдёргивала лук нечаянно вместе с травой. Татьяна заметила, накинулась на меня: «И вот лук, и вот лук, да ты весь лук повыдергала!» Я разобиделась. Были бы деньги на автобус, ушла бы сразу. А мой духовный отец почувствовал мою обиду, вышел из каморочки и приобнял меня за плечи. И всё как рукой сняло.

Вечером опять служба, иногда с акафистом. Молился Батюшка всегда со слезами, и мы за ним плачем, нам Батюшку жалко. Каждое его слово, кажется, до Бога доходило, и я каждое слово переживала.

Я помню такой случай: Батюшка стоит на коленях, акафист читает своему монашескому ангелу – преподобному Серафиму Саровскому. Он каждый день ему акафист читал. Я сзади стою на коленках, а сама о другом думаю. Батюшка говорит: «Валентина, ты будешь молиться или нет?» Вот какой у нас отец духовный был! Не только прозревал, но и парение мыслей пресекал, я сразу молиться как следует начала.

Если кто из духовных чад умер, он обязательно панихиду отслужит и в девятый, и в сороковой день.

После службы опять трапеза, вечерняя молитва и – спать. Спали в коридоре, на полу, кто-то уходил к Полине (Пелагее Платоновне) – сестре Татьяны, она жила в доме напротив.

Так хорошо спалось, а Батюшка не спал, молился. После двенадцати часов есть и пить не разрешал.

Я один раз осталась домовничать, Татьяна куда-то уехала.

Захотелось мне поесть после двенадцати, я пошла на кухню, а Батюшка в дверь своей каморочки грохает (стучит – Т.А.), пришлось мне прекращать есть. А ведь из каморочки не видно, что на кухне делается, и дверь была закрыта.

Однажды вечером, когда я домовничала, готовила ужин, неожиданно приехал духовный сын Батюшки, Анатолий, в военной форме. Видно, что-то случилось у него. И они стали с Батюшкой разговаривать, разговаривали долго, время за полночь. Так они есть и не стали, ужин так и пропал.

Я приезжала самое большое недели на две. Пора уезжать.

– Батюшка, благословите домой ехать, но, боюсь, просплю.

– Бог благословит. Я тебя разбужу.

А сам не спит, молится. Разбудит тихонько в четыре часа, даст гостинцев, скажет, по дороге к этим зайди и к тем.

Зайдешь по дороге к Батюшкиным чадам, встретят с любовью, чаем напоят, на автобус проводят. Рады гостинцам от духовного отца. Всегда говорил зайти в один дом в Рогачёво, – сын хозяйки, Анатолий, был офицер, но верующий человек. Дом был богатый, пчёл держали. Всегда мёд на столе. Люди все добродетельные, с улыбкой, с любовью, не как сейчас, какие-то все озлобленные.

В войну и позже автобусы не ходили. Идешь, бывало, к Батюшке пешком, сумки наперевес, тащишь хлеб, молочное – что было в доме. Помню, я принесла карамелек, а другая – конфеты шоколадные. Батюшка мне наедине сказал, вот, карамельки твои какие вкусные, а дорогие конфеты в горло не лезут, потому что купившая их пожалела потраченных денег.

Домой от него всегда радостная летишь.

А однажды я за его молитвы по воздуху шла.

Шла я домой в Клин пешком ночью по лесу, смотрю – а ноги до земли на метр не достают. Дошла так быстро, часа за два, а это сорок километров!

Нас Батюшка всегда в церковь гнал, а сам, бедный, на улицу днём не мог выйти, на пятнадцать минут выходил вечером во двор подышать. Жил все сорок лет под угрозой тюрьмы. Но по делам куда-то ездил; ездил и в Троице-Сергиеву Лавру и в Москву причащаться. Приезжал и к нам в Клин. Это было после войны.

Батюшка был замечательным переплётчиком.

И вот у нас в Клину, в церкви во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» Батюшка переплетал Евангелие и богослужебные книги.

Ведь купить церковные книги тогда невозможно было. Он жил в сторожке целый месяц. И ещё раз приезжал.

Батюшка благословлял ездить в монастыри, которых тогда было очень мало. Татьяна ездила в Пюхтицы, меня он благословлял поехать в Почаев.

Но в монастырь он поступать никого, насколько я знаю, не благословлял, говорил, что монастырей нет, и не будет.

Когда Татьяна уехала в Пюхтицы, я осталась домовничать. Батюшка мне говорил, что он рад, потому что я буду готовить то, что он скажет, а Татьяна ему сливочное масло «навяливает»: «Вот ты ешь, вот ты ешь!»

«А я, – говорит, – не хочу. Но послушание надо нести».

Они друг друга слушались. А масло она ему навяливала потому, что боялась, что он ослабеет и умрёт. Ей не хотелось без него оставаться, да и как хоронить, отпевать? Паспорта нет.

Жил он тайно. В те годы всё это грозило тюрьмой или чем похуже.

Батюшка при мне говорил, что ей хоронить его не придётся.

«Без тебя всё сделают, ты будешь только смотреть. И поминки будут богатые», – вот его слова, сказанные Татьяне.

За три года до смерти Батюшка ослеп от слёз, стал слабый. В коридорчике часто ронял самовар (он стоял там на пути). Татьяна ворчала, что пол сгниёт от сырости.

Помню, Батюшка сидит на кровати, всё молится, но, видно, тяжело ему, потому что он спрашивает время от времени, нет ли ещё двенадцати часов. Раньше двенадцати он спать не ложился, какой бы он больной ни был. Перед смертью он Татьяне сказал: «Мне скоро умирать. Я очень устал». А мне сказал: – Когда я умру, ходи к Татьяне.

– Не буду к ней ходить, она меня недолюбливает.

– Нет, ходи! Как ко мне ходила, так и к ней ходи. Она будет такая же, как и я.

И правда, после его смерти я к Татьяне (матери Серафиме, а потом схимонахине Иоанне) за советом и со всякой бедой приходила. И как же она меня полюбила! И прозорливости он как-то её научил, что ли.

Меня не было при смерти моего духовного отца. На отпевании и погребении я была.

Отпевали его в Дмитрове, в церкви Казанской Божией Матери, что в Подлипичье. Поминки были богатые, это всё устроил духовный сын Батюшки, Михаил Емельяныч. Он был старостой этой церкви.

Когда хоронили Батюшку, запаха смертного не было. Помню, народу было много, и мы не плакали.

Была у Батюшки одна духовная дочь из Клина, Антонина Алексеевна. Она дожила до 101 года и большую часть жизни – в трудах для Церкви, она обшивала священство. Умерла не так давно.

Так вот, она незадолго перед своей смертью видела во сне нашего духовного отца в блистающих священнических одеждах в раю молящимся на коленях за духовных детей.

Сейчас многое забылось, много лет прошло. Но чувство любви и почитания к Батюшке, которое даже больше любви к родной матери, я сохранила.

Я всё говорю: «Батюшка», а он – старец, вот как в книжках пишут!

Жизнь по благословию

Мы всё делали по благословию, на работу устраиваться или дело какое - брали благословение.

Если искушение какое – едешь к Батюшке, рассказываешь. По его молитвам всё проходит.

Я замуж не выходила – хотела было, а Батюшка не благословил.

– Батюшка, да я его люблю!

– Не благословляю! Замуж выйдешь – будешь мужу угождать, а если не выйдешь – будешь Богу угождать.

Я его послушалась и не жалею теперь. Знаю, что ещё двум сёстрам Баженовым Батюшка замуж выходить не благословлял. Они и сейчас живы, младшая ухаживает за старшей.

А одной своей духовной дочери Батюшка благословил разойтись с мужем, который сильно пил и её, и детей гонял. И предсказал ей, что она выйдет ещё замуж за хорошего человека и даже обвенчается. Она отказывалась, а через много лет его слова исполнились. Я её знаю, она наша, клинская.

Я из деревни переехала в Клин и жила то на частной квартире, то в общежитии. Мама сказала, мол, давай, будем тебе в городе дом строить. Взяли благословение у Батюшки. Он сказал, что самое главное, чтобы соседи были хорошие. И по его молитвам у нас соседи, хоть и богатые люди, но верующие. Не оставили меня потом в беде.

Ещё говорил, чтобы ни одного кирпича не было ворованного, всё было бы своё.

Когда мне тридцать уже было, привязался ко мне на работе один сотрудник, женатый. У него не было детей; он хотел, чтобы я за него замуж вышла, детей нарожала. Проходу не давал, домой провожал: идёт, сумку мою несёт – позору было! Я полетела к Батюшке, рассказала. Он меня послал в Троице-Сергиеву Лавру причащаться. Вернувшись, я не узнала кавалера. Он от меня бегать стал. Вот какие батюшкины молитвы!

Давно он сказал мне такое: «Доживешь до таких времён, что стыд будет нечем прикрыть». Его предсказание я поняла, когда в 2000 году сгорела у меня изба. Когда мне сообщили, что у меня горит дом, я была на работе и прибежала на пожар, забыв ключи от дома. Стояла и смотрела, как горит изба. Не сгорели только стены. И осталась я в ноябре в болоньевом плаще и резиновых сапогах.

Сгорели книги, вещи, иконы. Очень жалко было мне икону Спасителя, большую, из монастыря.

Правда, не сгорели чудом мощи какого-то святого. Мне их дала Татьяна после смерти нашего духовного отца. Я, к сожалению, забыла имя этого святого.

Сколько слёз и пота я пролила, когда отстраивала дом заново! Лет мне было 69. Помогали соседи, родные и прихожане храма в честь Ксении Блаженной, в который я хожу. Пережить это горе помогли прозорливые слова моего духовного отца. Сейчас я живу хорошо, всё у меня есть. И даже фотографию Батюшки мне подарили.

Что Батюшка говорил о себе

Батюшка вообще говорил мало. Да я и плохо помню, ведь сколько лет прошло. Помню, что отца Батюшки звали Илья, а мать – Екатериной. Жили они, кажется, в Казани. На именины мальчика (ему исполнилось три года) мать не причастила сына, а вместо церкви пошла на рынок и была наказана за это – её покусали собаки.

С маленького возраста Саша любил церковь, богослужение. Подростка Александра мать ругала, что он ей не помогает, а всё ходит по церквям и монастырям.

Батюшка несколько раз был в Иерусалиме. Первый раз ещё подростком. Батюшка рассказывал, как он просился на пароход, идущий в Иерусалим: «Дяденька, возьмите, у меня есть немножко денежек». Он зарабатывал деньги, помогая в церкви. И еще раза два ездил в Иерусалим. Был в Киеве, Почаеве.

Переплётному делу научился, когда был у святого праведного Иоанна Кронштадского.

Батюшка вспоминал, как он был у святого Иоанна Кронштадского. Говорил, что на службе в огромном Андреевском соборе в Кронштадте была такая тишина, что слышно было, как муха пролетит. Ещё говорил, что человек с нераскаянным грехом ни за что не подойдёт к Чаше, когда служил отец Иоанн Кронштадский. Его будут отталкивать, оттеснять, как бы нечаянно. К сожалению, я забыла, что говорил Батюшке о. Иоанн.

Как мой духовный отец поступил в монастырь – я не знаю.

Наставления о. Александра

Батюшка говорил, что надо обязательно читать духовные книги – они душу укрепляют. Советовал читать пяточисленные молитвы святителя Димитрия Ростовского.

Я и сейчас их читаю.

Говорил, что, если доживём до антихриста, когда будут его слуги ходить по домам, как бы агитировать за него, в глаза им смотреть нельзя – будут действовать гипнозом. И вообще, глаза должны смотреть в землю. Он мне вперёд сказал, что наступят такие времена, что слово сказать будет некому.

Не будет духовных наставников и единомысленных людей. Это и исполнилось для меня сейчас. Это тяжело для души.

Когда я у него домовничала, я понесла половики на улицу трясти, а Батюшка меня остановил и сказал: «Лучше душу от грехов вытрясай». С тех пор я на домашнее хозяйство особенно внимание не обращаю, а лучше помолюсь или книгу духовную почитаю.

Мой духовный отец мне говорил неоднократно: «Валентина, обо мне книгу будут писать, записывай события».

Но я на эти слова, к сожалению, внимание не обратила, в то время это было немыслимо. Прошло 35 лет, и его слова исполняются.

Воспоминания Зои Сидоровой

От автора

Валентина Алексеевна Букина познакомила меня со своей дальней родственницей, Зоей Сидоровой. Мы приехали в подмосковный г. Клин и пошли в храм, куда ходит Зоя. После службы она убиралась в церкви и потом сказала нам, что считает за честь для себя помочь в уборке храма.

Валентина Алексеевна в совместном разговоре напомнила Зое, что её второй счастливый брак, который состоялся после смерти Батюшки, он же и предсказал. И я узнала, что Зоя в первом замужестве была несчастлива, муж пил, пропивал деньги, гонял её и двух маленьких детей.

Зоя имела одно утешение – приехать к Батюшке Александру. И в горе, в слезах она не запомнила этого предсказания. Но Валентина, присутствовавшая при том разговоре, не забыла слов духовного отца: о. Александр не только предсказал второй брак, но и то, что он состоится в зрелых годах. И что супруги обвенчаются.

Всё так и получилось. Зоя стала припоминать тот давний разговор и разразилась слезами благодарности и любви к Батюшке. А я благодарила Бога, Который «дивен во Святых своих».

«Я бы сейчас каждое слово их ловила!»

Рассказывает Зоя Сидорова

«Жили мы в селе Крупенино Клинского района. Отец рано умер, и мать растила семеро детей.

За 40 километров водила моя мать, Анастасия (1904–1982), своих детей к о. Александру. Обыкновенно, шли целый день, к Батюшке приходили вечером. Маму мучили головные боли. Сил не было.

Однажды помолилась она и пошла к Батюшке. Батюшка читал над ней молитвы. После этого у неё из носа вышло много крови, и голова болеть перестала.

Еще мама рассказала такой случай: возвращалась она из Княжева, от Батюшки, зимой поздно. Шла лесом. Вдруг слышит, нагоняет её мужчина. Она прибавила шаг, он тоже. Впереди развилка дороги. Мама стала молиться своему духовному отцу, чтобы он направил мужчину по другой дороге. Свернула она на свою дорогу, оглянулась, а его нет, ушёл. Так молитва к Батюшке спасла мою мать.

Помню, когда я училась в школе, то на каникулах жила целый месяц у Батюшки.

Я там была при деле: ухаживала за козочками, доила их. Работала на огороде. Видела, как Батюшка всё молился, молился за нас, грешных. Мне говорил, чтобы я читала Пяточисленные молитвы святителя Димитрия Ростовского. Мы их переписывали и читали. И сейчас я их читаю.

Говорил, что обязательно нужно хоть понемногу читать духовные книги – они душу поддерживают. Много Батюшка не говорил. Около Батюшки мне всегда хорошо было.

Как-то раз меня взяла старшая сестра к Батюшке. Она просила благословения на замужество. Батюшка не давал его. Она настояла. Отец Александр неохотно благословил. Но что же дальше? Муж через три месяца взял развод.

Батюшка однажды благословил меня поехать в Троице-Сергиеву Лавру. Я ослушалась, не поехала. Приезжаю к нему в другой раз, только вошла в дом, а он сразу и сказал, что не была я в Лавре.

Мне Батюшка дал пятирублевую купюру и велел ее хранить. Это было, когда мы строились. За его молитвы отстроились мы хорошо, и я никогда не бедствовала, хоть и деньги его утратила.

Я вспомнила один случай, когда мой двоюродный брат, Анатолий, перед уходом в армию просил у Батюшки благословения. О. Александр долго молился, а потом благословил со словами: «Вернёшься. За всё - слава Богу».

Брат приехал к своей крёстной (а это моя мама, Анастасия) и рассказал о таких необычных словах Батюшки. Моя мама его тоже благословила.

В армии он попал туда, где были военные действия (это были 50-е годы). Ехал в грузовике с солдатами, и ему показалось, что на заднем борту машины сидит его крёстная мать. Он, не соображая, рванул к ней, боясь, что она свалится. В этот момент в машину попал снаряд, и всех солдат убило.

Он один остался жив, потому что его взрывной волной выбросило из машины. Анатолий считал, что его спас Господь за молитвы о. Александра и крёстной матери.

Моя мать, Анастасия, очень плакала, расстраивалась, что её внучку никак не крестили. О. Александр на это сказал ей: «Не плачь! Внучка твоя сама попросит креститься». И правда, когда исполнилось девочке 6 лет, она сама попросила родителей, и те её окрестили.

Перед выходом на пенсию я поехала на могилку к о. Александру и схимонахине Иоанне и просила их помощи, потому что не доставало каких-то бумаг для получения нормальной пенсии. И я получила пенсию в 132 рубля – самую большую для простого народа по тем временам.

Я каждый день молюсь и прошу: «Батюшка Александр, схимонахиня Иоанна! Помолитесь за меня, грешную, благословите на сей день меня, мужа, чад моих». И все у меня хорошо. Дети – не пьяницы, все работают, семьи нормальные. И с мужем мы обвенчались. Благодарю Бога, что привёл меня к таким людям как отец Александр и схимонахиня Иоанна. Я бы сейчас каждое слово их ловила и от них не отходила.

«БабВаля» – монахиня Валентина (Валентина Алексеевна Кириллина)

(26 марта 1927 г. – 15 декабря 2013 г.)

От автора

Недалеко от места упокоения схииеродиакона Александра, в Орудьеве, жила ставшая мне родной монахиня Валентина. Правда, до её похорон я точно не знала, что она монахиня. Все кругом звали её БабВаля.

Валентина - простая русская женщина, прожившая тяжелую жизнь примерно так же, как и все её сверстницы рождения 30-х годов. Единственное, что отличало её от многих – крепкая вера.

Я подозревала, что она монахиня, но на мои вопросы БабВаля отвечала, что она - «недостойная послушница». В 2012 г. ей исполнилось 86 лет. У Валентины была масса болезней, приличествующих её возрасту. Тем не менее, она держала козу, что становилось ей уже не под силу, но в этом она не хотела сознаться даже себе. Уговоры родных и меня, грешной, на тему расставания с козой не производили на неё впечатления.

Валентина жаловалась на отсутствие сил.

Одним прекрасным сентябрьским днём она поехала со мной помолиться на могилу старца Александра и попросить здоровья.

БабВаля пела в церкви около сорока лет, на погосте мы довольно стройно спели с ней литию и помолились у могил праведников.

На следующий день после моего приезда в Москву раздался в телефонной трубке её взволнованный голос: «Ты представляешь, коза сдохла! А ведь я же просила здоровья, а не чтобы козу забрать!»

Но недолго оставалась Валентина без козы. Вскоре она опять где-то нашла «на свою голову» козу, отличающуюся концентрированным козым характером – взрывным сочетанием агрессии и своеволия.

Кончилось тем, что БабВаля отдала её в Пешношский монастырь.

И вот, помню, вдруг у Валентины возникло горячее желание посетить монастырь. Нашлась машина, нашлись желающие совершить паломническую поездку, захватили и БабВалю. По прибытии в монастырь оказалось, что из всех достопримечательностей монастыря Валентину интересует больше всего... подсобное хозяйство.

Оказалось, она предвкушала свидание со своей козой, но не тут-то было! Козы паслись где-то за пределами монастыря, и водитель категорически отказался искать место козьей дислокации.

С тех пор моя дорогая Валентина коз не заводила, хоть и любила по-прежнему козье молоко.

Следующее маленькое чудо по молитвам к о.Александру (Жемкову) с БабВалей произошло в довольно трудной ситуации, когда она после инсульта лежала в местной больничке в селе Орудьево. Её сын нанял «хожалку», которая ухаживала за Валентиной Алексеевной, я заезжала редко.

Помочь я почти ничем не могла: мать Валентина находилась в «сумеречном сознании», почти не приходила в себя. Так было и в этот приезд, в сентябре 2014 г.

Из больницы мы с моим хорошим знакомым Дм. С. поехали к могиле схииеродиакона Александра, чтобы покрасить оградку. Дмитрий дал такой обет примерно год назад, когда просил на его могиле помощи в поисках работы. Работа быстро нашлась, а обет долго не исполнялся. Но наконец-то всё сложилось, Дмитрий с помощником (тоже нуждавшимся в работе) красил оградку. А я молилась у могилы праведника и поминала болящую Валентину. Тут я вспомнила, что я собираюсь в отпуск, и меня охватило беспокойство: а вдруг мать Валентина умрёт и я не смогу с ней проститься. Не найдя ничего лучшего, я решила спросить у неё самой, ехать ли мне в отпуск. Я набрала номер «хожалки» и попросила передать трубку Валентине. Каково же было моё удивление, когда я услышала прежний голос моей дорогой БабВали: «Да езжай, куда хочешь!» Несомненно, изменение её состояния произошло по молитвам схииеродиакона Александра.

Умерла моя дорогая БабВаля, монахиня Валентина, в декабре, в больнице. Хорошо, я хоть приехала на похороны.

Хоронили её в день мученицы Варвары, и я вспомнила, как БабВаля рассказывала, что схиархимандрит Исаакий из Почаева давно-давно велел ей принять постриг с именем... Варвара. А постригли её в монашество с именем Валентина, как выяснилось на похоронах. И вот, оказалось, что БабВаля – монахиня Валентина, и при этом она не ослушалась и схиархимандрита Исаакия! Но это уже другая история.

Схииеродиакон Александр и московский храм муч. Трифона

Храм Божией Матери «Знамение» в Переяславльской слободе у метро Рижская часто называют «храм мученика Трифона на Рижской». Это связано

с чудотворной иконой муч. Трифона, к которой «вся Москва» ездит устраиваться на работу.

В этом храме работала в 60-х годах моя хорошая знакомая Анна Евлампиевна Шкуркина (+ 2015 г.) позже постриженная в иночество с именем Анна, а в конце жизни ставшая монахиней Николаей.

Но я буду ее называть – мать Анна, как привыкла за многие годы. И вот, она мне рассказывала, что в то время, когда она с сестрой работала в храме мч. Трифона, основной контингент служащих в нём составляли монахини и просто верующие женщины, вернувшиеся из заключения, в частности из СЛОНа – Соловецкого лагеря особого назначения. Вернувшиеся с Соловков отличались необыкновенным трудолюбием и мудрым поведением. К одной из них, Серафиме, приезжал в храм её духовный отец «откуда-то из Подмосковья». «Кажется, его звали о. Александр», – рассказывала м.Анна. Такой худенький, седенький.

Серафима (Сима) сказала тогда Анне, что он старец, но благословения не даёт, потому что иеродиакон. Серафима и другие его духовные чада, работавшие в этом храме, вставали перед ним на колени.

Совпадение нескольких характеристик: иеродиакон, из Подмосковья, «худенький, седенький» – эти приметы позволяют с большой долей вероятности предположить, что речь идёт о схииеродиаконе Александре. И духовные чада вспоминали, что батюшка приезжал в Москву и иногда непродолжительное время жил у духовных чад, кстати, не далеко от храма муч. Трифона, в Марьиной Роще.

Серафима посоветовала Анне спросить у Батюшки совета, как быть в сложном положении: Анна работала в Москве уже несколько лет без прописки. Это теперь можно жить и без прописки, а тогда – быстренько выкинут из Москвы.

Раньше Анну прописывали люди, у которых Анна была в няньках, а тут вышло новое постановление, и прописывать перестали.

Знакомая предложила Анне расписаться с вдовцом для вида, жить у него и обслуживать его как прислуга. Но Анну смущало, что она, девица, желающая монашеской жизни, будет жить в одной квартире с мужчиной. С этим вопросом Серафима обратилась к старцу.

Батюшка сразу сказал: «Куда это, сено – к огню?» А потом показал на работницу храма и сказал: «Вот она тебя пропишет». Анне стало легко, и к вдовцу она не пошла. Вместе с этой работницей они сходили к какому-то начальнику в ЖЭК, дали 150 руб. (тогда это были немаленькие деньги), и Анну прописали по лимиту, оформив дворником, хотя в тот момент по лимиту в Москве уже не прописывали.

Ещё старец при Анне рассказывал своей духовной дочери, что ему снился страшный сон, как на него в лесу напали волки, и он не знал куда деться. Волки хотели его разорвать, а тут набежали откуда-то духовные дети и отбили старца. И просил свою духовную дочь молиться за него.

Как вспоминала м. Анна, старец был такой чистенький-чистенький и дотрагиваться до себя не давал, вёл себя строго, как и полагается монаху, а монаху-схимнику тем более.

Серафима с почтением относилась к старцу и спрашивала у него всё-всё, даже про частоту мытья. Позже Серафима приняла тайно монашество с именем Сергия.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

СХИИЕРОДИАКОНА АЛЕКСАНДРА (ЖЕМКОВА)

(8 июня 1879 г. ст.ст. – 7 июня 1968 г. н.ст.)

«Родился Александр Ильич Жемков в Казани в 1877 или 1879 году в крестьянской семье».

Так вплоть до января 2018 г. начиналась эта глава. Дата рождения в 1877 г. была взята с надписи на могильном кресте, а дата рождения – из сведений в «Послужном списке Пешношского монастыря за 1916 год».

Но благодаря Андрею Жемкову, предположительно - родственнику схиеродиакона Александра (Жемкова), удалось найти запись в метрической книге Смоленско-Варлаамской церкви г. Казани о рождении младенца Александра, которая подтвердила дату рождения, указанную в «Послужном списке Пешношского монастыря за 1916 г.» И церкви уже нет, и столько бурь пронеслось над нашей Родиной с далёкого 1879 года, а запись сохранилась.

Андрей Жемков приезжал в Дмитров за справкой о смерти о. Александра, потом посетил его могилу и молитвенно просил Батюшку о помощи в поисках документов. Помощь не замедлила: служащие Дмитровского отдела ЗАГС показали Андрею справку о смерти, а позже, уже в Казани, нашлись документы, уточняющие дату рождения и имена родителей будущего схиеродиакона.

Согласно этой записи родителями его были "Казанской губернии и уезда Столбищенской волости деревни Кутнечь крестьянин Илья Васильев Жемков и законная его жена Екатерина Степанова¹², оба православного вероисповедания".

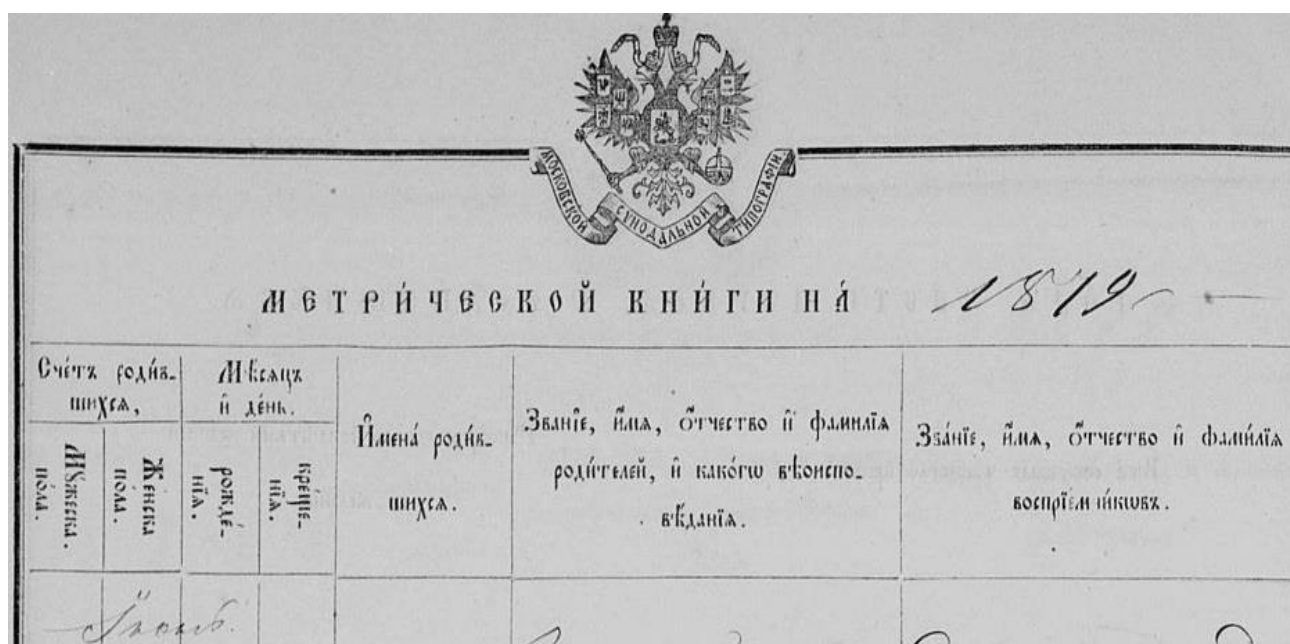
Итак, Александр Жемков родился в Казани 8 июня ст.ст. 1879 г., что подтверждает запись в первой части метрической книги (о рождении)

¹² Васильев, Степанова, Григорьев, Андреева, Васильева – это не фамилии, так в документах XIX в. писали отчества.

Смоленско-Варлаамовской церкви г. Казани¹³ за № 16 от 11 июня ст. ст. 1879 г. (дата крещения)¹⁴.

В наименовании деревни при записи в метрической книге была допущена ошибка, и верное её название – Кунтечь (ныне село Кунтечи Лаишевского района Республики Татарстан).

В то время семья Жемковых, судя по месту крещения сына, проживала в Казани, но приписаны они были либо к месту происхождения главы семейства.

Шапка метрической книги за 1879 г.

¹³ Смоленско-Варлаамовская церковь г. Казани, построенная в XVIII веке, находилась на Большой Варлаамовской улице, ныне ул. Мартына Межлаука. Имела два престола: Смоленской иконы Божией Матери и придел в честь прп. Варлаама Хутынского. В этой церкви с восьми лет начинал петь Ф. И. Шаляпин. По одной информации храм был полностью разрушен в 1932, по другой – в 70-е годы XX века, в связи со строительством Центрального колхозного рынка.

¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан, Фонд 4, Опись 176, Дело 20, Лист без нумерации между 346 и 347 листами.

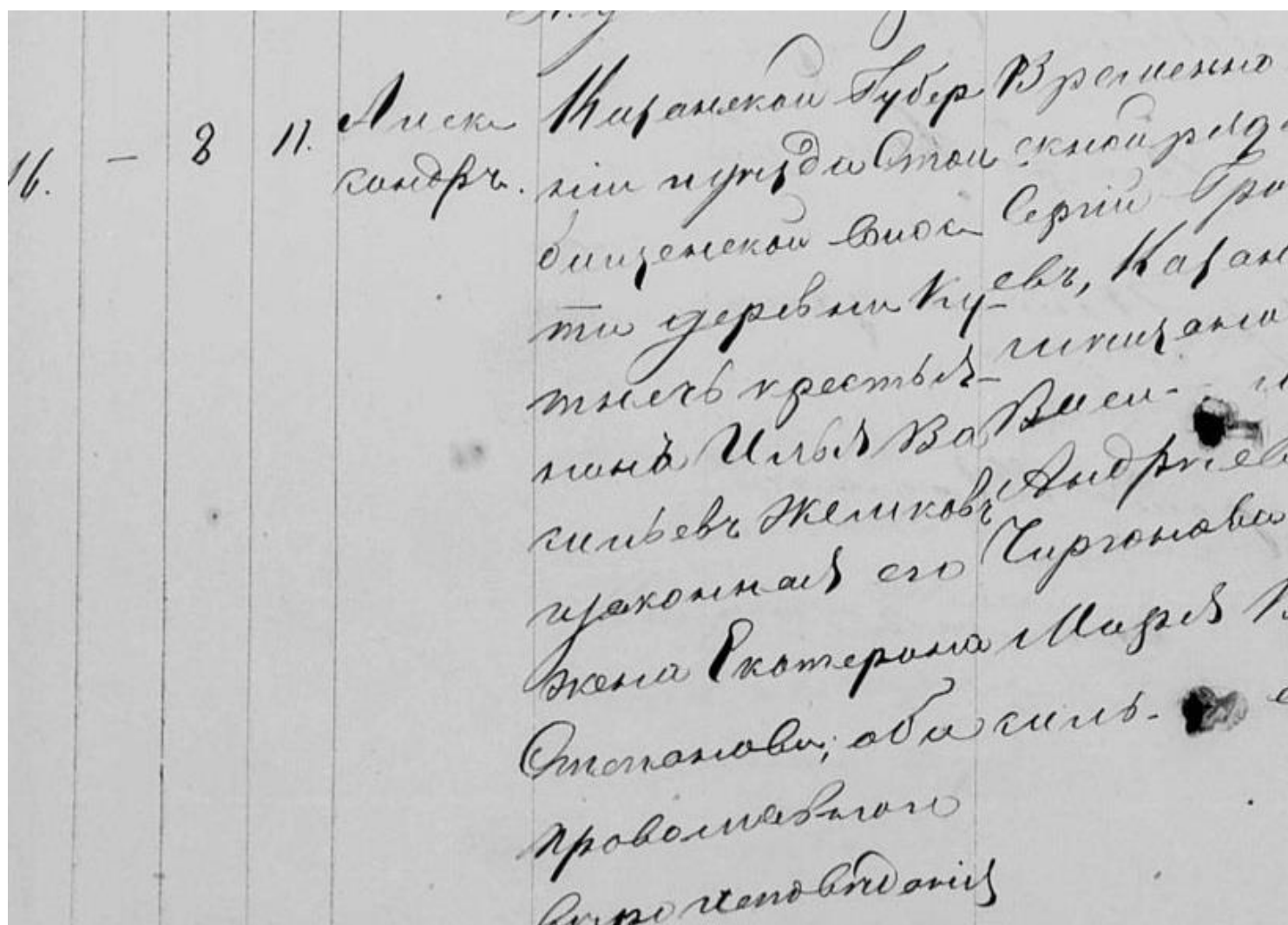

Смоленско-Варлаамовская церковь г. Казани

Либо к месту проживания до того, как переехали в Казань. Восприемниками (крестными родителями) значатся "временно отпускной рядовой Сергей Григорьев и Казанского мещанина Василия Андреева Чиргонова жена Мария Васильева".

Таинство крещения совершил приходской священник Петр Сельский, а запись в книгу осуществил и. д. (исполняющий дела) псаломщика Петр Танкеевский.

Судя по святцам, новорождённый младенец был назван Александром в честь святого преподобного Александра, игумена Куштского Вологодского.

Запись в метрической книге

Молитвенная память которого празднуется Церковью 9 июня по старому стилю.

Духовные дети схиеродиакона Александра вспоминали, что имя отца было Илья, а матери – Екатерина, и что ещё у него была сестра. Запись в метрической книге подтверждает их воспоминания, но о сестре сведений пока нет.

Ещё один документ, который видела автор своими глазами –
«Свидетельство о смерти Жемкова Александра Ильича». Приведём документ
полностью:

«Свидетельство о смерти П-ПЛ № 332665

Гр-н Жемков Александр Ильич

Умер(ла) 7 июня 1968 г. Тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года

Возраст 90 лет

Причина смерти тампонада кровью сердечной сумки

О чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1968 года июня
11 числа произведена соответствующая запись № 14.

Место смерти город, селение д.Княжево р-н Дмитровского область, край,
республика Московской

Место регистрации Дядьковский с/совет Дмитровского р-на Московской обл.

Дата выдачи 11 июня 1968 г.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния».

Таким образом, даты рождения и смерти раба Божия Александра Жемкова
подтверждены документами.

Сведений о детстве подвижника почти нет. Со слов духовного чада,
о.Александр рассказывал, что, когда ему исполнилось три года, его мама,
вместо того чтобы в день именин причастить младенца (этот день пришёлся на
воскресенье), пошла на рынок, и там её покусали собаки. Этот случай Батюшка
рассказывал как пример Божьего наказания.

С детства церковь, молитва были для мальчика самым важным в жизни –
так свидетельствовали со слов о. Александра духовные чада.

Когда он подросток, мать часто его ругала за то, что он не помогает в огороде, а всё ходит по церквам и монастырям.

Ещё подростком Александр побывал на Святой Земле, в Иерусалиме, причём на поездку зарабатывал сам, помогая в церкви.

Денег было недостаточно, юному паломнику пришлось просить: «Дяденька, возьмите на пароход, у меня есть немножко денежек».

Будущий старец был в Иерусалиме два раза, а может, три. Для бедного человека это удивительно.

Один раз Александра возил какой-то полковник, другой раз он путешествовал с неким о. Иоанном.

Автор просит прощения за неопределённость в повествовании, но жизнь схиеродиакона Александра во внешних событиях таинственна, а о внутренней жизни дерзко и говорить.

К сожалению, его духовные чада позабыли многие факты, ведь с упокоения старца прошло более 40 лет.

К схиеродиакону Александру правильно было обращаться "отец диакон", но духовные чада, почитавшие и любившие его не меньше, чем родного отца, называли его Батюшка.

Отец Александр не однажды просил нескольких человек записывать события, говоря, что о нём будут писать книгу. Но никто его не послушался, настолько трудно было предположить такой поворот истории.

В то время поверить, что о подвижнике православной веры могут издать книгу было, наверное, очень трудно. А послушание, видно, удалилось от современных христиан.

До поступления в Пешношский монастырь Александр Жемков бывал в Кронштадте, Троице-Сергиевой Лавре, Киево-Печерской Лавре, Почаеве и своим духовным чадам советовал съездить в Почаев.

Известно, что он был знаком со св. прав. Иоанном Кронштадтским. Софья Ивановна, первый исследователь жизни схииеродиакона Александра, называет св. прав. Иоанна духовным отцом будущего старца. У автора таких сведений нет.

О. Александр вспоминал, что, когда служил о. Иоанн Кронштадтский, в громадном Андреевском соборе была такая тишина, что слышно было жужжание мухи.

И ещё примечательное воспоминание о. Александра, раскрывающее в какой-то мере, что стояло за «общей» исповедью у св. прав. Иоанна.

О. Александр говорил, что человек с нераскаянным грехом не мог подойти к Чаше, его как бы нечаянно отталкивали, оттирали, и причаститься он не мог. Это напоминает начало жития прп. Марии Египетской – как она, в тот момент - непокаявшаяся грешница, не могла войти в храм.

В Кронштадте (видимо, в «Доме трудолюбия») будущий батюшка Александр переплетал книги, он был замечательным переплётчиком. Это умение пригодилось в советское время, когда богослужебные книги, Священное Писание, молитвословы уничтожали и не печатали.

До 1912 года о жизни Александра Ильича сведений мало. В «Послужном списке Пешношского монастыря за 1916 год» значится:

«Александр Ильин Жемков, 37 лет, учился чтению и письму, из крестьян, холост. Послушание при переплётной. Определён в число братства сего монастыря 11 октября 1912 года». В последней графе ведомости (каких качеств; способен к послушаниям, если нет, то почему) записано: «поведения очень скромного, к послушанию способен и усерден». Такая характеристика: «поведения очень скромного» во всём «Послужном списке» встречается только один раз.

До определения указом в число послушников нужно было пожить и потрудиться в монастыре несколько лет, для каждого трудника срок испытания определялся монастырским начальством. Поэтому пока неизвестно, в каком году для Александра началось время трудничества.

По воспоминаниям, «Сашка» был келейником игумена Ксенофонта, настоятеля монастыря, – «он и полы мыл, и стирал». Уже тогда проявлялась в будущем наставнике необходимая для духовного руководителя черта – рассуждение. Это видно из того, что иногда игумен отправлял ищущих совета к своему келейнику. Случаи, когда келейник старца и сам становился впоследствии старцем – не редкость, это мы знаем из патериков.

То, что послушник Александр Ильич Жемков стал монахом Серафимом, потом иеродиакон Серафимом (иеродиакон – монах в сане диакона), а незадолго до смерти – схииеродиакон Александром, мы знаем из рассказов духовных чад.

Даты монашеского пострига, рукоположения в сан иеродиакона и пострига в схиму не известны. Известно, что в схиму его постригал архимандрит Наум (Байбородин) из Троице-Сергиевой Лавры. Александр был строгим иноком, на женский пол не смотрел, даже, как говорил он позже своей духовной дочери, в молодости «женщин ненавидел».

И это - признак становления настоящего монаха. Известно высказывание прп. Серафима Саровского, что нужно бояться «галок намазанных» – женщин (имеется в виду боязнь не женщин, а соблазна).

Незадолго до своей смерти настоятель монастыря и духовный отец будущего старца, архимандрит Ксенофонт (в схиме Онуфрий) распахнул настежь дверь и сказал: «Как я всех принимал, так и ты будешь всех принимать, никому не отказывай».

Духовная дочь Батюшки говорила: «И пришлось ему нести это послушание до смерти».

Это значит, послушник Александр (может быть, к тому времени ставший монахом Серафимом) уже тогда в какой-то мере приобрёл бесстрашие и рассуждение – добродетели, необходимые для духовного руководства.

Схиархимандрит Онуфрий (Чернышов) перед кончиной (+ 1922 г.) дал послушание своей духовной дочери Татьяне Платоновне Калининой «забрать и сохранять Сашку до смерти». Слова этого духовного мужа были сказаны «со властью», и обращены они были к необыкновенным людям, которые видели свою жизнь в исполнении воли Божией и до конца доверяли данному Богом духовному отцу. Так проявился дар прозорливости о. Онуфрия, предсказавшего события вперёд на сорок лет.

И вот, зимой 1927 года сёстры Калинины – Татьяна и Пелагея – увозили иеродиакона Серафима из Пешношского монастыря. В этот день будущий старец сподобился не совсем обычного благословения родной обители.

Как рассказала Пелагея Платоновна, тогда, присланные в монастырь рабочие снимали надвратную икону прп. Мефодия Пешношского. Сёстры взмолились: «Икону-то хоть отдайте!». Рабочие прямо сверху бросили в сани икону в кивоте со стеклом. Она упала удачно, не разбилась и никого не покалечила. Сейчас эта икона находится при воротах Борисоглебского монастыря г. Дмитрова.

Татьяна Платоновна Калинина привезла иеродиакона Серафима в свой дом в деревне Княжево тогда Дядьковского (ныне Дмитровского) района. Там он и прожил более сорока лет в тайном христианском подвиге.

Село Княжево и находящаяся рядом деревня Жуковка принадлежали когда-то матери декабриста Н.И.Тургенева – Екатерине Семёновне.

В 2000 г. я застала деревню без храма, с заброшенными полями.

Но в 30-е годы XX века, когда Татьяна Платоновна привезла будущего схиеродиакона Александра к себе в домик, Княжево было деревней в полном смысле – с полями, огородами, фермой, где какое-то время работала заведующей сестра Татьяны Платоновны – Пелагея (Полюшка).

Для монаха нелегко было жить в окружении женщин, но на эти вынужденные обстоятельства было благословение их общего духовного отца, схиархимандрита Онуфрия (Чернышова).

В годы гонений, перед лицом смерти, которая в то время грозила каждому православному, чистоту в отношениях и помыслах соблюдать было, может быть, и легче. Наверное, поэтому в первые века христианства и не было монашества, а точнее – все были как монахи: «имеющие жену как неимеющие» (1 Кор.: 7, 29).

Недаром духовный сын Батюшки Борис Букин из всего, что говорил отец Александр, хорошо запомнил притчу, которая полностью приводится в его воспоминаниях, и вывод из которой важен и для мирян, и для монахов: «соблюдайте свою чистоту, и Бог сохранит вас».

Домик в Княжеве был небольшой, в три окошка, на окошках – чёрная бумага и занавески, вокруг дома – забор. К сожалению, дом не сохранился.

В домике было две двери: одна вела на улицу, а другая – на задворки. Такое устройство жилища позволяло схииеродиакону Александру быстро скрываться от непрошенных гостей.

Келейка о. Александра – метров шесть, одна стена была завешана иконами, там же, по словам духовных чад, висел Животворящий Крест – монастырская святыня, привезенная когда-то в монастырь с Афона.

В углу стоял большой образ Казанской Божией Матери.

Икона на полке с пеленой до пола, за которой во время обыска однажды спрятался отец Александр. И его не нашли пришедшие с обыском. В 6-ти метровой комнате!

В келье стояли кровать и два аналая: один – с «правилом», другой – с книгами. Книг было много и в других местах, но каких книг – никто не помнит.

В комнате Татьяны вместе с ней жила до своей смерти её слепая мать.

Казанская икона Божией Матери из кельи схиеродиакона Александра

Была ещё кухня, она же и трапезная. В этой стеснённой обстановке, лишь изредка покидая Княжево, жил Батюшка год за годом. Вечером минут на пятнадцать он выходил во двор «подышать».

Постепенно вокруг о. Александра собралась христианская община человек в сто двадцать – сто пятьдесят, в большинстве верующие женщины.

Приезжали из Москвы, Вербилков, Клина, Дмитрова, Рогачёва, далекого Архангельска. Из деревни Княжево тоже приходили, но совсем немного.

Зачем люди шли к Батюшке? За советом, со своими «горЯми», болезнями, и, конечно, помолиться. Приходили и приводили знакомых – больных душевно и телесно, скорбящих, потерявших веру. Сколько их было – никто не считал. Приводили по благословению, особому в каждом случае, и то бывали искушения.

Однажды привезённая к о.Александру женщина, тяжело больная духовно, вырвалась и стала ходить по деревне, возмущаясь: «Там поп и монашка, я туда не пойду». Однако Господь сохранил Своего угодника.

Молились в этом маленьком домике, как в монастыре, каждый день, утром и вечером на протяжении 40 лет! Утром вместо Литургии служили обедницу, т.к. отец Александр был в сане иеродиакона и не мог служить Литургию. Каждый день Батюшка читал акафист, чаще всего «монашескому ангелу» – святому, чьим именем наречён при пострижении в монахи, – прп. Серафиму Саровскому. Молился на коленях, со слезами.

У старца был дар слёзной молитвы. Духовные чада «заражались» от него высокой степенью молитвенного предстояния Богу, но без Батюшки их покинул этот дар.

Некоторым духовным чадам о.Александр советовал читать келейно Пяточисленные молитвы. Это правило было преподано когда-то свт. Димитрием Ростовским. В его честь в Пешноше был построен (и ныне восстановлен) больничный храм.

Кроме того, это правило исполнял сщмч. Серафим (Звездинский), духовно окормлявший часть братии Пешноши в годы гонений до момента ареста. Вероятно, схииеродиакон Александр продолжил монастырскую традицию келейного чтения «Пяточисленных молитв».

Вокруг Батюшки сложилась атмосфера монастыря – с ежедневными службами, послушаниями, которые несли в соответствии с возрастом и наклонностями все жившие и приезжавшие в Княжево. Кто накрывал на стол, кто чинил забор, кто работал в огороде, кто ухаживал за козами.

Была одна «интеллигентша», которая «только книжки читала», но зато она дома, в Клину, обшивала священство.

Трапезничали два раза, иногда один раз в день, после служб.

Посты соблюдались строго. Готовила Татьяна вкусно – щи с жареной капустой запомнили все. Мяса на трапезе не было, а рыбу ели – когда принесут. Духовные чада приносили даже свежевывловленную стерлядь, ведь Волга от Княжева не очень далеко.

Батюшка не любил непослушания. Его духовная дочь Валентина чуть не упала в колодец, не послушав Батюшку. Не благословлённый им брак другой духовной дочери кончился разводом.

Но и на строптивых чад умел Батюшка призывать благословение Божие. А в судьбе послушных чад исправлялись жизненные обстоятельства, облегчались скорби, миновала нужда и болезни. Некоторые были свидетелями и участниками чудес схииеродиакона Александра.

Например, Валентина Букина зимой «шла по воздуху» домой, в Клин, и прошла примерно 40 км часа за два. Что святые ходили по воздуху, нам известно, но что и близкие их были причастниками таких дарований - об этом автор книги узнала впервые. Было даже как-то боязно писать о столь щедром даре чудотворения нашего соотечественника.

И вдруг в книге о греческом старце Амфилохии¹⁵ встретился рассказ о таком же чуде: духовная дочь старца тоже шла по воздуху, причём это видела её спутница. Чудо произошло по усиленной молитве старца Амфилохия за свою духовную дочь, т.к. она плохо ходила из-за болезни ног.

В обоих случаях чудеса происходили потому, что Бог слышал старцев, молившихся о своих чадах со всей силой любящего сердца.

¹⁵ «Я родился, чтобы любить». Греческий старец Амфилохий. Макрис. Изд. «Лепта Книга» М., 2007 г., стр. 79.

Произошло и другое событие, которое, особенно для живших в годы репрессий, было поистине чудом: не состоялся арест, грозивший келейнице Батюшки - Татьяне Платоновне. Это случилось по молитвам старца и благодаря отважным действиям младшей сестры – Пелагеи, не побоявшейся по благословению духовного отца пойти хлопотать за неё в ЧК на Лубянку. И много ещё рассказали духовные чада...

Воистину, подобно чуду даже само существование на протяжении десятилетий (с 1927 г. по год смерти Татьяны – 1975 г.) «подпольного монастыря», по выражению представителей власти, много лет пытавшихся его уничтожить.

Вспомним политическую обстановку и события 30-40-х годов XX века: недалеко от Княжева, в 5 километрах на запад, проходило строительство канала Москва – Волга силами заключённых Дмитлага (одного из лагерей Гулага, самого большого по числу заключённых – более миллиона человек).

Его мрачная история ещё ждёт своего исследователя. Канал строился с 1931 по 1938 год, а потом многих заключённых, оставшихся в живых, расстреляли в Бутове.

В 5 километрах южнее Княжева, в деревне Орево, находилось отделение НКВД, которое следило за заключёнными и в случае побега организовывало поимку беглецов с помощью конвоиров с собаками.

Заклѳчѳнных расстреливали в Дмитровских лесах; известны случаи, что в окрестных лесах заживо закапывали тяжелобольных заключённых.

С большой вероятностью можно предположить, что некоторые из монахов и благочестивых людей, знакомых старцу, попали в Дмитлаг.

Большинство монахов из Пешношского монастыря были заключены в концлагеря, некоторые расстреляны.

Заключенные Дмитлага на строительстве канала Москва-Волга

Но мог ли не знать и не скорбеть прозорливый старец о судьбе своих монастырских братьев – сосланных, заключённых и расстрелянных?!

По воспоминаниям духовных чад, о. Александр особенно страдал и даже плакал навзрыд около часа при известии о том, что его знакомый пешношский монах женился. Старец глядел в Вечность.

Никто из духовных чад не рассказал мне о каких-нибудь политических высказываниях духовного отца. Даже в наше время некоторые из его подопечных отказались со мной разговаривать – думается, по введшейся в кровь конспирации.

Каждый день на трапезу с Батюшкой собиралось по 10–15 человек.

Как же они проникали в этот дом на окраине Княжева?

Строго соблюдая конспирацию, до рассвета сидели в кустах. К дому приходили по одному и так же, поодиночке, в сумерках покидали дом. Татьяна дежурила во время служб у дома и стуком подавала знаки, если что не так.

Были обыски, которые кончались ничем. Батюшка успевал почти всегда покинуть дом.

Целыми сутками отсиживался рядом «в болотине», как свидетельствует Валентина Букина, из-за этого у него всю жизнь болели ноги.

Иногда в женской одежде шёл в дом напротив, к Пелагее Платоновне. Она на некоторое время скрывала Батюшку у себя, либо увозила в соседнюю Жуковку.

Батюшка, его келейница и их благочестивое окружение, как и все люди, боялись, скрывались, но не оставляли благочестивого образа жизни, данного Богом каждому: кому – монашеского, кому – семейного.

Во время войны о.Александр прожил месяц в Клину, переплетал книги для Скорбященской церкви. Зачем приезжал он в Клин? Можно предположить, что не только для поправления богослужебных книг, а еще и для встречи с пешношской братией.

В Преображенской церкви села Доршево под Клином одно время служили два монаха из Николо-Пешношского монастыря – иеромонах Анастасий (Павлов) и иеромонах Пахомий (Слепнев). Правда, в 30-е годы они уже были арестованы и расстреляны. Может быть, неподалёку жил ещё кто-то из братии?

Например, в это время игумен Николо-Пешношского монастыря Варнава (в схиме Мефодий) скрывался в домике своей духовной дочери в селе Паника Тверской области, недалеко от Клина.

По свидетельству Пелагеи Платоновны, о. Александр ездил ещё куда-то, пропадая летом на месяц-два. Как свидетельствуют духовные чада, отец Александр посещал даже Архангельск – присутствие Батюшки в разных местах было необходимо его подопечным.

По одной – две недели он жил у духовных детей в Москве.

Схиеродиакон Александр (Жемков). Фото из архива П.П.Волковой.

Есть фотография Батюшки в схиме, сделанная незадолго до смерти. На снимке видны пальмы и другие южные деревья.

Где сделан этот снимок – неизвестно, но явно не в Подмосковье. Да и вообще, в те годы где он мог сниматься в схимническом облачении?

Это так и осталось загадкой. Мы уже не узнаем, почему о. Александр ездил куда-то, и не поймём реалии той жизни.

Писатель-переводчик Олег Волков, автор чудесной детской книги «Волшебник Изумрудного Города», проведший 28 лет в заключении, свидетельствует о том времени так: «Нынешним поколениям трудно себе

представить, в какие сумерки – безнадёжные и зловещие – погрузилась страна в двадцатые и тридцатые годы. Скучная жизнь под дамокловым мечом оговора соседом, при массовом характере ночных обысков и арестов притупила совесть, приучила к насилию и жестокости. Мы жили, никогда не забывая об угрожающе разверстой пасти гулаговских заведений, готовых нас поглотить».

Постоянное ожидание ареста, угроза мучений и смерти за веру в Бога, за исполнение Его спасительных заповедей – это невозможно представить нашим современникам.

Своих близких о. Александр «гнал» (по выражению духовного чада) в церковь и сам ездил причащаться в Москву, а с 1946 г. – во вновь открывшуюся Троице-Сергиеву Лавру.

Чада рассказывали ему о своих грехах, недоумениях, жизненных обстоятельствах, советовались – каждый открывался в меру своего устроения. Исповедоваться о. Александр посылал к священникам.

Батюшка любил духовных чад, они это чувствовали, и действовал он как любящий отец. Например, мог встать в 4 часа утра и заботливо разбудить чадо на ранний автобус, но мог и строго сказать: «Скоро не приезжай, ты у меня не одна».

Любовь не мешала ему видеть грехи и страсти духовных чад и врачевать их епитимьями, строгим отношением.

Есть невидимая сторона любви духовного отца – молитвенный подвиг за тех, кто ради Господа вручает пастырю свои души. Страдания отеческой любви, доколе в душах чад «не изобразится Христос», апостол Павел сравнивает с муками рождения.

У о. Александра тоже был человек, с которым он советовался – архимандрит Иоанн. Он приезжал в Княжево (по свидетельству духовных чад), и будущий старец с Татьяной Платоновной ездили к нему.

Поминали архимандрита Иоанна в начале молитв, как поминают духовного отца. Читателей этих строк, у которого есть сведения об архимандрите Иоанне, схиеродиаконе Александре и его окружении, я прошу связаться со мной, автором книги.

О. Александр был молчалив. В его немногих словах мы находим «ум, плавающий в Священном Писании», – свидетельство пребывания в слове Божиим, к которому призывал свт Игнатий (Брянчанинов).

Батюшка был пострижен в схиму за год или два до смерти архимандритом Наумом (Байбородиныным, + 2017 г.) из Троице-Сергиевой Лавры.

Батюшка и прежде молился по ночам, а после пострига исполнял ещё и схимническое правило. Схима – молитва за весь мир; плод этой молитвы вкушают и ныне живущие, знавшие и не знавшие схиеродиакона Александра.

Священномученик Серафим (Звездинский), некогда правящий архиерей Дмитровский, в своих резолюциях так писал о схиме желавшим её принять: «Схимник – мертвец, с земли ушёл совсем, убранный, зарытый, погребённый. К схиме ведёт монашеская колесница на четырёх колесах: первое колесо – глубочайшее смирение. Второе – терпеливое послушание, третье – совершенное безроптение, четвёртое – слёзное покаяние. Когда все эти четыре колеса будут в исправности, тогда и к схиме, как под горку на салазках скатишься».

Видимо, в такое устроение пришёл под конец жизни и иеродиакон Серафим (Жемков).

Имя в схимническом постриге Батюшка получил в честь мученика Александра (память 10 июня ст.ст. /23 июня н.ст.).

В этот день поминаются святые мученики воин Александр и дева Антонина. Воин Александр спас из блудилища невольницу-христианку, деву Антонину.

Схиеродиакон Александр (Жемков). Фото из архива П.П.Волковой.

Её насильно привели в блудный дом. Он остался в блудном доме, а она, переодевшись в его платье, скрылась и осталась невинной. Александра мучили за спасение Антонины.

Антонина явилась на место казни, и их вдвоём сожгли за исповедание веры.

Есть сходство в подвиге чистых душой и телом мучеников Александра и девы Антонины с судьбой схииеродиакона Александра и его сподвижницы Татьяны (Калининой, в монашестве – Серафимы, в схиме Иоанны). Сначала воин Александр защитил деву Антонину, а потом она его поддержала в подвиге исповедания веры перед лицом гонителей.

А скольких душ защитником явился отец Александр, недаром его имя в переводе с греческого означает «мужественный защитник»!

И Татьяна Платоновна Калинина (в монашестве Серафима, в схиме Иоанна) рядом с ним совершала свой тайный монашеский подвиг – подвиг служения, требующий бездну смирения и самоотверженности.

В те страшные годы, когда, по высказыванию анархиста Нечаева, в России царили «для души – ложь, для тела – насилие».

Когда, по словам Пелагеи Платоновны Калининой, «всё было бесом отравлено», – в маленьком домике в Княжеве страждущая православная душа находила атмосферу христианской любви и молитвы.

Года за три до смерти Батюшка Александр ослеп от слёз и стал, как говорила Пелагея Платоновна, «совсем как ребёнок».

Как указывает в своих письмах святитель Игнатий (Брянчанинов), старческое служение «требует, чтобы служитель был прост и невинен как младенцы, был так же чужд сочувствия ко всему вожделенному и сладостному мира, как чужды ему младенцы».

О высоком предназначении старчества свт Игнатий писал:

«С этим служением несовместимы попечения земные».

Все заботы о земном достались верной сподвижнице Батюшки Татьяне (в монашестве Серафиме, в схиме Иоанне).

Как считает Валентина Букина, духовная дочь о. Александра, «он был старец, вот как в книгах пишут».

В её воспоминаниях есть такой момент: Батюшка (в то время ещё о. Серафим) сказал ей, тогда почти ребёнку: «Хочешь, я помолюсь, и ты скоро умрешь и попадёшь в Царствие Небесное?» Валентина отказалась, а потом жалела, считая, что сейчас у неё одни грехи. Но тут речь идет ещё и о силе молитвы её духовного отца.

Есть предположение, что среди духовных детей старца была дмитровская подвижница схимонахиня Иоанна (Патрикеева). В статье о схимонахине Елеазаре, проживавшей одно время в Дубне, упоминается её духовная наставница – схимонахиня Иоанна (Патрикеева). Из этой статьи следует, что духовным руководителем схимонахини Иоанны был сщмч. Серафим (Звездинский), а после его смерти – старец Александр (Жемков).¹⁶

В жизнеописании схимонахини Иоанны (Патрикеевой), книге «Молю о тех, которых Ты дал мне», сказано, что после смерти сщмч. Серафима (Звездинского) и исчезновения игумена Варнавы (Жукова) её окормлял прот. Александр Фелицин. Возможно, так это и было после смерти схиеродиакона Александра (Жемкова).

В последние годы жизни к старцу приезжало уже меньше народа, много он не мог принимать, но человека 2–3 всегда было. Он понуждал себя на молитву, не ложась спать до 12 часов ночи, когда на вседневной полунощнице в православных обителях звучат исполненные тайны слова тропаря:

«Се, Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща».

По немощи Батюшка часто переспрашивал, нет ли ещё 12 часов. Говорил, что очень устал и надо уходить.

¹⁶ http://korolev.msk.ru/books/919/kalendar2007_02/h07-t.htm.

О. Александр предузнал день своей кончины (этот дар от Бога даётся людям праведной жизни) и сказал накануне за ужином верной спутнице Татьяне так же просто, как и всё, что говорил: «На тот свет много не едят».

Перед смертью у Батюшки, по словам Пелагеи Платоновны, был «удар». Он скончался, лёжа перед Животворящим Крестом.

Праведная кончина схиеродиакона Александра прилась на 7 июня н.ст., в день, когда Церковь празднует Третье обретение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, первого на Земле человека, проводившего монашескую жизнь – Ангела пустыни, чей чудотворный образ особо почитался в Пешношском монастыре. В тот год этот день пришёлся ещё и на Троицкую родительскую субботу.

И тут для Татьяны (видимо, уже принявшей постриг с именем Серафимы), начались особенные искушения: как хоронить, отпевать? Ведь никаких документов нет!

Она нашла паспорт, просроченный на 40 лет, выданный Рогачёвской милицией в то время, когда о.Александр ещё жил в монастыре. Существование без паспорта в 60-е годы было немыслимо, и Татьяна усомнилась в словах старца, сказавшего перед смертью: «Без тебя всё сделают, а ты будешь только смотреть». Всё устроилось по слову старца.

Батюшку отпевали в Дмитрове, в храме Казанской иконы Божией Матери, что в Подлипичье: постарался духовный сын – староста церкви Михаил Емельянович. Отпевание старца совершали несколько священников при большом стечении народа. Правда, один священник требовал снять с почившего схиму, но это уже было последнее оскорбление схиеродиакона Александра на земле.

Печаль и горе сиротства духовных чад были растворены неземным утешением.

Но и о земном их утешении позаботился перед кончиной благодатный старец, заповедавший, «чтобы поминки были богатыми». Так и случилось. А сёстры Татьяна и Пелагея Калинины сидели на поминальной трапезе как гости, согласно предсказанию Батюшки.

На погребении произошёл удивительный случай: когда гроб опустили, земля с готовностью «сомкнулась», закапывать почти не пришлось – так вспоминали очевидцы. Причём люди, стоявшие на краю могилы, которые при обвале земли могли бы упасть, не потерпели не только вреда, но даже неудобства. Священник, бывший при погребении, говорил: «Сам себя закопал».

О. Александр предрёк, что на его могилу люди будут «слетаться как голуби», и это сбылось. У ставших мне родными могильных крестов Батюшки и схимонахини Иоанны я нередко встречаю посетителей. И правда, слетаемся мы туда, как голуби, и стонем от скорбей на могиле старца.

Батюшка и после смерти не оставляет без помощи знакомых и незнакомых. Исцеляет от болезней, помогает в материальных нуждах, а самое главное – снимает с души груз: по словам поэта, «и верится, и плачется, и так легко, легко» (М.Ю. Лермонтов).

Архимандрит Паисий (Столяров), настоятель церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, что на погосте Чёрная Грязь, говорил, что схииеродиакон Александр многим помогает. Вот такое сокровище в Дмитровской стороне открыл Господь многим христианам, в том числе и мне.

Служение Богу в строжайших условиях преследований, затвор от внешнего мира и в тоже время постоянное окружение народом следует признать особенным подвигом.

Ежедневно выдерживался полный круг богослужений и не оставлялось монашеское, а потом и схимническое правило. Такой образ жизни по плечу только подвижникам большой духовной силы.

Всё сохранившееся в памяти духовных чад Батюшки Александра происходило в обстановке жестоких гонений, перед которыми бледнеют гонения в эпоху римских императоров, и, по-человечески рассуждая, надежды на изменение жизни не было.

Однако - «истина хотя и может быть помрачена на несколько времени, но сами гонители, наконец, должны будут узнать её... Хотя бы братья нас оставили, хотя бы друзья и знакомые изменили нам, хотя бы никто не остался сострадать нам и утешить нас, и тогда у нас надежда – Господь»¹⁷, – увещевал Афанасий Великий во времена арианских гонений.

И Господь не посрамил упования Своего раба, схиеродиакона Александра. Его погребение в 1968 году как славного Христова воина-победителя при большом стечении народа в разгар «хрущёвских» гонений на веру – неложное свидетельство того, что наш соотечественник, подвижник веры, угодил Богу. Мы верим: из Церкви земной, воинствующей, он перешёл в Церковь торжествующую, Небесную, и там молится за нас.

Батюшка Александр в сияющих одеждах, коленопреклонённый в молитве пред Престолом Божиим, в сонном видении явился духовной дочери Антонине из Клина накануне её смерти. Христово Евангелие он исполнил жизнью.

Духовные дарования схиеродиакона Александра

За труд исполнения Божиих заповедей, достойное несение «огненного» креста монашества, а более всего за смирение Господь сподобил о. Александра даров Святого Духа.

¹⁷ Цитата по книге: Епископ Иоанн (Митропольский), «История Святых Вселенских соборов», вып.2, стр.98. Университетская типография на Сретенском бульваре. Москва, 1871.

Не за смиренные слова и одежды, а за внутреннее послушание, называемое богодарованным и созидаемое Духом Святым, сподобился Батюшка того дара рассуждения, о котором в «Руководстве к духовной жизни» прп. Варсонофий писал, что оно дано от Бога иноку как управитель.

Благословения Батюшки были нестандартны. Одной из духовных дочерей, Зое Сидоровой, он благословил разойтись с мужем-пьяницей вопреки расхожему мнению, что этот крест нужно нести до конца жизни.

Пелагее Платоновне Волковой велел не бегать с работы на Всенощную (это было опасно в то время), а положить поклон там, где она есть, и помнить про Бога.

Монахине, тяжело работавшей в колхозе, благословил пить мясной бульон, но мяса не есть.

Обладая даром рассуждения, схииеродиакон Александр удостоился получить от Господа и дар прозрения, которым постигаются человеческие помыслы и познаётся внутренняя сущность людей. Батюшка говорил не со всеми, он понимал людей и видел, будут ли восприняты его слова. А тех, от которых мог быть вред, и вовсе не велел впускать.

Через прозрение сподобился Батюшка получить дары прозорливости и пророчества, позволяющие видеть происходящее вдали как находящееся близко, будущее – как настоящее.

Например, Зое Сидоровой, едва та ступила на порог, сказал с укором, что она вопреки благословию не посетила Лавру. Отец Александр видел события на расстоянии.

А вот примеры предвидения будущих житейских ситуаций:

- той же Зое батюшка предсказал, что в отдалённом будущем ей предстоит второй брак – счастливый, венчанный, который действительно состоялся лет через 30 после его смерти.

- духовную дочь Валентину Букину о.Александр предупредил тоже лет за 30, что будет время для неё такое, что нечем будет «стыд прикрыть».

Это предсказание помогло ей пережить огромное бедствие – пожар, уничтоживший всё её имущество.

- Пелагее Платоновне Волковой, в девичестве Калининой, Батюшка предсказал долгую жизнь, обременённую скорбями. Она умерла в декабре 2010 г. в возрасте 99 лет. Горя в жизни Пелагеи было много.

Помимо бед, свалившихся на то поколение русских людей – революция, Гражданская и Отечественная война, продразвёрстки, колхозы, тюрьмы и лагеря, ей пришлось похоронить мужа, сыновей, впоследствии умер муж дочери.

- Батюшка предсказывал, что церковь Введения во Храм Пресвятой Богородице в Очеве не закроют, что и исполнилось.

Это – удивительный факт. Храм стоит в некотором отдалении от населенных пунктов и, казалось бы, закрыть его очень просто. Однако исполнились слова старца.

- Удивительное свидетельство дара предвидения о. Александра – просьба к духовным чадам записывать события, потому что о нём будут писать книгу, ведь этой просьбой старец предсказал косвенным образом и смену политической власти. В реалиях советской власти такая книга не могла появиться.

Одна из духовных чад по поводу будущей книги высказала мнение, что о.Александр по скромности, как она выразилась, не мог сказать, что о нём будет написана книга. Но автору кажется, что о.Александр сообщил своим близким о воле Божией.

Через 34 года после смерти Батюшки я начала собирать о нём материалы.

Ещё не зная, что разрозненные сведения постепенно сложатся в книгу.

Схиеродиакон Александр не говорил напрямую об историческом пути России – жизнь в эпоху гонений не располагает к высказыванию политических прогнозов. Автору известно лишь несколько эсхатологических предсказаний Батюшки. Но писать о них сложно – нужно иметь уверенность, что сказанные старцем слова были переданы точно. Приведу лишь некоторые.

Батюшка предрекал, что в последние времена слуги антихриста начнут ходить по домам, агитировать за него. В глаза им смотреть нельзя, они будут действовать как бы гипнозом. И вообще надо научиться смотреть в землю.

Ещё он говорил, что Почаевский монастырь устоит во времена антихриста.

На просьбы благонравных чад женского пола отправить их в монастырь Батюшка отвечал, что монастырей нет и не будет.

Схиеродиакон Александр любил Бога горячо, пламенно – об этом свидетельствует вся его жизнь. Пламень любви Батюшки к Всесовершенному Творцу возжигал молитвенный настрой его духовных чад – обычных, незначительных людей, противостоявших гигантскому безбожному циклопу – атеистическому государству.

Любовь к Богу выражается прежде всего в любви к ближнему. Иеродиакон Серафим, пламенеющий любовью к Богу (в переводе с еврейского Серафим – *пламенный*), стал схиеродиаконом Александром (в переводе с греческого – *мужественный защитник*).

Вся жизнь схиеродиакона Александра свидетельствует о его любви к ближнему. За духовных чад своих, за «братий» он полагал душу.

Батюшка плакал о грехах духовных своих чад, как о своих, и «проплакал все глаза», ослепнув в старости от слёз.

Он принимал людей, пренебрегая здоровьем. О том, что Батюшка отдыхал или болел – никто даже и не вспоминает. Он был добрым ангелом для своих чад и не только для них. Это был чистый родник, кладезь духовных дарований: приходи – и пей, и воздай славу Богу!

Важная сторона служения старца – это поддержка, утешение народа Божия.

«Величайшее, единственное благо для человека – познание Бога. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными, – оно сохраняет свою силу. Блаженнейшее, высшее служение на земле – привлекать к себе этот дар Божий покаянием и исполнением евангельских заповедей, сообщать его ближним. Счастлив тот, кому вверено такое служение», – писал святитель Игнатий (Брянчанинов).¹⁸

Знакомство с жизнью удивительного угодника Божия стало и для меня великим утешением, я ощутила на себе влияние его личности.

В периоды уныния и окаменения работа над темой его духовного подвига была для меня как живительный луч солнца, который пробивается сквозь мрак и согревает грешную землю. Нередко я чувствовала направляющую руку, и нужные для книги материалы находились как бы сами собой. Опишу один такой случай.

В поиске документов, подтверждающих пребывание иеродиакона Серафима в монастыре, я позвонила Инне Геннадьевне Меньковой из ПСТГУ – посоветоваться, как попасть в Центральный Исторический Архив г. Москвы, а она в ответ продиктовала выписку «Послужного списка монашествующих за 1916 год» о послушнике Александре Ильиче Жемкове, оставшуюся у неё в компьютере после работы над книгой о сщмч. Серафиме (Звездинском).

¹⁸ Свт. Игнатий (Брянчанинов). «Письма». Изд-во "Правило веры". С. 153. М.

Всю важность и своевременность этого случайного дара я осознала позже, дойдя всё-таки до Центрального Архива: там о Пешношском монастыре ничего не оказалось!

Только через год, опять с помощью И.Г.Меньковой, в документах епископа Серпуховского Арсения (Жадановского) я нашла драгоценные списки монашествующих Николо-Пешношского монастыря, но, когда пришла во второй раз уточнить некоторые данные, эти материалы оказались закрыты.

Помощь Свыше в поиске документов ощутил и вероятный родственник Батюшки Андрей Жемков. Только вдуматься – найти запись за 1879 год в метрической книге несуществующей церкви г. Казани!

Вернёмся к Батюшке Александру.

Он обладал даром изгнания бесов, совершал исцеления. Пелагея Платоновна вспоминала, как Батюшка исцелил от помутнения рассудка её свекровь, которая впоследствии в здравом уме и твёрдой памяти прожила ещё много лет.

Жительница деревни Княжево Таисия Степановна Бугаева рассказала мне, как о. Александр исцелил её брата от душевного заболевания.

Валентина Букина свидетельствует, что Батюшка исцелил у неё нестерпимо болевший зуб знамением креста.

Ирина из рода Калининых сообщает об исцелении её мамы после молитвы к усопшему праведнику схииеродиакону Александру и употребления святой воды, сохранившейся ещё с тех времён, когда о. Александр жил в доме Татьяны Калининой в Княжеве.

Я, автор этих строк, свидетельствую о помощи в прекращении сердечного приступа по молитве к схииеродиакону Александру и после употребления святой воды с песочком от могилы Батюшки.

А также об избавлении от хронического гайморита. Кусочек от его мантии, доставшийся мне от Валентины Букиной, служит мне доселе обезболивающим средством. Помогает путем прикладывания «от всего», и от головной боли тоже.

Дети из воскресной школы московского храма прп. Сергия Радонежского в Бибиреве рассказали руководительнице экскурсии, что после посещения места захоронения о. Александра, у них зажили ранки, прошли болезненные мозоли на ногах.

Об избавлении от онкологического заболевания по молитвам к усопшему схииеродиакону Александру (Жемкову) рассказала мне посетительница места упокоения праведника.

В семье алтарника храма Покрова Божией Матери в Орудьеве родился долгожданный ребёнок после усердной молитвы Богу возле могилы схииеродиакона Александра.

Все чада свидетельствовали о мирном, светлом состоянии души о.Александра. «Любовь, мир, радость, долготерпение, милосердие» – вот черты его духовного облика. Рядом с Батюшкой всем было хорошо.

И все, кто навещали могилы праведников на погосте, обретали радостное и спокойное состояние духа после молитвы у могил схииеродиакона Александра и схимонахини Иоанны.

О. Александр являет нам образ совершенного христианина, щедро наделённого дарами Святого Духа, истинный образ преподобного – пастыря, подобного Пастыреначальнику Господу Иисусу Христу.

Как пришёл схииеродиакон Александр в такое устройство?

Нам мало известно даже о внешней стороне его жизни, а возможно ли описать богатство духовного мира настоящего христианского подвижника, каким являлся схииеродиакон Александр?

На ум приходят слова свт. Игнатия Ставропольского о пути иноческого подвига в последнее время – пути несения скорбей и усвоения опыта Святых Отцов через чтение их наследия.

О. Александр понимал жизненную важность того, что приоткрыл нам свт. Игнатий, – это видно из слов Батюшки, являющихся его благословением и завещанием: «Молитесь, молитесь, книги духовные читайте».

Благодарю Господа Бога за то, что позволил мне прикоснуться к тайне святой жизни схииеродиакона Александра (Жемкова) и его сподвижницы схимонахини Иоанны (Калининой), а также за знакомство с его духовными чадами – и живыми, и уже закончившими земное странствие.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ТАЙНОЙ МОНАХИНИ СЕРАФИМЫ, В СХИМЕ ИОАННЫ

(Татьяны Платоновны Калининой)

(1 декабря 1898 г. – 17 ноября 1975 г.)

От автора

Жизнь Батюшки Александра в рассказах духовных чад так тесно переплетена с жизнью Татьяны Платоновны Калининой (в монашестве Серафимы, в схиме Иоанны), что составить отдельное повествование было бы невозможно.

Несомненно, в лице Татьяны Платоновны мы видим незаурядную русскую женщину, по словам Валентины Алексеевны Букиной – «с детства монахиню».

Её жизненный духовный подвиг можно описать словами свт. Игнатия Брянчанинова: «Опытные в битвах ратники почитают признаком храбрости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим – безмолвное стояние с угрюмой твердостью под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таковых-то воинов наиболее он может положиться. На таковых воинов наиболее полагается наш подвигоположник – Господь Иисус Христос и венчает их духовными венцами».

В жизни Татьяны Платоновны (тайной монахини Серафимы, в схиме Иоанны) мы видим твёрдое стояние в любых жизненных обстоятельствах, ревностное исполнение всех жизненных послушаний, которые возложил на неё Господь. Она и келейница, и «эконом» подпольного монастыря, и староста храма, и певчая.

Постоянство в подвиге веры увенчалось даром старчества, возможно, не столь ярким и сильным, как дарование её духовного отца – схиеродиакона Александра, но, тем не менее, замеченными окружающими.

Единственный документ, в котором приводится имя Татьяны Платоновны Калининой и который держала в своих руках автор, это - «Свидетельство о смерти».

Приводим его полностью:

«Свидетельство о смерти гражданина(ки)

Калинина Татьяна Платоновна

умерла 17/XI – 75 г. семнадцатого ноября тысяча девятьсот семьдесят пятого года

в возрасте 77 лет о чем в книге регистрации актов о смерти 1975 года ноября месяца 17 числа произведена запись за № 25.

Причина смерти рак пищевода.

Место смерти, город, селение Княжево район Дмитровский область, край Московская.

Место регистрации Дядьковский с/совет Дмитровский р-н Московской обл.

Дата выдачи 17 ноября 1975 г.

Заведующий отделом (бюро) записи актов гражданского состояния(подпись)
И-ИК № 489666».

Эта жизнь, что была прожита не зря, оставила нам свидетельство еще и таким фактом: именно 17 ноября, в дату смерти Татьяны Платоновны (схимонахини Иоанны), в 2006 г. в Пешношский монастырь прибыл на жительство его первый, после времени гонений, настоятель - игумен Никон (Головко). Для монастыря опять наступило «время цвета».

Вспоминает Пелагея Платоновна Волкова

Татьяна, моя старшая сестра и крёстная, красивая была. Её в деревне звали «Калинина монахиня» или «Беззубая Татьяна» вот по какому случаю.

У неё болели зубы, и она смочила их «царской водкой» (смесь азотной и соляной кислоты – Т.А.) – ну, зубы у неё и выпали.

Она до 18 лет вместе с молодёжью гуляла. И ухаживал за ней один, но, видно, обидел её или он, или его мать. Та всё говорила: «Женись, женись на беззубой, жевать за неё будешь».

Может, из-за этого крёстная ни в какую за него замуж не пошла. Стала в монастырь ходить, в Пешношский, к архимандриту Ксенофонту.

Много позже крёстная мне рассказала, что этот парень от неё никак не отставал. Однажды она поехала зимой на лошади с санями за дровами в лес.

Выезжает она с грузом, а он тоже на лошади с санями – навстречу.

Перегородил путь.

– Выходи за меня замуж!

– Нет.

– Выходи!

– Нет!

И он стоит, и она стоит.

Постояли, постояли, она слезла и пошла пешком по сугробам. Тогда уж он дал ей дорогу. Так и отстал.

Жизнь у Татьяны была тяжёлая. К о. Александру в Княжево столько народу ходило! Всех покормить, спать положить. Огород, козы. Иногда она пела долгие службы, как в монастыре, а иногда дежурила у дома в любую погоду, когда другие молились. Определённым стуком давала знать, кто идёт, свои или чужие.

Сколько раз у неё обыски были. Придут к ней и давай золото монастырское искать: «У вас тут подпольный монастырь». В подпол слазят и там копают, во дворе копают.

Одно время она неделю в лесу жила, опасаясь ареста, я ей еду носила.

Потом она мать к себе взяла. Мать у нас богомольная была, молилась со слезами, ну и ослепла под конец жизни. Татьяна мать к себе взяла, ухаживала за ней, да и предлог был, чтобы в колхозе не работать, мол, за матерью ухаживаю. И ещё она одеяла стегала вместе с одной женщиной, которая у них жила.

После смерти матери Татьяна, по благословению Батюшки, была и псаломщицей, и старостой в храме Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Очеве. А кто в церкви работает, «тот комсомолу первый враг» – в песне такие слова были. Вот её на колхозном собрании голоса-то и лишили.¹⁹ Ныне лишили, завтра заберут, на Соловки поедешь. Сколько людей там померло! Она, как ночь придёт, в лесу или в болоте ночевала. Забирали всё по ночам.

По благословению Батюшки нашёлся такой человек, написал бумагу ко властям. И вот меня посылают на Лубянку с этой бумагой. Теперь-то все знают, что это за Лубянка такая была. Поезжай, говорят, спроси такого-то человека.

Приехала я туда: «Мне вот Василия такого-то позовите». А он у Батюшки бывал – человек как человек, а там-то вышел – весь в погонах. Ух! Велел за ним идти. Пропустили. Открывается дверь, ещё дверь, ещё дверь. Три двери прошла, думаю, куда же меня ведут?! И ещё одна дверь за мной закрылась.

«Садитесь», – говорят. А я думаю: «Сейчас мне – хана, стул-то, наверно, электрический». Стою, а подо мной образовалась лужа. «Господи! – молюсь, – Ты знаешь, у меня трое детей и двое стариков».

Этот человек начал разговор.

¹⁹ Т.е. запретили голосовать на выборах - форма общественного порицания. Духовенство и "церковники" были лишены избирательных прав и относились к группе населения, называемой «лишенцами». Это были люди, не имевшие никаких гражданских прав. Их могли в любое время мобилизовать на принудительные работы - чистку туалетов, ремонт дорог. Могли арестовать без санкции прокурора, забирать в заложники, которых расстреливали в случае напряжённой политической ситуации и без таковой. Их не прописывали в государственных домах, лишали прав на получение продовольственных карточек, резко ограничивали в правах при поступлении на государственную службу, они не имели права состоять в профсоюзах. ("И тьма не объяла свет. История жизни и гонений одной православной семьи в советское время". Изд-во "Параклит", 2002 г.).

Я сказала, кто меня послал и зачем. Что он мне говорил, не велел никому рассказывать. И я до сих пор никому это не открыла.

Опять за мной закрылись четыре двери, и я вышла. Слава Тебе, Боже! Цела!

Я даже забыла, на каком трамвае туда приехала. А от крёстной на некоторое время отстали. И все-таки, почему её и Батюшку ни разу не арестовали за 41 год, и никто не выдал – удивляюсь! Это Господь хранил.

Нашу церкву (Введения во Храм Пресвятой Богородицы в селе Очево – Т.А.) ни на минуточку не закрывали. И Батюшка говорил, что не закроют. За время большевиков грабили её четыре раза. Однажды с винтовками пришли, ризы с икон снимали. А потом стёкла молодежь батогами побила. Надо стёкла вставить, а где их возьмёшь?

Такие времена были – и не было ничего, а чего есть – разве церкви дадут? Но всё-таки крёстная договорилась с кем-то в Дмитрове. Поехали с ней за стеклами. Привезли, довольные. Стали смотреть. Батюшки! Которые – узкие и длинные, а которые – широкие. Но как-то вышли из положения. И сейчас в церкви наши стёкла.

Уже после смерти Батюшки (после 1968 г.) пришли какие-то: «Давай семь тысяч! А то светотрежем!» Ну, уж тут другие времена, мы уже посмелее стали. И денег не дали, и свет остался.

Наша церковь в те-то времена и ремонтировалась, и украшалась. Начиная от голубка над Царскими Вратами, кончая росписью стен – всё Татьянины труды и молитвы, её и Батюшкины.

Я и дом за Батюшкины молитвы быстро выстроила, и дом получился хороший.

В деревне стали говорить: мол, за церковные деньги – Татьяна Платоновна дала. Она же копейки из храма просто так не даст!

Художников, которые расписывали храм, конечно, нанимали. А я «активировала» – оформляла документы. Мы в этом деле «ни бум-бум», они скажут, краски два рубля стоят, мы верим, а ведь не все Бога боятся! Расписали нашу церковь, только притвор не доделан – так он и стоит недоделанный. Всё Господь давал. Это что – не чудо? В такие времена, когда церкви закрывали!

Помню, из церкви все разбежались. Некому ни читать, ни петь, ни пол помыть. Крёстная ко мне идёт: «Полюшка! Иди в церковь пол мыть – три рубля дам». Я иду, конечно. И помочь надо, и деньги нужны – мы бедно жили.

Ещё помню, пришла ко мне. А у меня лётчики за стеной жили, но их в дневное время не должно было быть, ну мы громко, не боясь, говорим.

Дело в том, что к Батюшке приходили откуда-то издалека, за сорок километров, муж и жена – Николай и Дуся (Евдокия). У них какой-то важный вопрос был к нему. А он с ними разговаривать не захотел, пока они не повенчаются. Вот они и надумали венчаться в нашей церкви, где Татьяна была старостой. Она мне: «Полюшка! Ступай венчать! Тебе Батюшка три рубля даст». А я: «Ты меня скоро в попы посвятишь. Во всякую дыру суёшь, да я и не умею «Апостол» читать».

«Как не умеешь! На «Апостол», пробуй. Я тебя подучу. И я тебе три рубля дам – шесть рублей будет. И Батюшка велит». Три раза я Апостол прочитала. Последний раз вышло особенно хорошо – я как затрублю: «Жена да убоится му-у-ужа своего-о-о!» Она и говорит: «Пять рублей дам». А тут из-за стенки лётчики вышли, смеются: «Хорошо вышло! И мы десять рублей дадим!»

Тогда это большие деньги были.

Николай и Евдокия повенчались, а потом стали к Батюшке часто ходить.

Иногда мы с крёстной размолвимся. Пришла она ко мне, а свекровь моя одеяло стегает. Она мне: «Полюшка! Ты у меня вату взяла? У меня вата пропала».

Я в ответ: «Не брала я у тебя вату. Ты меня воровкой считаешь? Это мне неприятно. Я вот Батюшке скажу».

– «Ну, прости, Христа ради».

И опять всё тихо-мирно.

В храме у неё были большие скорби. Она прислуживала в алтаре – кадило подавала, пела «на крылосе», занималась хозяйством и всё привыкла делать как следует. А тогда священник такой служил, ему бы побыстрее отслужить – и на поезд, домой. Ему ничего не надо было – ни крестить, ни венчать, да за это и пострадать можно было.

А Татьяна за народ переживала. Вот у них конфликты и были. Много она от него плакала. Поплачет – и в церковь идёт.

Внешне она была как все, а сама своё дело делала – молилась. Из церкви только одна из работающих к Батюшке приходила. Остальные и не знали ничего.

Перед смертью я слышала от Батюшки такие слова: «А вы, рабы Божии, как ко мне ходили, ходите к Платоновне (Татьяне). Она будет такая же, как и я. У неё найдете утешение».

После смерти Батюшки к Татьяне (монахине Серафиме) стал народ ходить. И так же молились. Она молитвенница была. В церкви раз она свою духовную дочь широким крестом перекрестила, а священник увидел и давай её ругать: «Да кто ты такая?! Да как ты смеешь?!»

Крёстная мне доверяла, но кто она такая, и я не понимала тогда. Что она схимница – это я перед её смертью узнала.

Умерла она в 77 лет, на семь лет пережила Батюшку. Перед смертью раком заболела. Сначала от еды отказалась, а потом и от питья.

Умерла от истощения: боли, видно, были – она постанывала тихонько. Перебралась умирать в батюшкину каморочку.

Лежала на его кровати, перед Животворящим Крестом. Всё заносила руку для крестного знамения, и не было у неё сил перекреститься. А мы, глупые, возле неё сидели долго, пока догадались её крестом перекрестить.

Монахиня Серафима (Калинина), справа вторая, с певчими храма Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Очево.

Сказала: «Читайте отходную». Мы засуетились, руки трясутся. Так под отходную она и отошла «в селения праведных», я так верю.

Перед смертью мы об иконах с крёстной говорили.

Я: «Куда иконы девать?»

– «Да что ты, Полюшк. Мало хватит!» (ещё и не хватит! – Т.А.)

И действительно, все почти иконы раздали чадам и в храмы.

Жалко мне Крест Животворящий, около него столько людей исцелялось! Я его отдала в церковь, как мать Серафима завещала, да что-то не вижу его теперь.

А у меня осталась икона Выдропусской Божией Матери, чудотворная, принадлежавшая о. Ксенофонту (Чернышову, позже схиархимандриту Онуфрию – Т.А.).

Мощи, которые были у Батюшки, мы отдали архимандриту Науму из Троице-Сергиевой Лавры.

Они похоронены рядом - Батюшка и крёстная. Батюшка говорил, что на его могилку будут люди слетаться, как голуби. И я вижу, что и эти слова его исполняются.

Вспоминает Валентина Алексеевна Букина

Я схимонахиню Иоанну в своём рассказе буду Татьяной называть, как привыкла за много лет. Она красивая была и красивое любила. И одевалась как-то нарядно, хоть и скромно. Татьяна с детства монахиня.

Она жила в Николо-Пешношском монастыре на скотном дворе. Духовный отец её был архимандрит Ксенофонт, в схиме Онуфрий.

Он поручил Татьяне к себе забрать нашего Батюшку. Батюшка прожил у неё 40 лет до своей кончины.

Жизнь у неё была тяжёлая. Она и в храме работала, и в доме всё время люди.

Их и покормить надо, и спать положить. И скрывать, что старец у неё живёт, и самой скрываться.

Татьяна никогда из воли батюшкиной не выходила. Но и Батюшка её слушался.

Помню, он никак не хотел электричество проводить. Татьяна настояла на своём: «Как это? У всех есть, а у нас нету. Это не грех!»

В старости она его иногда упрекала, что он всё самовар роняет, который на пути стоял. Изба-то маленькая, а Батюшка стал слеповат и глуховат, и ходил неловко – ноги-то больные. Мне это неприятно было слышать.

Татьяна меня недолго любила сначала.

Ревновала, мне кажется, к Батюшке маленько. Батюшка мне, как и другим, сказал к ней ходить. Я не хотела, но послушалась. И как же она меня потом полюбила!

Весь народ, который к Батюшке ходил, стал ходить к Татьяне. Я однажды к ней приехала, стучу, стучу, она не открывает. Потом открыла, говорит: «Вот я помыться хотела, да с вами разве помоешься!» Мы привыкли, что она всегда на месте. Ей все обстоятельства, горе и нужду скажешь... Она такая молитвенница была! Мне казалось, что она у Бога всё выпросить может.

У матери Серафимы (Татьяны) много было дел хозяйственных по церкви, где она была старостой. И я с ней ездила по делам. То в Дмитров, за капустой, когда капуста не уродилась, то для церкви что надо. Для отдыха и чай попить останавливались у Михаила Емельяновича, старосты Казанской церкви, что в Подлипище.

Когда он умер, то заходили чай попить перед электричкой в чайную. И там её откуда-то знали, относились с большим уважением: «Татьяне Платоновне – в первую очередь».

Мы с ней и в Троице-Сергиеву Лавру ездили помолиться. Едем, весь автобус разговаривает, а она молчит – верно, молится. Ну и я с ней молчу.

После смерти Батюшки у меня была серьёзная болезнь – воспаление надкостницы за ухом. Я запустила эту болезнь – ни есть, ни спать не могла. Поехала в Троице-Сергиеву Лавру к архимандриту N. Он сказал, что надо мазать маслом из лампы от чудотворной иконы. Я мазала, не помогает. Наверное, веры нет.

Приехала к Татьяне, рассказала. Она сказала в сердцах: «Да он в мирских делах ничего не понимает! Надо операцию делать». Я сказала, что боюсь, помру.

– «И ничего ты не помрешь. Срочно иди к врачу. Будем молиться».

А она под конец жизни стала уже такой, как Батюшка, прозорливой. Я послушалась. Пошла на операцию. Операция была тяжёлой.

Кость долбили стамеской, у меня даже сотрясение мозга было. Но операция прошла успешно, и я не пискнула даже. Это, я думаю, за её молитвы. Потому что до меня такую операцию другой женщине делали, так она кричала не своим голосом.

Потом я узнала, что, пока я в больнице была, она всем приходящим говорила: «Молитесь за Валентину клинскую (Валентина жила в г. Клин –Т.А), у неё болезнь серьёзная» . Сбылись слова Батюшки, который говорил: «Что я, что она – будем одинаковы».

Батюшка при мне говорил матери Серафиме (Татьяне): «Перед смертью прими схиму». И Батюшка, и мать Серафима всегда на людях жили. А им ведь своё правило надо справлять. На это только ночь и оставалась.

Перед смертью мать Серафима заболела раком. И пищу принимать почти не могла. В редкие моменты, когда она могла чего-нибудь съесть, она просила у нас, чтобы мы быстро дали ей какую-нибудь еду.

А разве на керосинке быстро что-нибудь приготовишь? Это промедление доставляло ей страдание. И даже в своей тяжкой болезни она не нарушала пост.

На Воздвижение Креста Господня монахиня Серафима приняла схиму с именем Иоанна. Постригал ее архимандрит Наум из Троице-Сергиевой Лавры. Она во время пострига – больная, голодная, бессильная – пела: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!»

Умерла на 77-м году своей жизни, 17 ноября 1975 года. Вся высохла из-за болезни. Запаха не было никакого. Священник, служивший тогда в церкви, сказал ей, что, мол, подпиши мне дом свой, а то отпевать тебя не буду.

Она дом не подписала ему, он все равно её отпел.

Гроб её несли одни бабы. А все присутствовавшие хотели хоть дотронуться до её гроба, себе благодать улучшить.

Вот схиеродиакон Александр и схимонахиня Иоанна какие люди были! Каких людей они вокруг себя собрали! Все за них молятся и получают помощь и утешение. А мы умрём – кто за нас молиться будет?

ВОЗРОЖДЕНИЕ НИКОЛО-ПЕШНОШСКОГО МОНАСТЫРЯ

По словам Святейшего Патриарха Кирилла, в 90-е годы XX века окончилось 70-летнее запустение великого Православного Храма – Русской Земли. Колосс на глиняных ногах (советская власть) рассыпался.

Это время предвидел схиеродиакон Александр, говоря своим духовным чадам, что будет ещё о нем книга, которая в политических реалиях недавнего

времени не могла бы выйти в свет. Видимо, пришла пора вспомнить о человеке, вся жизнь которого была служение Богу и людям.

Поддерживаемый силою Христовой, этот человек жил в Боге и для Бога в такое время, когда вера и служение Богу являлись основанием для лишения свободы и даже жизни, и учил жить для Бога «малое стадо» своих духовных чад. Схиеродиакон Александр – духовный плод могучего древа Николо-Пешношского монастыря, и говоря о нём, нельзя не сказать об открытии этой обители.

Открытие Николо-Пешношского монастыря состоялось в 2007 году.

Николо-Пешношский монастырь. Фото 2004 г.

Подготовил монастырь к открытию первый его настоятель – игумен Никон (Головко). Интересное совпадение: игумен Никон переехал на жительство (совершенно случайно...) в монастырь 17 ноября.

Это - день памяти верной помощницы схиеродиакона Александра – Татьяны Платоновны Калининой (тайной монахини Серафимы, в схиме - Иоанны).

В момент передачи монастыря в 2007 году от бывшего величия остались только могучие стены и церкви, в которых царствовала «мерзость запустения».

Но даже в таком состоянии ансамбль монастыря без слов свидетельствовал о великом прошлом обители.

Игумен Никон запомнился прихожанам монастыря тем, что у него, при громадной занятости хозяйственными делами разоренного монастыря, находилось время на сбор материалов об утраченной истории монастыря.

Игумен Никон (Головко) на колокольне. Фото 2007 г.

Игумен монастыря почитал схииеродиакона Александра (Жемкова) и часто ездил помолиться к нему на могилу.

Игумен Никон первым делом восстановил Богоявленский храм «иже под колоколы» - под колокольней, где начались первые регулярные богослужения Николо-Пешношского монастыря. Также о. Никону удалось восстановить полностью храм прп Сергия Радонежского с колокольней.

С 2008 года по 2019 г. настоятелем монастыря был игумен Григорий (Клименко). Знакомство автора с о. Григорием состоялось еще тогда, когда он служил в сане иеромонаха в одном женском монастыре в Подмосковье.

На какой-то церковный праздник, будучи на богослужении в монастыре, я преподнесла ему подарок – церковный календарь, в издании которого я принимала участие. В календаре была страница, посвященная схииеродиакону Александру (Жемкову), бывшему насельнику Николо-Пешношского монастыря, которому посвящена эта книга.

В этот период жизни о. Григорий попал в неудобное положение. Он проживал в одном из помещений монастыря, но игумении показалось это неудобным, и она попросила его сменить место жительства. Денег у о. Григория на съемное жилье не было, и он не знал, как выйти из этого положения. И вдруг о.Григорий неожиданно получает предложение от священноначалия стать настоятелем Николо-Пешношского монастыря. Он согласился, несмотря на то, что, как он сказал, даже не знал, где этот монастырь находится. Не знаю, обратил ли внимание будущий игумен монастыря на краткую заметку о последнем старце обители, но мне показалось знаменательным это совпадение.

Игумен Григорий (Клименко), при активной помощи тогдашнего главы администрации Дмитровского района Гаврилова В.В., проделал большую работу по восстановлению монастыря

Каждый год, начиная с 2009 г., открывался для молитвы какой-нибудь из храмов монастыря.

Были восстановлены: Сретенский храм, придел прп Мефодия Пешношского в Сергиевском храме, Никольский храм, Преображенский надвратный храм. Богоявленская церковь в колокольне и, наконец, в 2014 году – Дмитриевский храм. Началось восстановление Медведевой пустыни, нынешнего подворья Николо-Пешношского монастыря.

Игумен Григорий (Клименко) с паломниками.

На момент празднования 650-летия монастыря и приезда по поводу юбилея обители Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла в 2014 г. в обитель Николо-Пешношский монастырь был восстановлен почти полностью.

Игумен Григорий часто служил панихиды на могиле схиеродиакона Александра (Жемкова).

8 сентября 2019 г. состоялось поставление в игумены Николо-Пешношского монастыря игумена Алексия (Горлычева).

Игумен Алексей, при всей своей занятости, все же находит время на исторические изыскания и исследование судеб братий монастыря в эпоху гонений.

Митрополит Ювеналий вручает игуменский жезл игумену Алексею (Горлычеву)

Население посёлка Луговой сначала было недовольно соседством с возрождающимся монастырём. Больших трудов стоило вывести дискотеку из помещения внутри монастырских стен: администрация посёлка грудью отстаивала свой «культурный центр». Но, слава Богу, монастырские стены оставили в покое.

Со временем и вокруг монастыря всё приведено в порядок. Восстановлены все церкви обители, включая больничный храм в честь свт. Димитрия Ростовского.

Больничный храм свт Димитрия Ростовского. XIX век

**Всё, что осталось от солнечных часов на стене Дмитриевского храма.
Фото 2004 г.**

Под слоем краски были обнаружены фрески больничного храма.

Краску смыли, фрески подновили, иконостас изготовили в точности такой, как на сохранившихся фотографиях, и мы теперь можем видеть Дмитриевский храм такой же, как был перед закрытием монастыря.

Вдоль западной стены храма свт. Димитрия находится галерея, на которую можно выйти из бывших палат для больных насельников – как бы архитектурное воплощение христианского милосердия.

Возрожденный Дмитриевский храм. Современное фото.

Что видит в настоящее время, желающий поклониться святыням Пешноши через почти два десятилетия после открытия монастыря?

Над нарядными стенами уже издалека виднеются купола многочисленных храмов с сияющими крестами. Отличительная особенность монастыря – белые купола некоторых храмов, как на дореволюционных фотографиях.

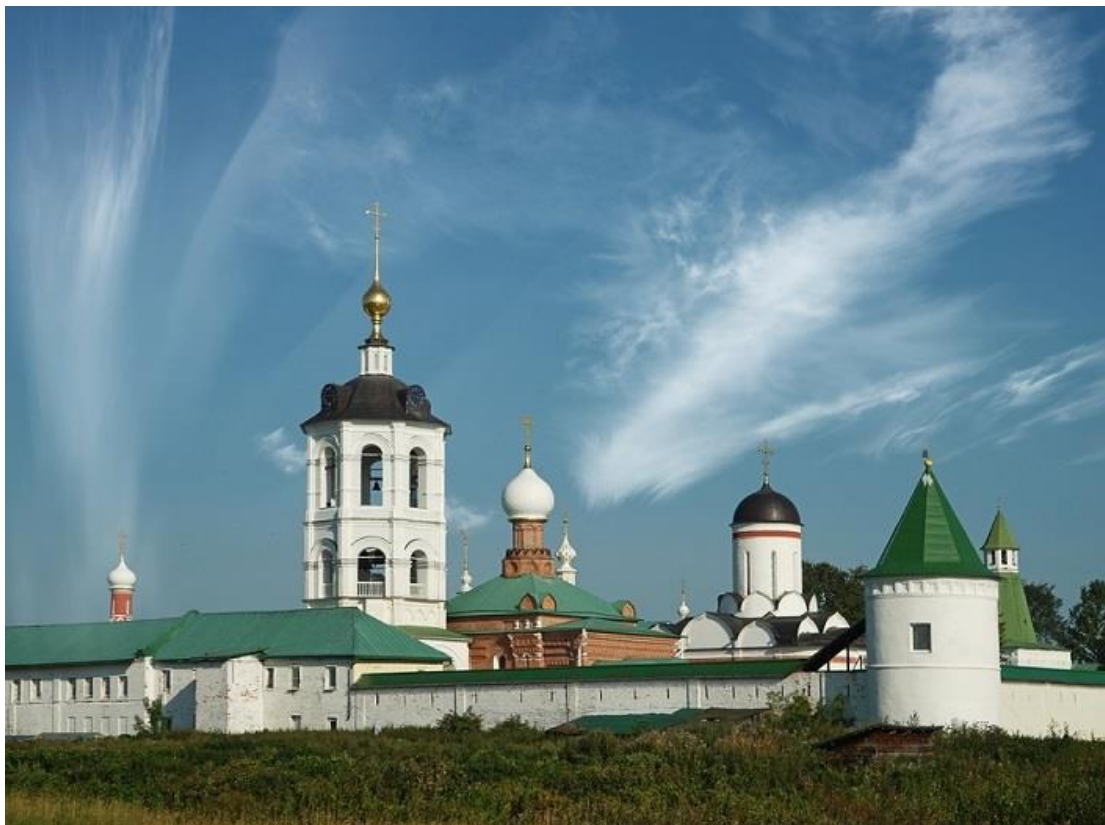

Николо-Пешношский монастырь начала XX века. Вид с юго-востока.

Николо-Пешношский м-рь. Фото середины 1960-х гг.

Николо-Пешношский монастырь. Фото середины 1960-х гг.

Панорама Николо-Пешношского монастыря. Современное фото.

Современная территория монастыря поражает ухоженностью. Позади Сергиевского храма в советские времена располагалось футбольное поле. Но, к сожалению, оно было устроено на территории монастырского кладбища. Сколько ведомых и неведомых угодников Божиих за шестисотлетнюю историю монастыря нашли упокоение на этом кладбище.

Позади храма свт Николая располагался некрополь Пешношского монастыря, на котором упокоились многие представители знатных родов России.

Представители рода бывшей дмитровской знати Поляниновых не часто, но приезжают в монастырь, где стараниями игумена Алексия (Горлычева) установлены редкие сохранившиеся надгробные памятники.

Закончить повествование о сей русской обители и праведниках, выросших в ее стенах, хочется словами из главы «Заключение» Пешношского Синодика.

Эта запись датируется 1876 г. (орфография источника): «Слава Богу, Дивному во обители сей, которая не бывает без святых и которая остается ТАЙНОЮ под прикрытием святых храмов ... и икон и людей Богоугодных и не знаемых миром».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Благодарю Бога за то, что в процессе работы над книгой Он дал мне прикоснуться к подвигам преподобных, исповедников и новомучеников Николо-Пешношского монастыря, а также познакомил со Своими рабами – духовными детьми схиеродиакона Александра и множеством настоящих христиан, помогавших мне собрать материалы, отредактировать текст, сделать фотографии и многое необходимое для издания, не жалея своих сил и времени. Их имена: Александр Воробьёв, Андрей Жемков, Алексей Блохин, Дмитрий Семченко, И.Г.Менькова, исследователь Скорбященского храма г. Клина Глухойкина Н. В. и другие, пожелавшие остаться неупомянутыми.

Особенно благодарю двух членов Союза писателей – Алексея Блохина, принимавшего участие в создании этой книги, его помощь бесценна, и ныне усопшего священника Андрея Плионтковского, который все время меня «толкал», призывая закончить книгу.

И еще благодарю Игоря Ростовского (Ростовский – прозвище, т.к. Игорь – уроженник г. Ростова). Игорь, человек, попавший в трудные обстоятельства и ведущий образ жизни лица без определенного места жительства, поддержал меня в желании издать книгу и даже выделил из своих скудных денежных запасов деньги на издательство книги.

Да вознаградит их всех Господь.

Конец и Богу слава!